Детск. Чтен.
1787
9 - 10

A Mademoiselle de Lamartine;

ДѢТСКОЕ
ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СЕРДЦА и РАЗУМА.

ЧАСТЬ X.

ВЪ Университетской Типографіи.
у Н. Новикова.
1787.

9402

ДЕРЕВЕНСКІЯ ВЕЧЕРА.

Гос. Нар. Науч. Библиотека при ...ском Госуд. Ун-те

Исправленная лѣность.

I.

Доралиса, жена одного Французскаго откупщика, владѣла весьма достаточнымъ имѣніемъ; но разумъ и сердце ея были столь хороши, что не могла она любить пышности и суетнаго великолѣпія. Она знала, что расточительность, всегда порочная, дѣлаетъ еще тѣхъ людей смѣшными, которыя по состоянію своему освобождены отъ всякаго рода большихъ издержекъ. Не было у нее бриліантовъ, и она жила въ домѣ маленькомъ, но покойномъ; не давала пиршествъ, но благодѣтельствовала; и богатство ея, не возбуждая къ ней въ благоразумныхъ презрѣнія, а въ глупцахъ зависти, заставило нещастныхъ благословлять ее, и произвело всеобщее къ ней почтеніе. Со-

всѣмъ не было въ ней тщеславія и безразсуднаго желанія чѣмъ нибудь блеснуть. Хотя она и въ уединеніи не скучала, однакожь любила и общество. А чтобы въ обхожденіи съ пріятелями находить истинное удовольствіе, то не отдавала она никакому состоянію изключительнаго преимущества передъ другими. Никогда не говорила она: такого-то состоянія людей только я видѣть хочу, или: такого-то состоянія людей я не хочу видѣть. Она готова была знакомиться со всякимъ человѣкомъ, украшеннымъ хорошими свойствами сердца и пріятностію разума, какого бы званія онъ ни былъ. У Доралисы была только одна дочь, которая, будучи еще шести лѣтъ, показывала доброе сердце, была тиха, послушна, искренна; у нее не было недостатка ни въ хорошей памяти, ни въ разумѣ, однакожь она была очень лѣнива. Все дѣлала она съ медленностію, нехотѣніемъ и небреженіемъ. — „Какъ, матушка! перервала Елисавета: лѣность доводитъ до всѣхъ такихъ пороковъ?„ — Подумай хорошенько, такъ и не удивишься. Что такое лѣность? Нѣкоторое разслабленіе, отвращающее насъ отъ всего, что только хотя мало можетъ утомишь

нашъ

нашѣ духѣ, или тѣло наше. Въ такомъ расположеніи не хочется ни бѣгать, ни прыгать, ни танцовать, ни играть въ волянъ; потому что такія забавы утомляютъ. Для того же самаго противно и ученіе; потому что не хочется взять на себя труда прилѣжанія. Не станешь ни о чемъ размышлять, не станешь думать, а будешь жить такъ, какъ живутъ всѣ растенія. Въ таковомъ расположеніи была Эглантина, дочь Дорализина. При ученіи не показывала она никакого вниманія; не слыхала ни одного слова, что бы ей ни говорили, и ни въ чемъ не успѣвала. Съ другой стороны надзирательница ея безпрестанно жаловалась на ея безпечность. Да и въ самомъ дѣлѣ, вездѣ въ домѣ разбросаны были Эглантинины платки, перчатки, ножницы и игрушки. Она хощѣла лучше все растерять, нежели прибирать и прятать; въ комнатѣ у нее было все въ безпорядкѣ, все въ нечистотѣ. Эглантина, принужденная нѣкоторую часть дня проводить въ отысканіи своихъ книгъ, рукодѣлія и игрушекъ, мучилась скукою, и въ такихъ непріятныхъ упражненіяхъ теряла драгоцѣнное время, которое бы она могла употребить

въ пользу, или по крайней мѣрѣ въ свое удовольствіе.

Всякой день надобно было ее бранью принуждать вставать съ постели, а послѣ того снова читали ей проповѣдь о порокѣ сонливости, изъ которой она обыкновенно болѣе часа послѣ пробужденія своего не выходила, и которая обнаруживалась частымъ зѣваніемъ. По томъ слѣдовали упреки за медленность завтрака; а наконецъ прогулка, гдѣ опять начиналась брань, по тому что Эглантина не хотѣла ходить, а все садилась, и жаловалась то на холодъ, то на жаръ. Часы ученія не лучше проходили: безъ слезъ и сопротивленія Эглантина ни за что не принималась. Время отдохновенія было также непріятно; всегда надобно было собирать игрушки въ разныхъ мѣстахъ, и всегда насказывали ей за то много непріятностей.

Дораліса имѣла всѣ дарованія хорошей воспитательницы, но не имѣла еще опытности. Она еще никого не воспитывала, кромѣ своей дочери; во всѣхъ вещахъ надобно научаться ошибками, и въ семъ случаѣ сдѣлала она весьма великую. Она не предвидѣла всѣхъ тѣхъ ху-

худыхъ слѣдствій, которыя могли выпти изъ господствующаго порока ея дочери, такого порока, которой въ самомъ дѣлѣ трудно исправить. Она надѣялась, что лѣта и разсудокъ непримѣтно выведутъ Эглантину изъ ея разслабленія; и такъ довольствовалась тѣмъ, что, вмѣсто наказанія, по временамъ ее бранила, и ошибку свою почувствовала она уже тогда, когда поправить ее было поздно. — „Вы думаете, что Эглантина бы исправилась, естьли бы стали ее наказывать?„ — Такихъ насильственныхъ средствъ не нужно употреблять для исправленія чувствительныхъ дѣтей, которыя все принимаютъ живо: бездѣлка трогаетъ ихъ, и одного слова довольно для ихъ наказанія. Но холодные характеры приходятъ въ движеніе не скоро: по временамъ надобно имъ давать толчки, чтобы вывести ихъ изъ дремоты. — „Какъ же бы вы, матушка, наказали Эглантину?„ — Самымъ строгимъ для нее и простымъ наказаніемъ. Естьли бы въ прогулкѣ не захотѣла она бѣгать, а старалась все садиться, такъ бы я заставила ее прогуливаться часомъ долѣе; естьли бы она лѣниво училась, такъ бы я заставила ее учиться вдвое долѣе. Такимъ бы обра-

зомъ Эглантина, чтобы избавиться отъ труда, стала принуждать себя, и показывала бы по крайней мѣрѣ наружную дѣятельность, которая кончится всегда истинною; и такимъ бы образомъ мало по малу перемѣнила она характеръ свой. Но мать ея такого средства совсѣмъ не употребляла, и въ послѣдствіи весьма въ томъ раскаявалась.

Видя, что Эглантинино небреженіе со дня на день увеличивается, вздумала Доралиса вести ежедневную роспись всѣмъ тѣмъ вещамъ, которыя она теряла, съ означеніемъ ихъ цѣны. Въ роспись вносила она изодранныя, или растерянныя книги, изломанныя игрушки, замаранныя новыя платья, которыхъ уже въ другой разъ и надѣть было не льзя; разбросанные по всѣмъ комнатамъ куски хлѣба, исковерканныя коробочки, бумагу, перья и карандаши, которые она извела на пустое. Всѣ такія худо употребленныя вещи, присоединенныя къ потеряннымъ, при концѣ мѣсяца составляли девяносто девять ливровъ, то есть около двадцати пяти рублевъ. — „Боже мой! закричала Катерина: это почти невѣроятно. Я, слава Богу! въ цѣлой годъ потеряла только

на

на десять рублевъ.„ —— Правда, отвѣчала Гж. Добролюбова: однакожь на щетъ клали только потерянное тобою, а не испорченное. А какъ я не богата, то и не носишь ты ни Голландскихъ платковъ, ни щитыхъ накладокъ; по чему и не льзя тебѣ было потерять ничего дорогаго. У тебя только однѣ соломенныя и деревянныя коробочки, а богатыхъ никакихъ нѣтъ; да и всѣ твои игрушки не стоятъ болѣе двухъ рублевъ. —— „Это гораздо лучше, матушка, отвѣчала Катерина: я думаю такъ, какъ Генріетта, Докторская дочь; я чувствую, что богатыя платья меня бы только отягощали, Дорогой передникъ съ накладкою заставилъ бы меня плакать; потому что и я, такъ какъ Дельфина, хочу рвать розы безъ страха изорвать его.„ —— Такое хотѣніе очень естественно. Однакожь помни, что Генріетта, не любившая ничего богатаго, была тебя гораздо разсудительнѣе; потому что она никогда и ничего не теряла. Помни и то, что ты, потерявши свой костяной наперстокъ и Англійскія свои ножницы, по соразмѣрности имущества сдѣлаешь мнѣ такой же убытокъ, какой бы сдѣлала Эглантина своей матери, потерявши золотой напер-

стокѣ и ножницы сѣ богатою насѣчкою. — „Да для чего Дорализа воспитывала дочь свою такѣ пышно? Накупая ей множество дорогихѣ бездѣлокѣ, она не на доброе употребляла богатство свое.„ — Дорализа владѣла большимѣ имуществомѣ; издерживая для себя очень немногое, могла она отѣ избытка своего удѣлять нѣчто и на удовольствіе своей дочери. — „Да развѣ тѣмѣ не вселяла она вѣ нее любви кѣ бездѣлкамѣ?„ — Тогда бы она привязывала ее кѣ бездѣлкамѣ, когда бы ими сама занималась, а не ей отдавала. Для чего у васѣ, матушка, спрашивала Эглантина у Дорализы, часы просто золотыя и на шелковой цѣпочкѣ? Для того, отвѣчала она ей, что простыя часы носить гораздо удобнѣе и пріятнѣе, нежели дорогія. „Для чего же вы пожаловали мнѣ часы сѣ эмалью, сѣ брилліантами и сѣ богатою цѣпочкою?„ Для того, что вѣ твои лѣта любятѣ бездѣлки и не умѣютѣ основательно разсуждать; привязываются ко всему блестящему: кѣ жемчугу, брилліантамѣ, куклямѣ и другимѣ игрушкамѣ. Давая тебѣ всѣ такія малости, почитаю я тебя ребенкомѣ. — Дорализа говорила самую правду. Да и вѣ самомѣ дѣлѣ, человѣкѣ вѣ совершенныхѣ лѣтахѣ, на-

находящій еще удовольствіе въ такихъ малостяхъ, имѣетъ такой же разумъ, какъ шестилѣтнее дитя. —— Возвратимся къ нашей исторіи.

По прошествіи года показала Доралиса дочери своей щетъ всему тому, что она потеряла, или сдѣлала негоднымъ для употребленія; по цѣнѣ выходило этова болѣе, нежели на тысячу двѣсти ливровъ. Эглантина, которой тогда минуло только семь лѣтъ, была имъ очень не сильно тронута. Мать ея, надѣяся, что она приметъ то съ большею чувствительностію, когда узнаетъ цѣну денегъ, съ такою же точностію продолжала дневную записку. Эглантинина надзирательница всякой вечеръ подавала ей еще на листочкѣ обстоятельную роспись потерянным, изломаннымъ, изодраннымъ, или измараннымъ ею при ней вещамъ. Всѣ такіе листочки клала Доралиса въ ящикъ, не привязывая ихъ къ той книгѣ, въ которой она ежедневно сама вела записку. Скоро надавала надзирательница столько листочковъ, что надобно было употребить очень много времени на вычисленіе всей суммы. Доралиса рѣшилась уже сдѣлать полной щетъ тогда, когда Эглантина придетъ въ тѣ лѣта, въ которыя

Государ. Научная БИБЛИОТЕКА

рыя разсудокъ начинаетъ сильнѣе дѣйствовать.

Между тѣмъ Доралисина записная книга доказывала, что Эглантининъ порокъ не только не уменьшался, но еще и увеличивался. Эглантина часто ходила прогуливаться въ Булонской лѣсъ, гдѣ въ четыре мѣсяца потеряла она разныхъ вещей на пятьдесятъ, или шестьдесятъ луидоровъ: то теряла кольцы, то бутылочки съ духами, то медаліоны, не щитая уже платковъ и перчатокъ, которыя оставляла на травѣ. Сверьхъ того всякой день обыкновенно ломала она опахало, колесо и стекло въ часахъ своихъ, и портила репетицію, такъ что безпрестанно надобно было къ часовщику отсылать по записками деньги. Во время зимы издержки были еще гораздо болѣе. Эглантина, подобно всѣмъ лѣнивымъ людямъ, была чрезвычайно знобка. Безпрестанно сидѣла она передъ каминомъ, ----- роняла въ него все, что только у нее въ рукахъ было, и жгла на себѣ платье, такъ что всякой почти мѣсяцъ надобно ей было шить нѣсколько паръ новаго. Сверьхъ того у нее всегда болѣла голова, когда приходили учители, такъ что ей и учиться было не льзя. Учителю давали билетъ, отсылая его

его назадъ. ----- „Какъ, матушка! сказалъ Петръ: такъ у нее въ самомъ дѣлѣ голова болѣла?„ ----- Нѣтъ, она нарочно больною притворялась, чтобы ничего не дѣлать. ----- „О! это уже очень дурно: вить она лгала?„ ----- Вотъ до чего доводитъ лѣность, хотя этотъ порокъ и кажется сначала неважнымъ. Такимъ образомъ всякой порокъ, коль скоро дашь ему надъ собою власть, будетъ имѣть самыя нещастныя слѣдствія. Эглантина была отъ природы искренна, однакожь лѣнь въ ней еще сильнѣе дѣйствовала. Для избѣжанія малѣйшаго принужденія, прибѣгала она ко лжи, хотя и съ угрызеніемъ совѣсти; однакожь лѣность всегда почти брала верьхъ. Наконецъ стала она выходить изъ дѣтства; ибо ей исполнилось уже десять лѣтъ. Мать наняла для нее новыхъ учителей.

Эглантина, наскучивши клавесиномъ и ни мало не научившися играть на немъ, призналась, что имѣетъ непреодолимое отвращеніе отъ сего инструмента, и сказала, что она хочетъ лучше учиться играть на лютнѣ. Доралиса позволила ей оставить клавесинъ, хотя она уже пять лѣтъ училась на немъ играть, и наняла ей учителя на лютнѣ. И такъ про-

пропали всѣ деньги, заплаченныя учителю за приходъ, за ноты, за клавесинъ, за піано-форто, и за настройку обоихъ инструментовъ, такъ что издержку сію, простиравшуюся до осьми тысячь ливровъ (*), внесла Доралиса въ записную свою книгу. Эглантина играла на лютнѣ только одинъ годъ; учитель ее оставилъ, не примѣтивши въ ней никакого прилѣжанія. По томъ училась она играть на цитрѣ съ такимъ же малымъ успѣхомъ. Наконецъ и цитра была также оставлена, какъ клавесинъ и лютня, и арфа заступила мѣсто сихъ трехъ инструментовъ.

Сверьхъ

(*) Въ пять лѣтъ сумма такая очень вѣроятна. Хорошему клавесинному учителю надобно въ Парижѣ платить ежемѣсячно за три урока въ недѣлю по три луйдора; но надобно платить гораздо дороже, естьли будетъ онъ учить всякой день. Хорошій клавесинъ стоитъ пятьдесятъ луйдоровъ, а піано-форто пятнацать, или двацать. Настройка обоихъ инструментовъ будетъ стоить въ мѣсяцъ пятнацать ливровъ. Музыкальныя же ноты опьмѣнно дороги.

СверьхЪ того было у Эглантины много другихЪ учителей. Она училась рисованію, Географіи, по Англійски и по Итальянски. У нее былЪ танцмейстерЪ и пѣвецЪ, музыкантЪ, которой на скрыпкѣ долженЪ былЪ аккомпанировать, и учитель письма: въ мѣсяцЪ стоили они двацать луйдоровЪ. Лѣнивая Эглантина ничему не научилась, а издержкамЪ конца не было. Въ три или четыре мѣсяца всѣ ея ноты, книги и ландкарты были издираемы въ кусочки, и надобно было покупать новыя. Не имѣя никакого попеченія о своей арфѣ, часто оставляла ее въ сыростии противъ открытаго окна, такъ что всякой день надобно ее было снова настроивать. СтрунЪ, карандашей и бумаги исходило вчетверо болѣе того, что бы можно было издержать при бережливости.

Почитая отъ чрезвычайной лѣности всякой родъ принужденія несноснымЪ, была она и великимЪ врагомЪ чистоты. Въ два мѣсяца надобно было въ горницѣ ея два раза перемѣнить всѣ кресльі, стулья и столы: она снимала со стульевЪ подушки и марала ихЪ пудрою и помадою. Иглы всегда она по полу разсыпала; платье же на ней бывало вымарано краснымЪ

каран-

карандашемъ, углемъ и чернилами. Такая неопрятность обезображивала природную ея красоту. Она чрезмѣрно долго сидѣла за уборнымъ своимъ столикомъ, потому что все дѣлала съ чрезвычайною медленностію, но при всемъ томъ очень дурно одѣвалась; она смотрѣла, не видя, и все дѣлала безъ мыслей; коротко сказать, она ни въ чемъ не имѣла вкуса. Пріятности въ ней совсѣмъ не было. Не надѣвавши никогда перчатокъ, сдѣлала она руки свои смуглыми и грубыми; ноги были у нее толсты; а походка ея казалась очень непріятною, для того что она носила всегда туфли.

Такова была Эглантина на тринатцатомъ году. Доралиса купила ей хорошую библіотеку, надѣяся, что она полюбитъ чтеніе. Эглантина, повинуяся матери своей, читала за уборнымъ столикомъ и послѣ обѣда, то есть, она держала въ рукахъ книгу, но читала безъ всякаго вниманія, такъ что не получала отъ того никакой пользы. И на шестнатцатомъ году была она въ великомъ невѣжествѣ, которое было тѣмъ непростительнѣе, что для воспитанія ея ничего не щадили. Она не знала ни Исторіи, ни Географіи, ниже правописанія, и не

умѣла

умѣла сама написать письма. Хотя училась она десять лѣтъ ариѳметикѣ, однако же всякой осьмилѣтній ребенокъ зналъ щетъ лучше ее.

Около сего времени познакомился съ Доралисою Виконтъ д' Аргель, молодой человѣкъ, двадцати трехъ лѣтъ, почитаемой по своему разуму, доброму сердцу и поведенію болѣе, нежели по знатному своему рожденію, великому имуществу и личнымъ преимуществамъ. По видимому, весьма онъ старался угодить Доралисѣ и пріобрѣсти ея дружбу. Онъ чувствовалъ всю цѣну ея простоты, кротости и разсудительности; не менѣе любилъ онъ и разговоры ея, основательные и пріятные. Онъ часто видѣлся съ нею у одной изъ ея родственницъ, да и у нее въ домѣ былъ нѣсколько разъ: однакожь Эглантины не видалъ еще никогда. Однажды пригласила его Доралиса къ себѣ ужинать. Въ девять часовъ явилась Эглантина въ столовой комнатѣ. Въ тотъ день одѣвала ее сама Доралиса. На головѣ у нее не было никакого пышнаго убора, однакожь волосы по плечамъ не висѣли, уши не были покрыты пудрою и помадою, а руки тогда она вымыла. Виконтъ разсматривалъ ее съ великимъ вниманіемъ: сперва показалась

она ему прекрасною; черезъ минуту примѣтилъ онъ, что въ ней не было никакой пріятности, а черезъ четверть часа совсѣмъ пересталъ на нее смотрѣть, и забылъ, что она была въ горницѣ.

Между тѣмъ часто посѣщалъ онъ Доралису. Однажды, нашедши ее одну, говорилъ онъ съ нею такъ искренно, что Доралиса вздумала спросить его, намѣренъ ли онъ когда нибудь жениться. Намѣренъ, сударыня, отвѣчалъ онъ; но хотя родители мои и отдаютъ мнѣ выборъ на волю, однакожь чувствую, что онъ будетъ для меня затруднителенъ. Богатство и знатность меня не прельщаютъ, а слѣпая страсть не скоро доведетъ меня до дурачества. Я хочу жениться не для денегъ, не для чиновъ, но для щастія своего; и такъ мнѣ надобно найти такую особу, которая бы была совершенно хорошо воспитана, имѣла доброе сердце, хорошій разумъ и пріятности. Надобно также имѣть ей и достойныхъ родителей, чтобы я могъ ихъ любить и почитать; а мать ея, напримѣръ, должна обладать всѣми тѣми свойствами, которыя васъ украшаютъ: потому что ей надобно быть наставницею моей жены. ------ Приходъ одного гостя помѣшалъ имъ продолжать раз-

разговоръ свой. Черезъ нѣсколько дней услышала Доралиса, что Виконтъ черезъ людей своихъ навѣдывался у нее въ домѣ о Эглантинѣ, и что сверьхъ того говорилъ со многими ея учителями, которые все разсказали ему, такъ что онъ вѣрно узналъ, сколь мало воспользовалась Эглантина драгоцѣннымъ и старательнымъ воспитаніемъ. Съ того времени показывался Виконтъ въ домѣ у Доралисы гораздо рѣже, а скоро и совсѣмъ пересталъ посѣщать ее. Доралиса, увѣренная, чтобы онъ сталъ свататься за Эглантину, естьли бы нашелъ ее любви достойною, очень сожалѣла, что дочь ея лишилась такого выгоднаго замужства, болѣе по тому, что и по однимъ личнымъ достоинствамъ предпочла бы она Виконта всѣмъ.

Она еще терпѣла чуствительнѣйшія горести. Эглантина, сдѣлавшись еще лѣнивѣе прежняго, всякой день причиняла ей новую печаль. На семнатцатомъ году училась она еще всему, чему обыкновенно перестаютъ учиться на четырнатцатомъ; она не любила никакихъ упражненій. Но имѣя доброе сердце и любя мать свою, старалась она иногда побѣдить природную свою лѣность. Тогда надобно было

удивляться разуму и способностямъ ея; чувствительное Доралисино сердце исполнялось надежды и радости, однакожь всегда не надолго. Черезъ пять или шесть дней, Эглантина впадала опять въ прежнюю свою бездѣйственность. Она чувствовала нѣсколько свой порокъ, но сіе чувство, вмѣсто исправленія, приводило ее только въ уныніе. Сверьхъ того, не привыкнувши разсуждать, никогда не могла она ощутить всей своей неблагодарности, плативши такъ худо за попеченія нѣжнѣйшей матери. Она такъ единственно размышляла: „Правда, что я заставляю матушку дѣлать много напрасныхъ издержекъ, однакожь онѣ очень неважны въ сравненіи съ тѣмъ большимъ имуществомъ, которымъ владѣетъ батюшка. Я молода, богата, да мнѣ же говорятъ, что я и хороша: и такъ мнѣ не нужно многому научаться. — Все одно, естьли бы она и такъ думала: *Я могу быть и неблагодарною противъ матери, могу и недумать о ея благополучіи, могу также не стараться и быть любви достойною.* Вотъ какъ можно заблуждаться, не привыкнувши разсуждать справедливо!

Эглантина, не старавшаяся нравиться окружавшимъ ее, никѣмъ въ домѣ не была уважаема; слуги и пріятели Доралисины по-

почитали ее ребенкомъ. Въ обхожденіи была она столько непріятна и странна, и такъ часто говорила вздоръ, что была всѣмъ въ тягость. Всякое принужденіе казалось ей несноснымъ, и все почти было для нее принужденіемъ. Всѣ мірскія обыкновенія казались ей тиранствомъ; то, что называютъ учтивостію, было для нее очень тягостно: по чему самое большее удовольствіе находила она въ обращеніи съ людьми низкаго состоянія, съ людьми худо воспитанными. Вмѣсто того, чтобы требовать совѣтовъ, которые были ей очень нужны, она ихъ боялась, чувствуя, что не имѣетъ силы имъ слѣдовать. Когда Доралиса представляла ей худыя слѣдствія нравственнаго ея расположенія, Эглантина слушала ее болѣе съ досадою, нежели съ раскаяніемъ. Слѣдствіемъ такихъ представленій со стороны Эглантининой было всегда огорченіе и неудовольствіе, которыхъ она ни скрыть, ни преодолѣть не могла; потому что она привыкла всякія впечатлѣнія принимать безъ сопротивленія, и, не могши никакъ управлять собою, хотѣла она лучше увеличить пороки свои, нежели взять на себя трудъ поискать средствъ къ исправленію своему.

Умножая такимъ образомъ недостатки свои, не исправилась Эглантина ни отъ одного изъ пороковъ своего дѣтства. Два года получала она для собственныхъ издержекъ столько денегъ, какъ бы уже была за мужемъ; но не смотря на то, одѣвалась всегда очень дурно и входила въ долги. Наконецъ минуло ей семнатцать лѣтъ, и пришло для нее то щастливое время, въ которое надлежало отпустить всѣхъ ея учителей. Въ сей день пришла Доралиса рано поутру къ ней въ комнату. Она держала въ рукѣ книгу, положила ее на столъ и сѣла подлѣ своей дочери. Теперь, сказала она, вступаешь ты на осьмнатцатой годъ. Въ это время обыкновенно оканчивается воспитаніе женскаго пола. Я все то для тебя дѣлала, что только человѣку возможно. Я принесла къ тебѣ доказательство этова. Вотъ та записная книга, о которой я часто тебѣ говорила. Въ ней найдешь подробную роспись всему, что ты съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ потеряла, и что для тебя безъ всякой пользы издержано было; тутъ же приложила я и старыя записки твоей надзирательницы и приборщицы. Все вмѣстѣ составляетъ сто три тысячи ливровъ. — „Ахъ, матушка! можно ли быть этому!

вакричала Эглантина.„ ---- Повѣрь еще, что я не клала на щетъ нужныхъ для тебя издержекъ и платы тѣмъ учителямъ, отъ которыхъ ты чему нибудь научилась. На прим. ты изрядно пишешь и довольно хорошо разбираешь ноты: деньги, заплаченныя этимъ двоимъ учителямъ, не внесла я въ записную книгу, хотя бы при большемъ прилѣжаніи ихъ отъ тебя и гораздо ранѣе отпустить было можно. Напротивъ того, должно мнѣ было внести въ число безполезныхъ издержекъ тѣ деньги, которыя заплачены учителямъ разныхъ инструментовъ, рисованія, Географіи, Исторіи, Геральдики, Ариѳметики, и проч. плату той женщинѣ, которая два года учила тебя шить, и издержки на шелкъ, шениль, витое золото, аплясъ, бархатъ и проч. что все истратила ты на пустое, не вышивши ничего. ---„Да сто три тысячи ливровъ ... Этова я не могу понять.„ ---- Изумленіе твое пройдетъ, естьли ты вспомнишь слова мои, часто тебѣ повторяемыя; то есть, что самыя неважныя издержки, естьли будутъ умножены, могутъ довести наконецъ до разоренія. Тебѣ можно изъяснить это примѣромъ. У тебя двои часы: съ осьмаго года до нынѣшняго дня

всякой мѣсяцъ ты отсылала ихъ къ часовщику, или къ ювелиру, чтобы вставить стекла, сдѣлать новыя колесы, поправить репетицію, вставить камни и проч. Всякой мѣсяцъ стоила починка часовъ семь или восемь франковъ; иногда же надобно было платить по три и по четыре луйдора, такъ что въ десять лѣтъ заплачено за это сто восемь луйдоровъ. Надобно жалѣть о тѣхъ деньгахъ, которыя такимъ образомъ на пустое издержаны, подумавши, какъ бы хорошо ихъ употребить было можно. Сто три тысячи ливровъ, которые ты въ печь бросила, могли бы пропитать болѣе двадцати несчастныхъ семействъ.

Послѣднія Доралисины слова заставили Эглантину пролить слезы. Она схватила руку у своей матери, и, цѣлуя ее, воскликнула: Ахъ, какъ я виновата! Однакожь, матушка, я все еще сколько нибудь помню, чему меня учили, хотя у меня и нѣтъ дарованій. ---- У тебя есть дарованія, отвѣчала Доралиса, и естьли бы ты захотѣла, такъ бы могла еще воротить часть потерянныхъ денегъ; однакожь для этова тебѣ надобно употребить такую же великую прилѣжность, какую лѣность пока-

показывала ты во всемъ до теперешняго времени. ---- Тутъ Эглантина вздохнула, и задумалась. ---- Знаю, продолжала Доралиса, что богатство твое и похвалы, которыми осыпаютъ красоту твою, вселили въ тебя предразсужденіе, что достоинства и пріятности тебѣ менѣе другихъ нужны; однакожь обладая самыми ненадежными преимуществами, менѣе всѣхъ прочихъ почтенія достойными, должно ли презирать тѣ, которыя только однѣ могутъ сдѣлать насъ любезными? Красота ли намъ любовь пріобрѣтаетъ? Естьли не соединится съ нею пріятность, такъ едва ли она кому понравится. Богатство ли дѣлаетъ насъ щастливыми? Но не скучаешь ли ты, и не такъ ли ты недовольна всѣми, какъ и собою? Сверьхъ того знаешь ли ты состояніе имущества отца твоего? Ну, естьли оно пришло въ упадокъ? ---- Тутъ снова возбудилось Эглантинино вниманіе. Она съ ужасомъ смотрѣла на мать свою. Доралиса перестала говорить, подняла глаза на небо, и послѣ минутнаго мрачнаго молчанія, которое Эглантина перервать не смѣла, начала она опять говорить, перемѣнивши только содержаніе разговора; черезъ четверть часа послѣ того встала и вышла

вонъ, оставивши дочь свою въ великомъ смятеніи и безпокойствѣ.

Заботы Эглантинины были не безосновательны. Мондоръ, отецъ ея, которой былъ столько же ненасытимъ, сколько мать ея умѣренна, не удовольствовался 200000 ливровъ ежегоднаго дохода: вошедши въ безразсудныя предпріятія, скорыми шагами спѣшилъ онъ къ своему разоренію. Дорализъ не извѣстно было все нещастіе дома ихъ, однакожь она подозрѣвала, что ихъ состояніе не очень хорошо; почему и говорила она съ дочерью своею такимъ языкомъ. Мондоръ, зная лучше обстоятельства свои, старался сокрыть худое положеніе своихъ дѣлъ, надѣяся на кредитъ свой; но скоро многіе сотоварищи его сдѣлались банкрутами, и все вышло наружу. Мондоръ не имѣлъ мужества снести своего злополучія: онъ занемогъ опасною болѣзнію, и попеченія супруги и дочери не могли спасти его отъ смерти. Онъ умеръ, проклиная свое корыстолюбіе, такъ какъ причину своего разоренія и смерти своей. Дорализа всячески старалась удовольствовать его заимодавцевъ. Имѣнія Мондорова недостало. У Дорализы была земля, приносившая ежегодно пятнадцать тысячь ливровъ

ровѣ дохода, на которую заимодавцы не могли обѣявить никакихъ требованій; но чтобы заплатить всѣ долги своего мужа, уступила она имѣ на шесть лѣтъ доходы съ своей земли, которая составляла уже все ея богатство. Эглантина, слѣдуя примѣру матери, пожертвовала всѣми своими драгоцѣнностями, которыя она отъ нее получила.

Послѣ сего распоряженія не осталось у Доралисы на шесть лѣтъ ничего, кромѣ брилліантовъ и серебра; она продала все и взяла двацать тысячь франковъ. Намъ должно, сказала Доралиса дочери своей, удалиться въ такую землю, въ которой бы могли мы прожить шесть лѣтъ оставшимися деньгами. Я намѣрена ѣхать въ Швейцарію, и жить тамъ до того времени, въ которое мы опять вступимъ во владѣніе уступленной нами земли. — Ахъ, матушка! воскликнула въ скорби Эглантина: и такъ двацать тысячь франковъ составляютъ уже все наше имѣніе! . . . Какъ я мучусь, вспомня, чего вамъ стоила! — Забудь это, перервала Доралиса, обнимая ее. Естьли бы я нещастіе наше предвидѣла, такъ бы ты никогда не видала росписи издержкамъ, которая теперь умножаетъ твою печаль; я всѣ записки сожгла,

и

и содержаніе ихъ истребила навсегда изъ памяти своей. — Тутъ упала Эглантина къ ногамъ матери своей. Я чувствую такое раскаяніе, сказала она ей, что никогда не могу забыть тѣхъ пороковъ, которые вы мнѣ великодушно прощаете. Одно желаніе, одна надежда исправить ихъ и васъ утѣшить, привязываютъ меня къ жизни. Я увѣрена, матушка, что нещастіе ваше можетъ облегчить достойная васъ дочь. И такъ я постараюся исправиться и пріобрѣсти тѣ добродѣтели, которыхъ теперь не имѣю. Вамъ надобенъ другъ: я буду имъ — а чтобы удостоиться такого драгоцѣннаго имени, такъ я все изъ себя сдѣлаю.

Доралиса съ восхищеніемъ смотрѣла на Эглантину, которая, обнимая съ горячностію ея колѣни, обливалася слезами. Поднявши дочь свою, схватила она ее въ свои объятія и прижимала къ своему сердцу. Въ теперешнюю минуту, сказала она, наполнила ты сердце мое величайшею радостію, какую только сердце матернее ощущать можетъ. Перестань вздыхать о судьбѣ моей. — При сихъ словахъ не могла уже Доралиса отъ слезъ удержаться; но такихъ сладкихъ слезъ она еще никогда не проливала. Въ самой

же

же тотъ вечеръ стала Эглантина жаловаться на головную боль, а на другой день пришла къ ней лихорадка. Доралиса послала тотчасъ за Докторомъ, которой, осмотрѣвши больную, сказалъ, что въ ней показывались всѣ признаки оспы. Онъ не обманулся. Оспа начала высыпать самая сильная, и Докторъ признался, что она будетъ сливчивая и самая худая. Доралиса, исполненная отчаянія, не отходила отъ Эглантининой постели, и цѣлые четыре дни провела въ такомъ ужасномъ безпокойствѣ. Эглантина, въ совершенномъ безпамятствѣ не могла видѣть попеченій своей матери; бывши въ ея объятіяхъ, звала ее къ себѣ и съ горестію восклицала: *Матушка меня оставляетъ!* —— *Я достойна этова!* — *Я не хотѣла сдѣлать ее благополучною!* — *Я умираю безъ ея благословенія!* — *Боже мой! прости меня.* ——

Сіи слова, перерываемыя вздохами и рыданіемъ, терзали сердце Доралисино. Напрасно отвѣчала она дочери своей, напрасно омывала ее своими слезами: Эглантина не понимала ее и безпрестанно возобновляла свои жалобы. Между тѣмъ оспа усиливалась, осыпала у Эглантины все лице и покрыла глаза ея толстою ко-

корою, такъ что она совсѣмъ слѣпа стала. Сей случай, весьма обыкновенной при такихъ болѣзняхъ, не наводилъ сперва никакого безпокойства, но въ послѣдствіи привелъ Доктора въ страхъ, чтобы она и навсегда зрѣнія не лишилась; онъ не могъ сокрыть сего отъ Доралисы. Боже мой! воскликнула нещастная мать: дочь моя ослѣпнетъ? — Это нещастіе, сказалъ Докторъ, можно еще предупредить; я предложу вамъ средство, которое въ подобномъ случаѣ мнѣ удалося. Надобно привесть въ печеніе жидкость, покрывающую глаза. Деньги могутъ все сдѣлать, а особливо въ Парижѣ. Можетъ быть не трудно будетъ найти какого нибудь бѣднаго человѣка, которой бы взялся оказать дочери вашей самую горькую услугу; надобно только, чтобы онъ былъ совершенно здоровъ (*). Какую услугу?

(*) Естьли бы сіе было выдумано, такъ бы ничего не значило. Непростительно, естьли въ выдумкѣ введешь такія обстоятельства, которыя возмущаютъ воображеніе и чувства; но сіи подробности украшаютъ исторію, въ истинѣ которой нѣтъ никакого сомнѣнія. Авторъ зна-

услугу? спросила съ жаромъ Доралиса: что вы говорите? Надобно, отвѣчалъ Докторъ, чтобы кто нибудь согласился потихоньку высосать ядъ, покрывающій глаза вашей дочери. Боже, Боже мой! воскликнула она, поднявши ввверхъ руки: благодарю Тебя, что Ты даровалъ мнѣ чистую кровь и совершенное здоровье! теперь чувствую всю цѣну сего благодѣянія. Пойдемте, государь мой, продолжала она: не надлежитъ терять времени; пойдемте къ дочери. — Какъ, сударыня! вы, вы хотите на себя взять такую ужасную операцію? спросилъ Докторъ: вы бы могли за деньги . . . „Кто? я? мнѣ употребить во зло бѣдность нещастнаго и заставить его мучиться тѣмъ, что для меня самой очень легко? вмѣсто того, чтобы показать матернюю любовь, сдѣлать такое безчеловѣчное и подлое дѣло? и могши оказать дочери важную услугу,

---

знаетъ лично ту почтенную мать, которая принесла сію жертву дочери своей. Одинъ уже такой поступокъ оправдываетъ довѣренность, которую показала къ сей особѣ одна великая Принцесса, поручивши ей воспитаніе дѣтей своихъ.

услугу, отказаться отъ такой священной должности?„ — Да будетъ ли въ васъ, сударыня, столько твердости? — „Я мать, дочь моя въ опасности, а вы сомнѣваетесь въ моей твердости?„ — Вы здоровьемъ жертвуете. — „Пойдемте поскорѣе, пойдемте.„ — Не слушая ничего, что говорилъ Докторъ, потащила его Доралиса съ собою въ комнату къ своей дочери. —

Тутъ Гжа. Правосудова посмотрѣла на часы и сказала, что время уже перервать повѣсть. Дочь ея встала и послала дѣтей ложиться спать, сколь имъ того ни не хотѣлось. — На другой день Гжа. Добролюбова продолжала разсказывать исторію Эглантины.

Эглантина была въ совершенной памяти, когда къ ней вошла мать ея. Доралиса старалась ее уговорить на предложенное Докторомъ средство, не сказывая ей, что она сама беретъ на себя операцію. Я сыскала такую женщину, говорила она, которая охотно хочетъ оказать тебѣ эту услугу; а я съ своей стороны такъ ее награжу, что ты не будешь имѣть причины сожалѣть о ней. Можно ли, сказала Эглантина, не жалѣть

мнѣ

мнѣ о томъ человѣкѣ, котораго бѣдность заставляетъ рѣшиться на такое отвратительное дѣло! Не уже ли никакимъ инымъ средствомъ не льзя мнѣ возвратить зрѣнія? . . . Одна мысль, что эта нещастная женщина страдать будетъ, возмущаетъ сердце мое . . . Позволяетъ ли человѣколюбіе прибѣгать къ такой помощи? — Подумай же и о своей матери, отвѣчала Доралиса: подумай о томъ безпокойствѣ, которое раздираетъ ея душу. Сверьхъ того, на этой женщинѣ была уже оспа; и такъ къ ней пристать она не можетъ. А какъ она, въ чемъ повѣрь мнѣ, думаетъ только о твоемъ выздоровленіи и своемъ награжденіи, то операція и не будетъ для нее мучительна. Коротко сказать, я требую этова отъ тебя. ---- Вамъ повиноваться почитаю я за первую свою должность, сказала Эглантина: вы приказываете, и такъ мнѣ не позволено уже противиться.

Тогда призвали въ комнату женщину, которая твердымъ голосомъ увѣряла больную въ своемъ усердіи и въ рѣшимости своей. И такъ начинайте операцію, сказала Доралиса: я васъ оставлю и возвращусь тотчасъ по окончаніи ее.

Она сдѣлала такое движеніе, какъ бы шла вонъ изъ горницы; а послѣ того подошла потихоньку къ Эглантининой постелѣ, и стала намѣсто приведенной женщины, поставивши ее за себя, чтобы Эглантина могла опять слышать неизвѣстной голосъ, когда надобно будетъ говорить.

Эглантина, думая, что мать ея ушла, просила Доктора на нѣсколько минутъ отложить операцію. По томъ, думая, что подлѣ нее стоитъ незнакомая женщина, схватила ея руку и сказала: не обвиняй меня, нещастная, въ той ужасной чрезвычайности, до которой доводитъ тебя судьба твоя . . . Боже мой! рука твоя трепещетъ! . . ты жмешь мою! . . Не о милосердіи ли ты просишь меня? Не превышаетъ ли предпріятіе силы твои? . . Ахъ! я этому вѣрю . . . Боже мой! она обнимаетъ меня! . . она рыдаетъ ---- Рѣчи ваши, перервалъ Докторъ, и ваше человѣколюбіе трогаютъ ее; ревность ея сдѣлаетъ вамъ услугу превращаетъ вы въ нѣжнѣйшее стремленіе. Тутъ незнакомая стала говорить, и увѣряла, что рѣшеніе ея непремѣнно, и что она терпитъ гораздо менѣе, нежели Эглантина воображаетъ. ---- Послѣ того приказалъ Докторъ всѣмъ бывшимъ въ ком-

комнатѣ молчать, и началась операція, продолжавшаяся около шести минутъ. Докторъ отослалъ женщину, велѣвши ей притти опять ввечеру; Эглантина благодарила ее самымъ чувствительнымъ образомъ, и увѣряла ее въ вѣчной своей признательности.

Сей способъ, будучи нѣсколько разъ повторяемъ, произвелъ видимую пользу. На третій день сказалъ Докторъ, что болѣе одного раза не надобно уже употреблять сего средства, столько чувствительнаго для Эглантины. Въ продолженіи послѣдней операціи Эглантина вдругъ воскликнула: я вижу свѣтъ! Она подняла голову, чтобы увидѣть ту, которая возвратила ей зрѣніе. Но въ какое пришла она изумленіе, въ какой ужасъ, когда вмѣсто незнакомой женщины увидѣла любезнѣйшую свою мать! ---- Боже мой! закричала она: это вы, вы, матушка! ---- Рыданіе не дало ей говорить. Она бросилась въ объятія къ Доралисѣ, и только однѣми слезами могла изъявить восхищеніе своей благодарности. Докторъ подтвердилъ ей, что она возвращеніемъ зрѣнія своего обязана одной родительницѣ. Ахъ, матушка! воскликнула Эглантина: какъ мнѣ теперь жизнь драгоцѣнна! Какъ бы при-

скорбно мнѣ было лишиться ее, не доказавши вамъ безпредѣльной моей любви и благодарности! Для вашего благополучія только я жить хочу, и только вы можете меня сдѣлать щастливою. ---- Эглантина говорила съ такою чувствительностію и горячностію, что Докторъ боялся худыхъ слѣдствій столь чрезвычайнаго движенія, и усильно просилъ ее замолчать, чтобы не удвоить лихорадки своей.

Съ того дня болѣзнь никакъ уже не была опасна; только Докторъ сказалъ, что она оставитъ непріятные слѣды на лицѣ у Эглантины. Въ самомъ дѣлѣ Эглантина потеряла красоту свою. Хотя и не очень много осталось на ней рябинъ, и на лицѣ не было у нее ни одного рубца, однакожь ее съ трудомъ узнать было можно. Она лишилась прекрасныхъ своихъ волосъ; нѣжныя черты ея сдѣлались грубѣе, и на лицѣ ея не было уже того блестящаго цвѣта, которой происходитъ отъ ослѣпляющей бѣлизны. Знавши, какія сдѣлались въ ней перемѣны, не имѣла она никакого желанія посмотрѣться въ зеркало. Однакожь, вставши въ первой разъ съ постели, не могла она избѣжать того. Доралиса повела ее на канапе мимо зеркала. Эглантина, бросивши глаза на

зер-

зеркало, не могла удержаться, чтобы не посмотрѣть. Это ли лице за три недѣли передъ симъ осыпали похвалами? сказала она, остановяся. — Участь бы твоя была мучительна, отвѣчала Доралиса, естьли бы ты по безумію дорого цѣнила наружную красоту, которой одна минута лишить можетъ, и которую черезъ нѣсколько лѣтъ необходимо потерять будетъ должно.

„Мнѣ кажется, матушка, перервала Елисавета, что Доралиса для утѣшенія дочери своей сказала уже лишнее; потому что съ молодостію красота еще не пропадаетъ.„ — Нѣтъ, красотѣ не льзя быть безъ молодости. — „Да вить Госпожу Миловидову, которую всѣ называютъ красавицею, не можно уже назвать молодою; потому что ей, какъ говорятъ, минуло уже пятнадцать шесть лѣтъ „ — Да она уже и не красавица; видно только, что она была такова. Ей конечно всякой день твердятъ, что она никогда не была лучше, и что по виду не льзя ей сказать болѣе осьмнадцати лѣтъ, и проч. Когда она была молода, то многія женщины не хвалили ея вида; но теперь всѣ онѣ хваляшъ ее, потому что уже она не такова, какъ была пре-

жде. Молодыя люди знаютъ, что однѣ пріятности юношескихъ лѣтъ бываютъ предпочитаемы наисовершеннѣйшей правильности лица тридцати-шестилѣтняго человѣка; а женщины, приближающіяся къ сороковому году, по большой части тридцати-шестилѣтнюю красоту предпочитаютъ двадцатилѣтней. Вотъ для чего многія люди утверждаютъ, что Гж. Миловидова лучше Графини Красовой. Первая въ паденіи своемъ не возбуждаетъ ни въ комъ ревности, а другая въ цвѣтѣ своемъ возбуждаетъ подлую и смѣшную зависть во всѣхъ безразсудныхъ и тщеславныхъ женщинахъ, почитающихъ красоту за величайшее преимущество. Что до меня касается, такъ я никогда не видала такой женщины, которая бы, переступивши за тридцать три года, была столько же хороша, какъ въ осьмнадцать лѣтъ, и которая бы прелестна была безъ помощи искусства, то есть безъ румянъ, безъ притиранія, или безъ свѣчь. — „Теперь вѣрю, матушка, сказала Елисавета, что Доралиса ничего лишняго не сказала, и что она по справедливости привязанность къ такому недолговременному преимуществу называла безумiемъ. Сдѣлайте только милость, ма-

матушка, продолжайте разсказывать прекрасную вашу исторію. Я увѣрена, что Эглантина уже навсегда исправилась, и что она сдѣлаетъ мать свою щастливою.„

Ты не обманываешься, отвѣчала Гж. Добролюбова. Эглантина, наученная нещастіемъ и благодарностію, старалась наградить всѣ свои недостатки, и стала столько же разумна, во всемъ прилѣжна и любви достойна, сколько прежде была несвѣдуща, лѣнива, небрежлива и легкомысленна. По совершенномъ ея выздоровленіи Доралися немедленно отправилась съ нею въ Швейцарію. Онѣ поѣхали сперва въ Ліонъ, а оттуда въ Женеву, и проѣхали чрезъ Фортъ л'Еклюзъ, находящійся между Шатильономъ и Колонжемъ, и весьма примѣчанія достойной рѣдкостію своего положенія. Въ Белльгардѣ на нѣсколько времени онѣ останавливались, дабы узнать, что тамошніе жители называютъ *сокрытіемъ Рона*. Сіе мѣсто находится подлѣ моста Люсы (*), гдѣ Ронъ дѣйствительно сокрывается подъ огромными камнями въ глубокихъ разсѣлинахъ, и послѣ опять показывается,

(*) Одна полозина сего моста принадлежитъ Франціи, а другая Савоіи.

свергался съ другихъ камней. Сіе мѣсто, окруженное горами, глубокими пропастями и каменными утесами, обросшими мохомъ и травою, можетъ навсегда отвратить отъ холодныхъ садовъ Англійскихъ, гдѣ смѣшнымъ образомъ подражаютъ такимъ великимъ картинамъ Природы. Пробывши нѣсколько дней въ Женевѣ, объѣхала Доралиса прекрасные берега озера, въ намѣреніи сыскать мѣсто для своего жилища; и наконецъ рѣшилась поселиться въ Моржѣ, очень хорошемъ городѣ между Женевою и Лозанною (*), стоящемъ на берегу озера и имѣющемъ пріятное положеніе.

Въ семъ городѣ наняла себѣ Доралиса маленькой домикъ. Съ одной стороны зала была окнами къ плодоноснымъ полямъ, а съ другой къ Женевскому озеру, за которымъ видны были ужасныя ледяныя горы, до облаковъ простирающіяся. Горъ сихъ никакъ вообразить не возможно. Въ одинъ день являютъ онѣ отъ различнаго дѣйствія свѣта тысячу разноцвѣтныхъ видовъ. При восхожденіи зари верьхи

и

(*) Пять Французскихъ миль отъ Женевы, а двѣ отъ Лозанны.

и камни ихъ кажутся розовыми, а ледъ на нихъ представляется въ видѣ прозрачныхъ облаковъ. Когда солнце восходитъ выше, тогда принимаютъ горы темнѣйшіе цвѣты, и показываются то голубыми, то віолетовыми, то пурпуровыми. При захожденіи солнца онѣ позлащаются: кажется, будто видишь неизмѣримыя кучи топазовъ, и глаза ослѣпляются блистаніемъ ихъ цвѣтовъ. Женевское озеро представляетъ такія же пріятныя перемѣны. Когда оно тихо, тогда чистая и прозрачная вода его отбрасываетъ цвѣтъ облаковъ; но пришедши въ волненіе, уподобляется морю, производитъ сильной шумъ и является величественнымъ. И въ спокойствіи и въ волненіи привлекаетъ оно къ себѣ взоры, прельщаетъ и перемѣнными зрѣлищами удивляетъ глаза.

Эглантина не могла насмотрѣться на такія восхитительныя картины. Все видѣнное мною, говорила она, ничего не значитъ противъ этова. Съ какимъ равнодушіемъ буду я смотрѣть на Парижскія окрестности, на однообразныя долины и расхваленные сады! Съ нынѣшняго времени не станутъ привлекать къ себѣ взора моего, искусствомъ проведенныя рѣки,

маленькіе каменные утесы и смешанные пригорки. — Естьли бы мы, примолвила Доралиса, побывала въ Италіи, такъ бы и на искусственныя развалины стала смотрѣть безъ всякаго удовольствія. — Мнѣ кажется, сказала Эглантина, что стихотворцы и живописцы должны прежде объѣздить Швейцарію и Италію, а послѣ уже изображать красоты Природы. Я съ тобою согласна, отвѣчала Доралиса: Шаренгонъ можетъ вдохнуть нѣсколько изрядныхъ стиховъ, но не вдохнетъ никогда тѣхъ великихъ мыслей, которыя производятъ безсмертныя творенія въ семъ родѣ. Лудвигъ Бакгуизенъ, славной Голландской живописецъ (*), нѣсколько разъ пускался въ волнующееся море во время жесточайшей бури, чтобы разсматривать движеніе волнъ, удары и остатки разбивающихся о подводные камни кораблей, работу и смятеніе устрашенныхъ матросовъ. Славной Ругендасъ (**), жи-

(*) Онъ умеръ въ 1709 году.

(**) Умеръ въ 1742 году. Послѣ болѣзни не могъ онъ нѣсколько времени рисовать правою рукою; началъ рисовать

живописецъ сраженій, былъ при осадѣ, приступѣ, взятіи и разграбленіи Аугсбурга. Онъ нѣсколько разъ презиралъ смерть, чтобы удобнѣе видѣть дѣйствіе ядеръ и бомбъ и всѣ ужасы приступа. Онъ рисовалъ среди кровопролитія, и изъ сраженія возвращался съ чертежами, которые съ такимъ раченіемъ были отдѣланы, какъ бы и въ кабинетѣ. Ванъ-деръ-Мейленъ (*) былъ съ Лудвигомъ XIV во всѣхъ его походахъ, срисовывалъ укрѣпленные города съ окружностями, разные походы войска, лагери, остановки, сшибки и проч. чтобы сочинить послѣ картины, взятыя имъ изъ исторіи сего Монарха. Вотъ примѣръ дѣятельности и мужества, которыя можетъ вдохнуть благородное желаніе въ чемъ нибудь возвеличиться! Но кто истинной славѣ предпочитаетъ минутныя выгоды, тому не нужно ни ученіе, ни познаніе: онъ остается дома, рисуетъ или пишетъ безъ жара и безъ истины, а слѣдственно и безъ души, и пользуется двудневною похвалою.

Эглан-

вать лѣвою, и скоро замѣнила она у него правую.

(*) Умеръ въ Парижѣ въ 1690 году.

Эглантина слушала мать свою съ такимъ удовольствіемъ, какого она еще никогда не ощущала. Будучи нечувствительна къ пріятностямъ дружескихъ разговоровъ, по лѣности и разсѣянію своему не брала она прежде въ нихъ никакого участія; но нещастіе произвело въ ней скорую и удивительную перемѣну. Характеръ ея сталъ совсѣмъ иной: она разсуждала, живо чувствовала и находила сладкое удовольствіе въ разговорахъ съ своею родительницею. Сверьхъ того, желая загладить всѣ тѣ неудовольствія, которыя причинила Доралисѣ своею лѣностію, занималась она чтеніемъ, музыкою и рисованіемъ съ великою прилѣжностію, сначала ее утомлявшею, но скоро по томъ преставшею отягощать ее; скоро нашла она въ упражненіяхъ своихъ и пріятнѣйшее удовольствіе. Сперва принялась она за то въ угожденіе матери, старалась доказать ей свою благодарность; но послѣ, будучи восхищена скорыми своими успѣхами, училась она для собственнаго своего удовольствія: ревностію и терпѣніемъ своимъ наградила она наконецъ потерянное время. Она получила основательныя познанія, и природной разумъ ея сдѣлался гораздо острѣе. Пріятное мѣсто

жи-

жилища ея становилося для нее со дня на день прелестнѣе.

Она не чувствовала потери имущества своего; потому что премя тысячами ливровъ можно въ Моржѣ прожить годъ очень хорошо. Она жила въ порядочномъ домѣ, въ которомъ былъ у нее прекрасной кабинетъ. Сидѣвши за письменнымъ своимъ столикомъ, видѣла она озеро и горы; такой видъ казался ей превосходнѣе вида Сены и Булевара. Она ѣла съ большимъ вкусомъ, нежели во время своего богатства; хорошіе плоды, дичина, густое Швейцарское молоко и вкусная рыба изъ Женевскаго озера, лучше всѣхъ приправъ Французскаго стола. Моржъ, окрестности его и Лозанна надѣляли ее сверьхъ того всѣми выгодами общежитія, какихъ только пожелать можно.

Въ сей щастливой странѣ, не испорченной еще роскошію, видна вся простота чистыхъ нравовъ; женщины тамъ любезны, разумны и добродѣтельны.

Доралиса съ дочерью часто ѣздила въ Лозанну. Тамъ познакомились онѣ съ одною молодою вдовою, именемъ Изабеллою, которую украшали не только внѣшнія

нія прелѣсти, но и пріятныя внутреннія дарованія: живой, острой и просвѣщенной разумъ, чувствительное сердце и привлекательнѣйшія свойства. Она подружилась съ ними, часто ѣздила къ нимъ въ Моржъ, и вмѣстѣ прогуливалась по окрестностямъ Женевскимъ. Иногда катались онѣ по Женевскому озеру, иногда собирали въ Моржѣ нѣсколько хорошихъ пріятелей и составляли концертъ; или давали сельской балъ подъ вѣтвистыми деревьями, обвѣшанными множествомъ связокъ полевыхъ цвѣтовъ. Эглантина пріятностію своею и своимъ разумомъ болѣе прочихъ украшала такія веселія. Не льзя уже было назвать ее красавицею, однакожь въ сіе время была она въ тысячу разъ любезнѣе, нежели тогда, когда удивлялись правильнымъ чертамъ и бѣлизнѣ лица ея. Станъ ея былъ самой стройной; всѣ поступки ея были пріятны. Она одѣвалась не пышно, однакожь со вкусомъ. На нее смотрѣли безъ удивленія; но чѣмъ болѣе ее разсматривали, тѣмъ болѣе она нравилась. На лицѣ у нее видно было гораздо болѣе живости, нежели прежде. Коротко сказать, она не имѣла уже той красоты, которая всякому въ глаза бросается, но обладала такими прелестями, ко-

которыя сильнѣе всякой красоты влекутъ къ себѣ сердце.

Доралиса прожила въ Моржѣ осьмнадцать мѣсяцовъ, не могши рѣшиться оставить его и обѣздить Швейцарію, какъ то она предположила. Но наконецъ, желая показать Эглантинѣ сію примѣчанія достойную землю, простилась она съ Изабеллою и въ концѣ Іюня отправилась съ дочерью сперва въ Бернъ, городъ, славной по соразмѣрности въ строеніи и по хорошему своему положенію. Улицы въ немъ чрезвычайно широки и въ срединѣ пересѣкаются небольшимъ ручьемъ, котораго вода быстра и чиста. По обѣимъ сторонамъ улицъ сдѣланы аркады, которые составляютъ покрытыя галлереи, вымощенныя широкимъ камнемъ. На задней сторонѣ сихъ аркадовъ, весьма удобныхъ для пѣшеходцевъ, построено множество хорошихъ лавокъ. Мѣста для гулянія вокругъ Берна прекрасны, и высокая терраса на берегу Аары открываетъ на всѣ стороны восхитительные виды (*).

До-

(*) Въ одномъ углѣ сей террассы есть надпись, сохраняющая память нѣкотораго удивительнаго приключенія. Одинъ школьникъ,

Доралиса провела нѣсколько дней въ Бернѣ, и побывавши въ Гиндельбанкѣ, въ деревнѣ, въ которой видимы великолѣпныя гробницы (*), оставила она городъ сей, и поѣхала къ славнымъ ледникамъ Гриндельвальдскимъ, находящимся въ двацати Французскихъ миляхъ отъ Берна.

Гриндельвальдской ледникъ стоитъ примѣчанія болѣе, нежели всѣ иные ледники Альпійскихъ горъ; онъ находится подлѣ

никъ, ѣздившіи по террассѣ на лошади верьхомъ, упалъ внизъ съ самой вершины, которая отъ земли возвышается на 120 футовъ. Лошадь ушиблась до смерши, а онъ съ переломленными ногами поползъ домой. Послѣ того жилъ онъ еще сорокъ лѣтъ, и умеръ въ 1694 году.

(*) Между прочими гробница Госпожи Лагнансъ. Сей памятникъ весьма достоинъ примѣчанія. Господинъ Лагнансъ, Проповѣдникъ Бернской, которой въ 1775 году еще живъ былъ, имѣлъ прекрасную супругу, лишившуюся на 28 году въ родахъ жизни. Младенецъ пережилъ ее только нѣсколькими минутами. Господину Налю, славному Нѣмецкому рѣщику, за-

подлѣ деревни, называемой Гриндельвальдомъ. Вершина горы содержитъ въ себѣ множество замерзнувшей воды. Камень, которой, подобно чану, вмѣщаетъ въ себѣ ледъ сей, есть черной мраморной съ бѣлыми жилами; та часть, которая идетъ

заказано было сдѣлать гробницу, въ которой бы лежали и мать и младенецъ. Онъ вздумалъ Госпожу Лагнансъ представить въ воскресеніи. Велѣвши вырыть въ храмѣ довольно глубокую могилу, чтобы можно было утвердить статую, положилъ онъ на нее большой камень, въ которомъ отъ одной стороны къ другой сдѣланы были различныя отверзтія: сквозь ихъ видна была лежащая въ гробѣ юная жена. Она показываетъ знаки пробужденія; въ одной рукѣ у нее младенецъ, а другою подымаетъ она разсѣвшійся камень, которой еще досязаетъ до головы ея. Благородной ея видъ, изображеніе искренности и невинности, и небесная радость, сіяющая у нее на лицѣ, трогаютъ сердце зрителя. Жаль только, что сія гробница не здѣлана изъ мрамора. Надпись достойна памятника; и не взирая на широкія по письму трещины, можно еще безъ затрудненія читать ее. Она со-

накось внизъ, состоитъ изъ прекраснаго пестраго мрамора. Излишняя вода, покрывающая поверхность, мало по малу стекающая внизъ и по косой плоскости разливающаяся, составляетъ собственно то, что называютъ *ледниками*, то есть собраніе ледяныхъ пирамидъ, покрывающихъ весь свѣсъ горы.

Ни-

сочинена на Нѣмецкомъ языкѣ. По словесному переводу Госпожа Лагнансъ говоритъ въ ней: „Я слышу гласъ трубной; онъ проницаетъ въ могилу. Пробудись, сынъ мой; сынъ печали! сверзни съ себя тлѣнной покровъ! Спаситель твой взываетъ къ тебѣ; отъ Него бѣжитъ смерть и время, и въ вѣчномъ блаженствѣ изчезаетъ всякое страданіе.„ Надпись сія сочинена славнымъ Галлеромъ.

Памятникъ машери де Брюневой въ S. Nicolas-du Chardoneret, въ Парижѣ, подобенъ сему, но не такъ разителенъ. Художникъ, Колиньонъ, на высокомъ олтарѣ поставилъ большую розовую урну, съ которой крышка сброшена. Изъ сей урны выходитъ старая женщина, почтеннаго вида; руки у нее сложены, а глаза подняты на небо; она одѣта

Ничто не можетъ сравниться съ красотою сего блистательнаго амфитеатра, покрытаго башнями и обелисками, которые имѣютъ видъ чистѣйшаго хрусталя и возвышаются до пятидесяти и сорока футовъ. Сіе зрѣлище ослѣпляетъ глаза, а особливо когда солнце устремляетъ лучи свои на сіи ледяныя пирамиды. Тогда весь ледъ начнетъ куриться и бросать вокругъ себя такой блескъ, котораго зрѣніе снести не можетъ. Долина окружена двумя горами, покрытыми дерномъ и сосновымъ лѣсомъ.

Осмотрѣвши Гриндельвальдъ, Доралиса съ дочерію своею отправилась во внутренность Швейцаріи, и желая узнать сочинителя поэмы *Аделева смерть*, поѣхала въ Цирихъ (*). — Тамъ увидѣли онѣ великаго Поэта, болѣе по тому уваженія достойнаго, что изящность пера его про-

одѣта бѣлымъ полотномъ, которое виситъ черезъ края урны. Образъ ея видѣнъ по самую грудь: онъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора, равно какъ и одежда на немъ. Позади, противъ олтаря, стоитъ Ангелъ суда, держащій въ рукѣ трубу.

(*) Лежащій на Лиммать.

изходитъ отъ чувствительности его души и непорочности нрава. Естьли бы онъ не любилъ сельской жизни; естьли бы не жилъ въ самой пріятнѣйшей странѣ міра; естьли бы наконецъ не былъ хорошимъ отцемъ и супругомъ: то бы ни какъ не могъ онъ написать сихъ прекрасныхъ Идиллій, въ которыхъ добродѣтель является въ такомъ прелестномъ образѣ. Для чего твореніа такого простаго рода имѣютъ столько красотъ? для чего переведены онѣ на всѣ языки? Для того, что Сочинитель чувствовалъ изображенія свои и видѣлъ описываемые имъ виды. Часто прогуливался онъ съ Доралисою и Эглантиною. Ходя съ ними по берегамъ Цирихскаго озера, Силы и Лимматы, показывалъ онъ имъ тѣ прелестныя мѣста, которыя имъ срисованы (*), или описаны въ его сочиненіяхъ. Доралиса болѣе всего удивлялась орѣховому лѣску, въ которомъ Геснеръ сочинилъ прекрасную Идиллію Миртиллъ.

Доралиса и Эглантина восемь дней прожили съ Геснеромъ. Онѣ видѣли его среди семейства и среди упражненій; ви-

(*) Геснеръ и рисуетъ также очень хорошо.

видѣли въ немъ щастливаго мудреца, истиннаго Философа, и искуснаго живописца Природы.

Послѣ двумѣсячной отлучки возвратилась Доралиса съ Эглантиною въ маленькой свой домикъ въ Моржѣ. Возвращеніе сіе имѣло свои пріятности. Изабелла провела съ ними часть зимы. Съ наступленіемъ весны начались опять прежнія забавы, сельскія игры и прогулки. Два года прошло уже тому, какъ Доралиса выѣхала изъ Парижа. Эглантинѣ пошелъ уже двацатой годъ; она была радостію своей матери, и щастіе узнала только съ того времени, какъ въ Моржъ пріѣхала.

Въ одинъ вечеръ, когда Доралиса и Эглантина прогуливались по берегу озера, встрѣтился имъ молодой человѣкъ въ черномъ кафтанѣ, которой шелъ очень тихо и по видимому былъ въ глубокой задумчивости. Поравняясь съ Доралисою, взглянулъ онъ на нее, показалъ изумленіе и подошелъ къ ней. Доралиса съ удивленіемъ увидѣла Виконта д'Арзеля. Послѣ первыхъ привѣтствій разсказалъ ей Виконтъ, что онъ лишился дражайшаго своего родителя, и что сіе нещастіе произ-

вело въ немъ отвращеніе отъ Парижа, и онъ рѣшился путешествовать; что онъ намѣренъ пробыть въ Швейцаріи два мѣсяца и по томъ ѣхать въ Италію. Когда Виконтъ пересталъ говорить, Доралиса, видя наступленіе ночи, пошла домой. Виконтъ просилъ позволенія проводить ее и подалъ ей руку свою. Тутъ вспомнилъ онъ, что у Доралисы была дочь, и увидѣлъ, что она съ нею. Онъ сталъ-съ нею говорить, но не могъ разсмотрѣть ее, потому что она шла позади своей матери, сверьхъ того и темнота препятствовала примѣтить черты лица ея. Доралиса подошла къ своему домику, позвонила въ колокольчикъ, и дѣвка отворила ей ворота. Вошли на дворъ. *Вы здѣсь живете, сударыня!* сказалъ съ чувствительностію Виконтъ. Произнеся слова сіи, вспомнилъ онъ, какъ богата была прежде Доралиса, какъ хорошо употребляла богатство свое, и что она лишилась его для заплаты всѣхъ долговъ своего мужа. Между тѣмъ взошли на крыльцо, вошли въ маленькую залу, украшенную хорошими картинами и прибранную со вкусомъ. Не хорошъ ли этотъ кабинетъ? сказала Доралиса. Это все Этлантинина работа: это все она

шила,

шила, это все она рисовала. — Виконтъ не могъ скрыть своего удивленія, которое было подобно невѣрію. Въ то же время обратилъ онъ глаза на Эглантину, и будучи пораженъ великою перемѣною въ лицѣ ея, пристально смотрѣлъ на нее, не могши никакъ ее узнать. Эглантина улыбнулась, нѣсколько закраснѣвшись, и улыбка сія придала лицу ея такую прелесть, что Виконтъ, не спускавшій съ нее глазъ, пришелъ въ новое изумленіе. Сперва разсматривалъ онъ ее съ удивленіемъ, но потомъ со внутреннимъ удовольствіемъ. Онъ примѣтилъ, что она выросла; удивлялся хорошему ея стану и благородному виду, и нашелъ, что пріобрѣтенныя ею пріятности гораздо превосходнѣе того блеска и той красоты, которыхъ она лишилась. Разговоры ея удивили его еще болѣе. Слушая ее, едва вѣрить могъ, что она была та особа, въ которой прежде не нашелъ онъ ни малой пріятности; ему непонятно было, какъ три года могли произвести такую примѣтную и чрезвычайную перемѣну. Оставляя Доралису, просилъ онъ позволенія опять притти къ ней, и большую часть слѣдующаго дня провелъ у нее. Въ тотъ день давала она концертъ. Эглан-

тина пѣла и играла на арфѣ. Виконту казалося все сновидѣніемъ, когда онъ вспоминалъ, что эта прелестная дѣвица была та Эглантина, на которой онъ, не смотря на ея красоту и богатство, не хотѣлъ жениться, потому что тогда казалася она ему глупою и несвѣдущею.

Виконтъ жилъ въ Лозаннѣ. Тамъ всѣ говорили о Эглантинѣ. Своими пріятностями, разумомъ, кротостію и живѣйшею нѣжностію къ своей родительницѣ, заставила она всѣхъ любить себя. Виконтъ съ удовольствіемъ слушалъ тѣ хвалы, которыми ее со всѣхъ сторонъ осыпали. Изабелла любила Эглантину со всею горячностію дружбы, а Виконтъ предпочиталъ разговоры съ Изабеллою всякому веселому обществу. Наконецъ прошли тѣ два мѣсяца, которые онъ хотѣлъ пробыть въ Швейцаріи; а онъ ни слова не говорилъ о путешествіи своемъ въ Италію. Никогда не пропускалъ онъ случая быть у Доралисы. Будучи робокъ и застѣнчивъ передъ Эглантиною, едва осмѣливался онъ говорить съ нею. Но ни одного слова ея не пропускалъ онъ мимо ушей своихъ, и разсматривалъ ее всегда съ такимъ вниманіемъ, отъ котораго ничто не могло отвлечь его.

его. Доралисѣ оказывалъ онъ все почтеніе и всю любовь нѣжнѣйшаго сына. Въ Лозаннѣ прожилъ онъ еще мѣсяцъ. Наконецъ узнавъ совершенно Эглантину, какъ по доброй о ней славѣ, такъ и по строгому разсмотрѣнію характера ея, пересталъ скрывать чувства свои, одобряемыя самымъ разсудкомъ. Онъ открылъ Доралисѣ сердце свое и просилъ ее, чтобы она отдала за него дочь свою. Вы достойны ее, отвѣчала Доралиса. Вы не хотѣли на ней жениться тогда, когда она была и богата и хороша: вы избираете ее тогда, когда лишилась она и красоты и богатства. Пріятности, знанія и добродѣтель единственно могли произвести въ васъ истинную къ ней любовь. Можно положиться на постоянство такого чувства. Однакожь, въ осторожность, прошу васъ подумать еще о такомъ союзѣ, которой рѣшитъ судьбу моей дочери и вашу. Путешествуйте еще шесть мѣсяцевъ. Естьли и послѣ этова мыслей своихъ вы не перемѣните, то возвращайтесь, и Эглантина будетъ ваша. — Тутъ бросился Виконтъ къ ногамъ Доралисинымъ и просилъ ее не отсрочивать его щастія; но Доралиса не послушала ни прозьбы, ни клятвъ его, и Виконтъ,

исполненной печали, долженъ былъ на другой день отправиться въ дорогу. Не имѣя силъ оставить ту землю, въ которой жила Эглантина, все время проѣздилъ онъ по Швейцаріи, и въ назначенной срокъ летѣлъ въ Моржъ. Доралиса и Эглантина были однѣ въ кабинетѣ своемъ, когда онъ пріѣхалъ. Вдругъ отворились двери: Виконтъ явился и сталъ на колѣни передъ Доралисою. Въ первой еще разъ говорилъ онъ при Эглантинѣ о любви своей. Онъ просилъ руки ея, и обѣщалъ никогда не разлучать ее съ родительницею, Эглантина отвѣчала, что только съ такимъ условіемъ можетъ она рѣшиться перемѣнить состояніе свое, которымъ сердце ея совершенно довольно; а Виконтъ увѣрялъ ее, что такое естественное чувство еще болѣе привязываетъ его къ ней. Въ тотъ же еще вечеръ подписала Доралиса, щастливѣйшая мать, свадебную запись; а черезъ три дня женился Виконтъ на любезнѣйшей своей Эглантинѣ. ----

---

II.

Какая же хорошая исторія! сказала Катерина. Даю вамъ слово, матушка, что

что впредь не стану терять ни платковъ, ни перчатокъ, и не буду въ саду кидать хлѣба. Я даю вамъ слово быть бережливою и прилѣжною, чтобы на осьмнадцатомъ году не быть глупою дѣвчонкою, а особливо для того, чтобы уже не огорчать васъ. А естьли, примолвила Гж. Добролюбова, будутъ тебя когда нибудь называть красавицею, такъ вспомни Эглантинину исторію. Вспомни, что красоту осыпаютъ только пустыми хвалами, и что только пріятности со свойствами разума и сердца могутъ производить въ людяхъ истинную къ намъ любовь. — Десятой вечеръ кончился, и Гж. Добролюбова, прощаяся съ дѣтьми, сказала имъ, что на другой день возметъ ихъ съ собою въ гости къ Господину Чудину. Тамъ, говорила она, увидите вы всякія медали; потому что Г. Чудинъ, не смотря на его черной парикъ и разсѣянной видъ, человѣкъ разумной и ученой. — „Что такое медали? машушка.„ — Мы объ этомъ поговоримъ завтра, когда станемъ завтракать. — На другой день возобновили дѣти вопросы свои, желая имѣть какое нибудь понятіе о тѣхъ вещахъ, которыя увидятъ въ кабинетѣ Г. Чудина. Гж. Добролюбова про-

читала имѣ извлеченіе, которое сдѣлала она изъ одной Французской книги, называемой *наука медалей* (Science des Médailles) (*). По томъ спросили дѣти, употребляютъ ли въ эмблемахъ *символы*. Не только употребляютъ, отвѣчала Гж. Добролюбова, но символу и необходимо надобно быть въ эмблемѣ. Развѣ знаете вы, что такое эмблема, или девизъ? — „Немножко, матушка.„ — Эмблема есть нѣкоторая аллегорія, или образъ, показывающій характеръ, или состояніе той особы, которая ее избираетъ. На прим. Госпожа М * * * которую вы знаете, очень скромна,

(*) Наука Медалей, или Нумисматика, состоитъ въ томъ, чтобы поддѣльныя монеты умѣть отличать отъ истинныхъ, такъ какъ знатокъ въ картинахъ отличаетъ списокъ отъ подлинника, и чтобы знать имена различныхъ знаковъ, собственно принадлежащихъ языческимъ божествамъ, владѣтелямъ, городамъ, провинціямъ, и проч. По чему испытатель древности долженъ знать совершенно лѣтосчисленіе или Хронологію, Исторію и Митологію. Наука сія и пріятна и полезна, а особливо по тому, что медали суть

мна, не любитъ шумной жизни, желаетъ нравиться однимъ своимъ друзьямъ, и остроту разума своего показываетъ только между тѣмъ небольшимъ числомъ избранныхъ людей, къ которымъ имѣетъ она полную довѣренность. И такъ девизомъ выбрала она себѣ фіалку, до половины покрытую травою, съ надписью: *Шокщи меня.* Этотъ девизъ очень хорошъ, сказалъ Петръ. Посмотримъ, продолжила

суть важнѣйшіе памятники Исторіи, и способствуютъ къ безошибочному опредѣленію времени и приключеній. Медали раздѣляютъ на старыя и новыя. Старыя суть всѣ тѣ, которыя кованы до третьяго, или девятаго вѣка по рождествѣ Христовомъ. До третьяго или девятаго, говорю; ибо мнѣнія ученыхъ о семъ несогласны: одни почитаютъ новыми медалями тѣ, которыя кованы со временъ учрежденія Римской Имперіи; а другіе только тѣ, которыя кованы при Константинѣ и послѣ его; нѣкоторые же называютъ старыми всѣ бывшія прежде Карла Великаго. Между древними Греческія всѣхъ лучше и древнѣе. Употребленіе серебряныхъ медалей началося въ Римѣ только съ 484 года; а золотыхъ съ 546 года отъ построенія города сего.

Гж. Добролюбова, будешь ли ты разумѣть и другой. Одинъ великой человѣкъ избралъ себѣ девизомъ связку лилій и розъ, съ надписью: *Все для него и для нихъ.* Что это значитъ? -- Половину этова я разумѣю, отвѣчалъ Петръ. Лиліи эмблема Франціи и Королей ея; только розы ... А розы, перервала Катерина, вѣрно женщины. — По твоимъ лѣтамъ догадка не худа, сказала Г. Добролюбова, естьли тебѣ не помогла память, и естьли я никогда о этомъ при тебѣ не говорила. Вы отгадали теперь смыслъ девиза; и такъ скажите мнѣ, какова кажется вамъ эта выдумка? — „Хороша, матушка; только, кажется, въ этомъ девизѣ сказано лишнее: *для женщинъ все*, такъ какъ и *для Короля все.*„ — Это выраженіе означаетъ Французскую учтивость, которую никто за истину и не принимаетъ. Однакожъ эта надпись очень хороша по своей краткости и тонкости. — „Да въ чемъ же видна эта тонкость, матушка?„ -- Въ томъ, что эта надпись вразумительна, а сказываетъ не весь смыслъ свой. — „Какъ же?„ — Написано только: *Все для него и для нихъ.* А чтобы сказать *все*, такъ надобно бы было написать: *нѣтъ ничего невозможнаго, нѣтъ никакихъ опасно-*

ностей, на которыя бы не льзя было отважиться для Короля или отечества, и для красоты. — „Эта надпись была бы уже очень длинна; гораздо лучше: *все для него и для них*ъ.„ — Конечно; чѣмъ короче надпись, тѣмъ лучше. — „Да желая говорить коротко, не будешь ли наконецъ говорить темно?„ — Что темно, то не можетъ быть хорошо, какъ бы краткo сказано ни было; только понятная краткость похвальна, и о ней только я говорила. —

Тутъ пришли сказать Гж. Добролюбовой, что карета уже готова. Петръ простился съ Николаемъ, которому очень не хотѣлось съ нимъ разстаться; потому что онъ искренно къ нему привязанъ былъ такъ, какъ и Петръ съ своей стороны очень любилъ его, и почиталъ себѣ за великое удовольствіе въ свободное время научать его тому, чему самъ учился. Когда всѣ сѣли въ карету, Петръ началъ хвалить доброе Николаево сердце и прилѣжность его къ ученію. Я надѣюсь, сказала Гж. Правосудова, что ты всегда съ удовольствіемъ будешь съ нимъ вмѣстѣ учиться, что добрыя его свойства произведутъ въ тебѣ желаніе быть ему подобнымъ, и что ты всегда будешь спа-

стараться имѣть такую же прилѣжность къ ученію; а иначе исторія его можетъ быть подобна исторіи Кардинала д'Оссата. ---- „Не разскажете ли ее мнѣ, бабушка?„ — Охотно.

Арнодъ д'Оссатъ, произшедшій на свѣтъ отъ бѣдныхъ родителей въ Кассаннаберѣ, маленькой деревнѣ близь Оша, остался на девятомъ году безъ отца, безъ матери и безъ всякаго имѣнія. Онъ воспитанъ былъ вмѣстѣ съ сыномъ Господина той деревни, и въ скорое время столь успѣлъ въ наукахъ, что наконецъ сдѣлался его учителемъ. ---- „Думаю, что Николай никогда не будетъ моимъ учителемъ. --- Такъ этотъ д'Оссатъ былъ Кардиналомъ?„ --- Да, этотъ; научившись Юриспруденціи у славнаго Кюжаса, сдѣлался онъ однимъ изъ первыхъ адвокатовъ въ Парижѣ. Покровители, которыхъ онъ нашелъ себѣ достоинствами своими, доставили ему знатное въ Приказѣ мѣсто. *Поль де Фуа*, Архіепископъ Тулузской, котораго Генрихъ третій отправилъ Посломъ въ Римъ, взялъ его къ себѣ Посольскимъ Секретаремъ. По смерти Архіепископа повелѣлъ ему Французской Дворъ заступить его мѣсто. Посредствомъ его полу-

получилъ великой Генрихъ прощеніе и примирился съ Римскимъ Дворомъ. Важныя д'Оссатовы услуги награждены были Кардинальскою шапкою. Онъ умеръ въ Римѣ въ 1604 году, на 67 году отъ рожденія своего. Имъ сочинено множество писемъ, которыя заслужили великую похвалу. —

Видите, любезныя дѣти, какъ щастливъ бываетъ ученой человѣкъ, и какъ достоинства украшаютъ жизнь человѣческую; но для достиженія такого щастія надобно человѣку быть и добродѣтельнымъ. ---- „Я вижу, бабушка, что кто хочетъ быть щастливъ, тому надобно учиться быть добродѣтельнымъ. Однакожь нѣтъ ли и такихъ людей, которыя при всѣхъ своихъ порокахъ пришли въ знатность и нажили великое богатство?„ -- Конечно есть, но они не утѣшаются ни знатностію, ни богатствомъ: потому что неправдою пріобрѣтенное почтеніе и богатство соединено всегда съ безпокойствомъ; страхъ лишиться сокровищъ не даетъ ими наслаждаться. Одна ученость можетъ вести ко щастію; однакожь щастіе такое не продолжительно и не надежно. —— Дѣтямъ казалось разсужденіе бабушки ихъ очень справедливымъ; и между тѣмъ, какъ онѣ разговаривали о

томъ, карета подъѣхала къ крыльцу дома Г. Чудина.

Послѣ обѣда разсматривали собраніе медалей, нѣкоторыя дорогія Италіянскія картины, хорошіе эстампы, и въ такихъ упражненіяхъ день прошелъ непримѣтно. Г. Чудинъ былъ человѣкъ очень знающій. Видъ его сначала казался страненъ, но кто узналъ его покороче, тотъ не могъ не любить его: разговоры его были основательны и пріятны. Гжу. Добролюбову и Правосудову просилъ онъ пробыть у него нѣсколько дней, и просилъ столь усильно, что онѣ наконецъ согласились удовлетворить его прозьбѣ. Однажды разсказалъ онъ имъ нѣкоторыя свои приключенія, которыя ихъ очень занимали. Онѣ сожалѣли, что на то время дѣти вышли отъ нихъ изъ комнаты. Г. Чудинъ, которой слышалъ уже о вечернихъ повѣстяхъ, хотѣлъ разсказать дѣтямъ всю свою исторію, естьли согласятся пробыть у него еще два дни сверьхъ срока. Предложеніе его было принято, и онъ обѣщалъ повѣстію своею занять по крайней мѣрѣ два или три вечера. Въ семъ ожиданіи спросила Катерина у матери своей, веселая или печальная будетъ исторія Г. Чудина.

Въ

Въ Г. Чудинѣ очень сильно дѣйствовали страсти, отвѣчала она. — „По этому онъ былъ нещастливъ?„ — Суди сама — „А какія страсти?„ — Онъ былъ влюбленъ и ревнивъ. — „Это мнѣ смѣшно; однакожь я точно не знаю, что такое любовь.„ — Всѣ живыя чувства называютъ *любовію*; на прим. нѣжность матери называютъ *материею любовію*. — „По этому есть и *дочерняя любовь*?„ — За такой вопросъ Катерину два раза поцаловали. — И такъ подъ *любовію* разумѣется истинная и живая склонность, начала опять говорить Гжа. Добролюбова, которая въ разсужденіи нѣжности превосходитъ обыкновенную дружбу, такъ какъ *материя*, или *дочерняя любовь*. — „А естьли говорятъ просто *любовь*?„ — Тогда разумѣется подъ этимъ словомъ страсть мущины къ женщинѣ, и въ такомъ случаѣ слово это означаетъ безразсудную склонность. — „Развѣ мущина съ разсудкомъ не можетъ любить женщины?„ — Можетъ; но когда говорятъ: *онъ любитъ*, *онъ влюбленъ*, тогда значитъ это: *онъ слишкомъ любитъ*, *любитъ страстно*. Подъ *любовію матернею*, *супружескою* и проч. разумѣются только живыя и нѣжныя чувства, которыя никогда

разсудокъ не ослабляютъ.„ — И такъ не надобно *просто* любить?„ — Мы уже въ томъ согласны, что надобно беречься страстей. — „Конечно, для того что онѣ отнимаютъ разсудокъ.„ — И легко отводятъ насъ отъ исполненія должностей нашихъ. Почему жена должна имѣть *супружескую любовь*, а не *страстную*. Впрочемъ можно еще быть во многихъ отношеніяхъ добродѣтельнымъ и тому, котораго сердце страстной любви исполнено, естьли предметомъ ея будетъ супругъ, сынъ, или дочь. Только эта любовь безразсудна и часто лишаетъ спокойствія. Естьли ощущенія наши не беззаконны, то излишняя ихъ горячность бываетъ только тогда осудительна, когда отвращаетъ насъ отъ какихъ нибудь должностей нашихъ; однакожь рѣдко бываетъ, чтобы страсть не имѣла вліянія на всѣ наши поступки и дѣла: и по тому-то самому страсти очень опасны. — „Да развѣ можетъ быть *любовь* беззаконная?„ — Конечно: на прим. женщина худо воспитанная, худо наученная, безъ правилъ и безъ скромности, легко можетъ впасть въ это заблужденіе, воспалившись страстію къ человѣку, которой ей не мужъ. — „Ахъ! это непростительно:

по-

потому что, выходя замужъ, всякая обѣщается любить мужа всемъ сердцемъ.„ — Обѣщается быть ему вѣрною, то есть никогда не предпочитать ему другаго человѣка и посвятить ему жизнь свою. Хотя бы мужъ былъ противъ жены несправедливъ, однакожь обѣщаніе ея оставалось бы все въ своей силѣ; сколь бы онъ дуренъ ни былъ, но она все связана клятвою своею, и безъ преступленія не можетъ полюбить другаго тою любовію, которой онъ себя дѣлаетъ недостойнымъ. — „Это правда; потому что при замужствѣ обѣщаются во всю жизнь не любить другаго. Да отъ чего же, матушка, иныя жены этова не чувствуютъ?„ — Я уже тебѣ сказала, что есть жены безъ правилъ, отступившія отъ закона и забывшія скромность; но за то и наказываются онѣ всеобщимъ презрѣніемъ и угрызеніемъ совѣсти ихъ. Раскаяніе послѣ такихъ преступленій тѣмъ неизбѣжнѣе, что любовь есть самая летучая страсть. А когда она не подкрѣпляется должностію и основывается не на почтеніи, то не достойна и имени любви. Въ такомъ случаѣ она огонь, воспаленной необузданною силою воображенія и испорченнымъ сердцемъ. — „Ахъ,

какъ это худо! — Да что такое, матушка, ревнивой мужъ?„ — Мужъ, сомнѣвающійся въ честности и добродѣтели своей жены; т. е. боящійся, чтобы она не полюбила другаго человѣка болѣе его. — „Такъ не льзя, матушка, чтобы добродѣтельная жена могла имѣть ревниваго мужа.„ — По чему? всякой человѣкъ можетъ быть несправедливъ. — „Ахъ! мнѣ бы очень досадно было, естьли бы у меня былъ ревнивой мужъ.„ — Худо бы сдѣлала. Прискорбно, правда, видѣть, что презираетъ насъ тотъ человѣкъ, котораго любить должно; однакожь честная жена при нещастіи своемъ все еще можетъ тѣмъ утѣшаться, что кротостію своею, снисхожденіемъ и совершеннымъ благоразуміемъ, рано или поздно пріобрѣтетъ себѣ мужнее почтеніе и полную его довѣренность.

Катерина дѣлала еще разные вопросы матери своей, а послѣ ужина Г. Чудинъ, въ присутствіи всего семейства Гжи. Добролюбовой, началъ разсказывать слѣдующую исторію.

III.

ИСТОРІЯ

Господина Чудина.

Не всегда носилъ я круглой и черной парикъ, которой теперь ношу; не всегда бывалъ я въ такомъ разсѣяніи, которымъ нынѣ меня укоряютъ. Въ ребячествѣ былъ я очень хорошъ: по крайней мѣрѣ мать моя мнѣ это говорила. Она говорила даже, что для ребенка *былъ я и слишкомъ хорошъ*, хотя другія люди и никогда этотъ порокъ мнѣ не приписывали. Какъ бы то ни было, а я былъ одинъ сынъ у родителей моихъ. Мать моя не много думала о воспитаніи моемъ, и только что меня портила; чѣмъ я и воспользовался такъ, что въ восемь лѣтъ сдѣлался величайшимъ негодяемъ. Я былъ упрямъ, лѣнивъ, бранчивъ и необузданъ; дѣлалъ вдругъ сто вопросовъ, не слушая никогда отвѣта; не хотѣлъ ничему учиться, и билъ только въ барабанъ и свисталъ въ дудку. Между тѣмъ ни одинъ учитель не могъ проучить меня болѣе пяти и шести мѣсяцевъ; троихъ

учителей мучилъ я до того, что они меня учить перестали. Наконецъ мать моя принуждена была отдать меня въ пенсіонъ. Мнѣ тогда было одиннатцать лѣтъ. Оставляя родительской домъ, я горько плакалъ. Не смотря на распутство мое, былъ я сердца добраго, и радовался, пріѣхавши въ хорошій домъ, наполненной молодыми людьми, которыя всѣ казались веселыми; потому что меня привезли уже въ самое то время, какъ учиться перестали. Я началъ бѣгать и прыгать, и увѣрялъ, что такая жизнь мнѣ очень понравится. Тотчасъ свелъ я дружбу съ однимъ ученикомъ, котораго назову Любовымъ. Онъ былъ старѣе меня двумя годами, и полюбился мнѣ своею откровенностію и веселостію. Сколько онъ былъ ученъ и разсудителенъ, столько я былъ несвѣдущъ и безсмысленъ. На другой день поутру увидѣлъ я въ домѣ превеликую перемѣну. Мнѣ надобно было явиться въ классъ, и показать опытъ моихъ способностей. Но опытъ удался худо: увидѣли, что я едва читать умѣю. Вдругъ поднялся позади меня шумъ, и одинъ десятилѣтній мальчикъ, сидѣвшій подлѣ меня, захохоталъ во все горло. Смѣхъ его столько разсердилъ меня, что

я далъ ему пресильную пощечину, которая заставила его удариться вискомъ о плечо своего товарища. Тотчасъ меня схватили, съ безчестіемъ стащили съ моего мѣста и поволокли вонъ изъ залы. Я отбивался на обѣ стороны, бранился, но тщетно. Меня протащили мимо Любова, которой бросилъ на меня такой нѣжной и чувствительной взоръ сожалѣнія, что я, не смотря на свирѣпство свое, очень тронулся. — Меня отвели въ темную горницу и заперли, сказавши мнѣ, что два дни просижу я тамъ на хлѣбѣ и водѣ, да на пустомъ супѣ. Послѣ такого ужаснаго извѣстія оставили меня одного на размышленіе о худыхъ слѣдствіяхъ пощечины.

Прогуливаясь вокругъ своей темницы, узналъ я, что весь полъ устланъ былъ въ ней войлоками, и что она была довольно пространна. Ходя мужественно взадъ и впередъ по горницѣ, размышлялъ я о всѣхъ обстоятельствахъ моего нещастія. Я былъ очень усмиренъ, и раскаявался, что худо пользовался наставленіями прежнихъ моихъ учителей, которыхъ я отъ себя отогналъ. Я восклицалъ: Ахъ, матушка! естьли бы ты здѣсь была, то бы конечно не допустила поступить со мною

такъ жестоко. А естьли бы ты позволила моему первому, или другому, или третьему учителю меня наказывать, какъ того они и желали, такъ бы я могъ хорошо читать, не привыкъ бы давать такія пощечины, да и здѣсь бы не былъ. — Въ такихъ печальныхъ размышленіяхъ пришелъ мнѣ на мысль взоръ Любова: казалось мнѣ, что я вижу его еще передъ собою; и такое воспоминаніе было мнѣ прискорбно. Но всего болѣе досаждало мнѣ то, что Любовъ былъ свидѣтелемъ моего усмиренія, жара и наказанія; я боялся, что онъ меня станетъ презирать, а эта мысль была мнѣ несносна.

Лишь только окончалъ я такой разговоръ съ самимъ собою, какъ услышалъ, что двери темницы моей отворяются, и увидѣлъ друга моего Любова, идущаго ко мнѣ съ свѣчою. Я бросился къ нему на шею, и отъ радости заплакалъ. Поди, сказалъ онъ мнѣ: на этотъ разъ ты уволенъ отъ наказанія. — Уволенъ! воскликнулъ я; вѣрно ты сдѣлалъ это? и естьли не ошибаюсь, такъ я радъ этому. — Требуютъ только того, продолжалъ Любовъ, чтобы ты просилъ прощенія у обиженнаго. — Мнѣ, мнѣ просить

сить прощенія? закричалъ я: у этова дерзкаго негодяя, у этова мальчишки? — „Онъ дурно сдѣлалъ, что надъ тобою смѣялся: это очень неучтиво; однакожь ты поступилъ безразсудно и безчеловѣчно.„ — Я еще не свернулъ ему шеи. — „Для того, что у тебя и силы столько нѣтъ; однакожь ты его до крови разбилъ.„ — До крови? такъ онъ вѣрно кровь свою всѣмъ показывалъ? — „Это всѣ сами увидѣли.„ — Ему бы надобно было поскорѣе обтереться и не жаловаться. Это самой негодной мальчишка, и я ни за что не стану просить у него прощенія. — „Рѣчь не о томъ, каковъ онъ, а о твоемъ проступкѣ; онъ очень великъ, и тебѣ надобно его загладить.„ — Нѣтъ, я лучше соглашусь остаться въ этой тюрмѣ, нежели столько себя унизить. — „Что такое унизить себя?„ — — Этотъ вопросъ меня замѣшалъ, и я не зналъ, что отвѣчать. Между тѣмъ Любовь опять говорить началъ: — „Ты унизилъ себя тѣмъ, что заслужилъ справедливое наказаніе, и поступилъ противъ совѣсти своей и благоразумія. А извинившись передъ тѣмъ, кто тобою обиженъ, поступишь очень справедливо, и въ такомъ поступкѣ нѣтъ ничего уни-

зи-

зительнаго.„ — Да естьли подумаютъ, что я извиняюсь только отъ страха, и станутъ смѣяться? — „Что нужды до того; неосновательныя насмѣшки не должны насъ трогать. Я предлагаю тебѣ такое дѣло, которое справедливо и благопристойно: тѣмъ хуже для тѣхъ, которые его хулить станутъ. Насмѣшники въ глазахъ всѣхъ умныхъ людей будутъ сами смѣшны: а такихъ-то людей мысли для насъ и важны.„ — Хорошо, сказалъ я: поведи меня туда, и я сдѣлаю все то, что тебѣ угодно. Любовъ меня обнялъ, и мы вышли изъ темной горницы. Я просилъ прощеніе, и получилъ его; но скоро послѣ того снова заслужилъ я наказаніе. Будучи неприлѣженъ, безсмысленъ, необузданъ и бранчивъ, пришелъ я въ ненависть у всѣхъ учителей и соучениковъ моихъ, и безъ помощи и вѣрной дружбы Любова, которой былъ самой первой и любимой ученикъ во всемъ пенсіонѣ, прежде бы еще года былъ я отосланъ назадъ къ родственникамъ моимъ.

Такимъ образомъ прошли почти два года, въ которое время Любовъ вышелъ изъ пенсіона и вступилъ въ службу. Скоро послѣ того лишился я матери. Смерть ея

ея меня очень огорчила. Часто со вздохомъ приводилъ я себѣ на мысль то, что въ жизни своей имѣла она отъ меня только однѣ огорченія. Боже мой! говорилъ я самъ въ себѣ: благословила ли она хотя при смерти неблагодарнаго своего сына, которой могъ ее сдѣлать щастливою, но вмѣсто того всегда ее безпокоилъ? Какое ужасное для меня воспоминаніе! Она дала мнѣ жизнь, любила меня, а я для нее ничего не сдѣлалъ! Ахъ, матушка, матушка! тебя уже нѣтъ, и я не могу загладить преступленій моихъ! У меня нѣтъ уже матери, и я не могу сказать: *по крайней мѣрѣ въ жизни своей она радовалась мною.* Не дано мнѣ такого утѣшенія! ---

При такихъ размышленіяхъ слезы текли у меня изъ глазъ ручьями, и я такъ мучился, что впалъ въ нѣкоторой родъ чахотки, которая привела въ опасность жизнь мою. Дядя мой и опекунъ взялъ меня изъ пенсіона, и повезъ къ себѣ въ деревню. Чтобы меня чѣмъ нибудь разсѣять, объѣздилъ онъ со мною разныя Губерніи. Проживши у него три года и вступивши на семнатцатой годъ, по волѣ его вошелъ я въ службу.

Жив-

Живши у дяди, продолжалъ я учиться; но не привыкнувши къ прилѣжности, ни въ чемъ я довольно не успѣлъ, и ученіе казалось мнѣ всего скучнѣе. Характеръ мой былъ не совершеннѣе моего разума. То, что въ ребячествѣ моемъ называли задоромъ, превратилось въ такой порокъ, которой въ послѣдствіи жизни моей былъ причиною многихъ нещастій. Я былъ вспыльчивъ и горячъ до свирѣпства. Въ гнѣвѣ терялъ я совсѣмъ разсудокъ, заикался, насказывалъ тысячу дурачествъ и былъ въ состояніи предпринять страшныя дѣла. Одинъ только дядя мой могъ меня держать въ уздѣ. Я истинно почиталъ и любилъ его, и никогда не забывалъ того уваженія, которое надлежало мнѣ имѣть къ нему. Излишнее его снизхожденіе утвердило меня въ нещастной привычкѣ, которую бы онъ легко искоренить могъ, естьли бы захотѣлъ воспользоваться своею надо мною властію. Но когда жаловались ему на мое сердце, то отвѣчалъ онъ: *юношеской жаръ со временемъ утухнетъ, а онъ самой доброй малой.*

Наконецъ поѣхалъ я въ полкъ. Дядя отпустилъ меня съ какимъ-то Гофмейстеромъ, которому меня ввѣрилъ, и ко-

которой долженъ былъ прожить со мною годъ. Не прошло еще и шести недѣль, какъ непримиримо поссорился я съ моимъ Гофмейстеромъ; отослалъ домой тѣхъ слугъ, которыхъ далъ мнѣ дядя, принялъ къ себѣ скорохода, и въ первые четырнатцать дней почиталъ себя самымъ щастливымъ человѣкомъ. Скороходъ мой былъ молодъ, веселъ и хорошъ собою. Я совсѣмъ ввѣрился ему, и въ два мѣсяца издержали мы полторы тысячи рублевъ, ту сумму, которая была дана мнѣ на полгода. По тѣмъ щетамъ, которые онъ мнѣ подавалъ, покупая разныя для меня вещи, примѣтилъ я наконецъ, что онъ былъ плутъ; однакожь деньги уже были издержаны. Я вошелъ въ долгъ, и отослалъ отъ себя скорохода, которой при отходѣ своемъ укралъ у меня всѣ дорогія вещи.

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ сего приключенія, поссорился я съ однимъ молодымъ Офицеромъ. Я бился съ нимъ на шпагахъ и получилъ двѣ раны, которыя болѣе двухъ мѣсяцовъ заставили меня лежать на постелѣ. Въ это время размышлялъ я о своей безразсудности и вспыльчивости, и началъ усматривать, что для щастія своего необходимо надлежитъ мнѣ болѣе слушаться разума, болѣе

лѣе имѣть надъ собою власти и удерживать первыя движенія жара моего. Я прожилъ въ полку годъ. Тогда началася война. Я поѣхалъ въ армію, прослужилъ нѣсколько кампаній, оказалъ много ревности, но мало способности. Я любилъ драться, но не хотѣлъ учиться военному искусству. Послѣ увидите, что служба моя была очень не славна.

Между тѣмъ дядя мой всячески старался о моемъ благополучіи. Мнѣ былъ двадцать первой годъ. Онъ хотѣлъ меня женить, и избралъ для меня такую жену, которая бы сдѣлала жизнь мою щастливою, естьли бы я не былъ самымъ вздорнымъ и несправедливымъ человѣкомъ. Невѣстѣ моей было семнатцать лѣтъ. Она была прекрасна, кротка и откровенна. Взоры ея показывали спокойную душу, и никогда на лицѣ ея не видно было ни малаго знака неудовольствія, или нетерпѣнія. Увидѣвши ее одинъ разъ, можно было узнать все сердце ея. Душа ея изображалась у нее въ глазахъ, и имѣла, подобно тѣлу ея, красоту Ангельскую. Разумъ у нее былъ здравой и проницательной и совсѣмъ не по ея лѣтамъ; желанія ея были умѣренны, а характеръ имѣла она твердой. Она была съ великими

кими дарованіями, любила книги и работу. Всѣ ея поступки былк просты, естественны и благородны. Звукъ голоса ея проницалъ въ сердце. Она говорила не скоро; но какъ въ языкѣ ея не было ничего принужденнаго, то такая нескорость придавала ей еще новую прелесть и обнаруживала великую ея скромность. Вотъ какова была та женщина, которую дядя мой выбралъ для составленія моего благополучія. При такихъ достоинствахъ не имѣла бы она нужды въ имуществѣ, однакожь она была богата. При женидьбѣ моей дядя отдалъ мнѣ во владѣніе все мое имѣніе, такъ что въ двацать лѣтъ былъ я господиномъ большихъ деревень и мужемъ любезнѣйшей особы; отъ меня только зависѣло быть щастливымъ. Я смертельно влюбленъ былъ въ жену мою. Она была добродѣтельна и чувствительна. Я думалъ, что благополучіе мое вѣчно, но этотъ сонъ скоро миновался.

Первую зиму послѣ женидьбы моей прожилъ я въ Москвѣ. Я нашелъ тамъ стараго моего друга Любова, и возобновилъ съ нимъ прежнюю искреннюю дружбу. Онъ имѣлъ всѣ тѣ хорошія свойства, которыя показывалъ въ первой своей юно-

сти. Въ арміи отличилъ онъ себя славно; и въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ обыкновенно показываютъ только одну смѣлость и добрую волю, показалъ онъ величайшія дарованія, благоразуміе и истинную храбрость. Онъ имѣлъ завистниковъ, однакожь не клеветниковъ. Простота и скромность его обезоруживали ненависть, и онъ былъ всѣми любимъ столько, что тотъ, кто бы не похвалилъ его поступковъ и хорошихъ свойствъ, былъ бы признанъ его непріятелемъ.

Жена моя съ своей стороны свела тѣсную дружбу съ одною молодою вдовою, родственницею своею, которая извѣстна была въ городѣ по хорошей своей славѣ, добродѣтели и разуму. Я навѣчно соединенъ былъ съ такою женщиною, которую предпочиталъ всѣмъ прочимъ; былъ любимъ дядею, котораго почиталъ я своимъ отцемъ; въ домѣ у себя имѣлъ я всегда хорошее общество, нашелъ въ другѣ моихъ лѣтъ благоразуміе пожилаго человѣка; наслаждался всѣми существенными благами, даже и тѣми, которыя суетность цѣнитъ дорого; наслаждался всемъ тѣмъ благополучіемъ, которое доставить можетъ добродѣтельная любовь, на почтеніи основанная дружба, молодость, здоровье,

ровье, богатство — Чего у меня еще не было? Одной только выгоды, безъ которой всѣ прочія бываютъ безполезны: воспитанія.

Первые мѣсяцы послѣ моей женидьбы были для меня самымъ мирнымъ и щастливымъ временемъ. Но скоро стало мнѣ казаться, что я менѣе щастливъ. Любовь къ женѣ моей всякой день во мнѣ возрастала и довела меня до всѣхъ несправедливостей и того ужаснаго чувства, которое лишаетъ человѣка и благоразумія и спокойствія. Я хотѣлъ, чтобы меня любили такъ, какъ я любилъ, то есть чрезвычайно. Жена моя имѣла ко мнѣ нѣжнѣйшую и постояннѣйшую склонность; но она была столько разсудительна, что не могла предаться необузданной страсти, которая могла бы занмить ея разумъ и уничтожить спокойствіе.

Сперва жаловался я нѣжно, но скоро сталъ ропотливъ, печаленъ, недоволенъ и подозрителенъ. Въ сердцѣ своемъ чувствовалъ я тайное отвращеніе отъ всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ, казалось, жена моя любила, а особливо отъ перваго ея друга. Однакожь столько еще было во мнѣ разума, что самъ себя я укорялъ

такимъ порочнымъ чувствомъ; почему старался и сокрыть его. Въ одинъ день, когда я былъ гораздо ропотливѣе обыкновеннаго, хотѣлъ итти къ женѣ. Мнѣ сказали, что она сидитъ въ кабинетѣ съ другомъ своимъ. Я отворилъ дверь и вошелъ съ великимъ движеніемъ. Онѣ говорили очень живо; но какъ скоро меня увидѣли, такъ скоро обѣ замолчали. Я примѣтилъ, что жена моя закраснѣлась, а товарищъ ея пришелъ въ великое смятеніе. Одно уже это могло взбѣсить меня. Сначала хотѣлъ я себя принудить и подшутить надъ тѣмъ замѣшательствомъ, которое причинилъ приходомъ своимъ. Не знаю, что говорилъ я въ первую минуту; помню только то, что я заикался, и что колѣни мои дрожали. Видъ и слова мои дѣлали меня очень смѣшнымъ. Жена моя и не могла удержаться отъ улыбки. Эта улыбка совершенно меня взбѣсила. Я почелъ ее за насмѣшку, забылъ всю благопристойность, и, не смотря на присутствіе гостьи, вдругъ обнаружилъ всю злобу свою. Лишь только унялся я браниться, гостья встала и вышла. Оставшись съ нею одинъ, я утихъ, пересталъ говорить и скорыми шагами началъ ходить взадъ и впередъ

по

по горницѣ. По минутномъ молчаніи сказала жена моя: это пророчествовали мнѣ передъ свадьбою нашею, однакожь я не хотѣла тому вѣрить . . . Тутъ посмотрѣла она на меня глазами, исполненными слезъ. Сколько я сожалѣю о васъ! примолвила она: однакожь успокойтесь. Надѣюсь, что нѣжность моя, покорность и почтеніе, со временемъ искоренятъ изъ васъ этотъ жестокой порокъ. — Послѣднія слова произнесла она съ такою чувствительностію и невинностію, которыя проникли въ душу мою. Я чувствовалъ всю вину свою, и со слезами бросился на колѣни передъ утѣшительницею моею, простиравшею ко мнѣ руки и прощавшею мнѣ прежде еще извиненія моего.

Увидѣвши, что я былъ въ состояніи слушать изъясненіе, разсказала мнѣ жена моя, что въ ту самую минуту, какъ я вошелъ въ комнату, другъ ея открылъ ей тайну. Чаятельно, продолжала она, вы не захотите знать этой тайны, которая принадлежитъ не мнѣ, и которой по тому не должна я и сказывать. Но въ томъ могу васъ увѣрить, что вы ее нѣкогда узнаете. Такое изъясненіе, вмѣсто успокоенія, произвело во мнѣ

тайное неудовольствіе, которое я едва удержать могъ. Однакожь, будучи уже пристыженъ оказаннымъ мною жаромъ, скрылъ я свою досаду и принялъ на себя довольной видъ. Въ такомъ положеніи, имѣвши нужду въ повѣренномъ, сыскалъ я Любова и открылъ ему сердце мое. Онъ обвинялъ меня, взялъ сторону моей жены и осыпалъ твердость и благоразуміе ея великими похвалами. Но можно ли мнѣ, сказалъ я, сносить эту закрытность, открывая ей все? Я знаю, отвѣчалъ съ усмѣшкою Любовъ, чтобы ты открылъ ей тайну вѣрнѣйшаго твоего друга. — „Тебя бы могъ я предать ей, а она пріятельницу свою не можетъ любить болѣе того, какъ я тебя люблю.„ — Вѣрю, но она знаетъ всѣ свои должности, а ты о нихъ никогда не думалъ. Добродѣтели у тебя только природныя, а она поступаетъ по непремѣннымъ правиламъ. Ты любишь ее страстно, а она любитъ тебя истинною и добродѣтельною любовію, которая возвышаетъ и возвеличиваетъ душу ея, и которая никогда ни до какой безразсудности довести ее не можетъ. — „Понимаю, понимаю: она никогда меня такъ любить не будетъ, какъ я ее люблю. Въ ея глазахъ я сума-

сумасшедшій: вѣрно это она тебѣ сказала. —— Послѣднія слова выговорилъ я съ великимъ жаромъ. Вмѣсто отвѣта пожалъ Любовь плечами, отворотился отъ меня и ушелъ. Я стоялъ какъ окаменѣлой, проклиналъ любовь, дружбу; былъ всемъ недоволенъ, что любилъ, и самимъ собою; я казался себѣ человѣкомъ самымъ нещастнѣйшимъ.

Не осмѣливаяся обнаружить злобу свою, я безпрестанно и на все ропталъ. Но кротость и терпѣніе жены моей наконецъ побѣдили худой нравъ мой. Дѣло пришло къ новому изъясненію. Я опять началъ говорить съ женою о пріятельницѣ ея; она сказала, что видѣться съ нею впредь не будетъ, примѣчая во мнѣ отъ нее отвращеніе. Я всегда буду любить ее, говорила она: ни что не принудитъ меня открыть ея тайну; однакожь нѣтъ такой любви, которою бы я не захотѣла вамъ пожертвовать. Слова ея тронули меня: вся ненависть моя къ пріятельницѣ ея изчезла. Я поскакалъ къ ней просить ее, чтобы она забыла вспыльчивость мою, и привезъ ее въ радости къ женѣ моей, съ которою не видалась она съ того времени, какъ я обнаружилъ при ней смѣшную злобу мою. Прочая часть зимы прошла

довольно спокойно. Весною поѣхалъ я въ армію. По окончаніи компаніи возвратился я въ Москву съ Любовымъ, которой съѣхался со мною дорогою. За три версты отъ города, дожидалась его карета, и одинъ изъ людей его отдалъ ему маленькое письмецо, которое читалъ онъ съ великимъ вниманіемъ. Онъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ отъ меня. Хотя этотъ случай самъ по себѣ казался очень не важенъ, однакожь онъ занималъ меня и противъ воли моей произвелъ во мнѣ великое безпокойство, которому и самъ я не зналъ причины, или, лучше сказать, я страшился искать причину. До того времени думалъ я, что Любовъ занятъ былъ только одною службою и чинами. Я увѣренъ былъ, что записка была отъ женщины; онъ читалъ ее съ великою чувствительностію; примѣтилъ я и то, что присутствіе мое его нѣсколько принуждало и приводило въ замѣшательство. Естьли онъ влюбленъ, такъ начто же ему отъ меня таиться? Естьли его склонность непорочна, такъ для чего же скрывать ее отъ вѣрнѣйшаго своего друга? — Мнѣ пришло на мысль множество обстоятельствъ, которыя тщетно старался я изгнать изъ памяти моей. — Жаръ, съ ко-

которымъ онъ часто говорилъ о женѣ моей . . . Я задрожалъ; голова моя пришла въ безпорядокъ — я не могъ уже удалить отъ себя ужаснаго подозрѣнія, раздиравшаго мою душу. Съ какимъ то горестнымъ удовольствіемъ предавался я ревности, которую иногда и побѣдить старался — и въ такомъ расположеніи ѣхалъ я по городу. Жена моя не могла меня встрѣтить, потому что сильная боль въ горлѣ принудила ее не выходить изъ комнаты своей. Взоръ на нее разсѣялъ вдругъ всѣ мрачныя мои мысли. Разсматривая и слушая ее, чувствовалъ я возвращеніе спокойствія въ душѣ моей. Я укорялъ себя гнуснымъ подозрѣніемъ, и едва могъ вообразить, какъ оно пришло мнѣ въ голову.

Между тѣмъ смотрѣлъ я на Любова не съ обыкновеннымъ уже удовольствіемъ, когда онъ бывалъ со мною и съ женою моею. Однакожь страхъ, чтобы онъ не примѣтилъ принужденія моего въ обращеніи съ нимъ, мучилъ меня сильнѣе ревности; по какому-то странному противорѣчію почтеніе мое къ нему заставляло меня бояться, чтобы онъ не почелъ меня способнымъ къ такому низкому подозрѣнію. Иногда смотрѣлъ я на него какъ

на совмѣстника своего; но наще всего почиталъ его судьею, котораго уваженіе и одобреніе необходимы для щастія моей жизни. Такое сильное внутреннее безпокойство сильно дѣйствовало на характеръ мой. Когда страсть овладѣетъ сердцемъ нашимъ, тогда и всѣ наши мысли ей же покорены бываютъ, и мы находимся въ нѣкоторомъ родѣ сумасшествія, которое наконецъ и совсѣмъ лишитъ насъ разума. Не могши размышлять, никакъ не старался я истребить порока моего, но думалъ только о томъ, какъ бы скрыть его. Будучи нетерпѣливъ и вспыльчивъ, подобно всѣмъ худо воспитаннымъ людямъ, а сверьхъ того раздражаемъ тайною ревностію, которую только одну изъ всѣхъ пороковъ моихъ обнаружить боялся, былъ я всегда сердитъ, хотя часто и никакой причины тому найти было не можно. Тогда Ангельская кротость жены моей казалась мнѣ однимъ только лицемѣрствомъ, а медленность въ рѣчахъ притворствомъ, котораго не льзя было терпѣть. Наконецъ я почувствовалъ несправедливость свою. Я самъ увидѣлъ, что меня любить не возможно. Я приходилъ въ отчаяніе, въ которомъ жестоко упрекалъ себя тѣмъ, что любимаго чело-

вѣка дѣлалъ нещастнымъ. Я представлялъ себѣ жену мою со всѣми ея прелестями. Воображенію моему казалась она въ такомъ жалкомъ видѣ, что мнѣ не понятно было, какъ я могъ огорчать ее. Я приводилъ себѣ на мысль всю жестокость свою и вспыльчивость; такія мысли раздирали душу мою. Я видѣлъ въ себѣ безсмысленнаго тирана; я гнушался собою, и проливалъ горькія слезы раскаянія. Я хотѣлъ преодолѣть себя и почиталъ себя совершенно исправившимся; но черезъ три дни обнаруживалась опять вся жестокость моя. Будучи внутренно нещастливъ и по тому болѣе достоинъ сожалѣнія, что самъ былъ причиною нещастія моего, искалъ я въ разсѣяніи нѣкотораго облегченія. Я свелъ новыя знакомства, и раза два въ недѣлю приглашалъ къ себѣ обѣдать и ужинать человѣкъ по пятнадцати. Я нанялъ въ театрѣ ложу, не пропускалъ во всю зиму ни одного представленія новыхъ театральныхъ сочиненій и ни одного маскерада, и всегда игралъ въ карты. Но никакія забавы не приносили мнѣ удовольствія; употребляя худо время, далѣе и далѣе уходилъ я отъ щастія, не говоря уже о томъ, что истощалось имущество и здоровье мое.

Лю-

Любовь оказывалъ мнѣ неудовольствіе свое въ разсужденіи моего новаго рода жизни. Ты становишься игрокомъ, говорилъ онъ, и предаешься той нещастной страсти, которая менѣе всѣхъ простительна. Думалъ ли ты когда нибудь, чѣмъ хочетъ и необходимо долженъ быть тотъ, кто *ремесломъ игрокъ*, т. е. кто хочетъ обогатиться игрою? Да и какимъ средствомъ? На щетъ тѣхъ людей, съ которыми онъ живетъ. — „Я не входилъ въ глубокія о томъ размышленія. Однакожь знаю то, что можно быть игрокомъ и не потерять славы честнаго человѣка.„ ---- Конечно, всегда проигрывая; не говорю уже, разоряя себя: потому что это неизбѣжная судьба щастливаго и нещастнаго игрока. Одинъ продаетъ деревни свои прежде, а другой послѣ: вотъ между ними все различіе. Но для сбереженія добраго имени не довольно того, чтобы наконецъ разориться: надобно никогда, ни укого и ни полушки не выигрывать. ---- „Такъ ты думаешь, что игрока не льзя почитать честнымъ человѣкомъ?„ ---- По крайней мѣрѣ многія не признаютъ его таковымъ. Сколько непріятелей наживетъ онъ себѣ! Мать въ отчаяніи называетъ его обманщикомъ, до-

доведшимъ до нищеты сына ея; а отецъ поставляетъ его дѣтямъ своимъ въ примѣръ подлости. Ненависть гонитъ его, злословіе угнѣтаетъ, разумъ и самое человѣколюбіе его осуждаютъ. Кто же при такомъ всеобщемъ презрѣніи за него вступится и будетъ его защищать? Друзья его? Да развѣ есть у игрока друзья? Могутъ ли они быть у того человѣка, которой всякой день грабитъ такъ называемыхъ друзей своихъ? — „Не уже ли ты никогда не находилъ такихъ игроковъ, которыхъ бы ты могъ удостоить почтенія своего?„ — Конечно, я зналъ и такихъ; но естьли бы этова не доказалъ мнѣ опытъ, такъ бы, признаюсь тебѣ, по разуму почелъ это невозможностію. Люди, которыя думаютъ только о средствахъ къ обогащенію своему, почитаютъ честь за предразсужденіе. Когда думаешь только о томъ, какъ бы *выиграть деньги*, тогда трудно сохранить благородныя чувства. Честность такихъ людей ограничивается только тѣмъ, чтобы не красть, а такой родъ честности никогда еще не почитался за отличной знакъ благонравія. Такимъ образомъ вообще думаютъ о нѣкоторыхъ людяхъ (причемъ однакожь надобно положить многія исключе-

ключенія), которыя весьма законными средствами и предвидѣніемъ случайныхъ обстоятельствъ, къ чему потребенъ великой разумъ, находятъ тайну скоро богатѣть. Естьли и противъ такихъ людей дѣйствуетъ предразсужденіе, такъ что же думать о игрокахъ? Что думать о такомъ человѣкѣ, которой щастіе свое ищетъ всегда въ нещастіи другихъ, и благополученъ быть можетъ только злополучіемъ ближнихъ? Тотъ, кто посвящаетъ себя этому горестному и мучительному ремеслу по одному корыстолюбію, довольно ясно доказываетъ, что желаніе, или надежда выиграть деньги, можетъ заставить его принести всякую жертву. А кто же дѣлаетъ все для такой подлой корысти, тотъ ничего не сдѣлаетъ для чести. — „Однакожь, другъ мой, я съ своей стороны не совѣтую тебѣ показывать публично нетерпимости своей въ разсужденіи игроковъ, въ такое время, въ которомъ мы живемъ; иначе наживешь ты себѣ многихъ непріятелей.„ — Этотъ страхъ, отвѣчалъ Любовь, не помѣшаетъ мнѣ говорить полезныя истинны.

Разсужденія Любова подѣйствовали нѣсколько на разумъ мой. Но мода и примѣръ скоро изгнали у меня изъ памяти

до-

доброй совѣтъ его, и отъ слабости и праздности сдѣлался я игрокомъ. — Однакожь, продолжалъ Г. Чудинъ, теперь уже одиннадцатой часъ; и такъ мнѣ время замолчать о дурачествахъ моей молодости. Завтра ввечеру услышите продолженіе моихъ приключеній. — На другой день по обѣщанію Г. Чудинъ продолжалъ разсказывать повѣсть свою.

Вкусъ, которой я нашелъ въ игрѣ, болѣе и болѣе распространялъ кругъ знакомства моего. Я ѣздилъ во всѣ открытые домы, будучи увѣренъ, что всегда найду тамъ игроковъ. Ужинавши у Господина ****, выигралъ я у одного молодаго человѣка, Господина Добровидова, десять тысячь рублевъ. Я не зналъ его, однакожь видъ его полюбился мнѣ. Я видѣлъ, что онъ былъ въ отчаяніи, проигравши такую большую сумму. Не былъ я еще такимъ совершеннымъ игрокомъ, чтобы заниматься только однѣми деньгами; почему и почувствовалъ великое желаніе проиграть ему деньги назадъ. Онъ примѣтилъ это, и не хотѣвши по чувствительности своей воспользоваться намѣреніемъ моимъ, пересталъ играть, подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ на ухо, будучи самъ въ великомъ движеніи, что

завтра получу я деньги. Онъ тотчасъ уѣхалъ и оставилъ во мнѣ печальное впечатлѣніе, которое еще умножилось нещастіемъ моимъ въ игрѣ. Я проигралъ пять тысячь рублевъ, и въ шесть часовъ поутру возвратился домой, будучи утомленъ и раздосадованъ собою и нещастнымъ вечеромъ. Проснувшись, получилъ я десять тысячь рублевъ, которые выигралъ у Г. Добровидова; а черезъ четыре дни послѣ того вошелъ ко мнѣ въ комнату поутру дядя и сказалъ, что ему надобно поговорить со мною о важномъ дѣлѣ. Мы пошли въ кабинетъ, и на вопросъ мой, что ему угодно, отвѣчалъ онъ мнѣ: я въ отчаяніи, и ты причиною этова. — „По чему?„ — Ты знаешь, что Вѣровъ тридцать лѣтъ уже цитается моимъ другомъ. У него одна дочь, которую онъ чрезмѣрно любитъ. Эта дѣвушка по воли отца своего и по собственной любви готова была выйти замужъ за Господина Добровидова. Съ обѣихъ сторонъ радовались ... „Что же?„ — То, что Добровидовъ проигралъ тебѣ десять тысячь рублевъ. Вѣровъ не хочетъ выдать своей дочери за игрока, и взялъ свое слово назадъ; однакожь это еще не все. Отецъ нещастнаго молодаго человѣка,

вѣка, огорченной такимъ приключеніемъ, засадилъ его въ самой худой горницѣ своего дома, и говорятъ на два года. --- „Боже мой! и такъ нещастной молодой человѣкъ лишился вдругъ любви отца своего, своей невѣсты и вольности! Я ужасаюсь, будучи невинною причиною его нещастія; однакожь могъ ли я знать обстоятельства его? Могъ ли я удержать его отъ безразсудности?„ — Нѣтъ, не зная подлиннаго состоянія людей, не знаешь и того, могутъ ли они заплатить безъ большаго себѣ вреда, или, по крайней мѣрѣ, безъ разоренія своего, когда ихъ обыграешь въ большую игру. Такимъ образомъ всѣ игроки бываютъ и безсмысленны и безчеловѣчны: ибо играть въ большую игру съ тѣмъ, которой не можетъ платить, есть дурачество; а съ тѣмъ, которой хотя заплатить и можетъ, однакожь заплатою разоряетъ себя и дѣтей, варварство. Игрокъ обыкновенно только при нещастіи одумывается. Тогда открываются нѣсколько глаза разсудка его: онъ укоряетъ себя страстію своею, видитъ свою и ближнихъ своихъ погибель. -- Такая картина трогаетъ его и производитъ въ немъ справедливое раскаяніе; но естьли бы корыстолюбіе не удаляло отъ

сердца его естественныхъ ощущеній, то какое бы множество печальныхъ мыслей пришло къ нему въ голову при его выигрышѣ! Тогда бы онъ сказалъ самъ себѣ: „Въ какомъ состояніи могутъ теперь „быть тѣ, которые мнѣ прислали деньги! „Можетъ быть, для заплаты мнѣ, долгомъ природы пожертвовали долгу чести, продали деревни, лишили дѣтей „наслѣдства, чтобы освободиться отъ „того стыда, которой бываетъ участію „неплатящихъ проигрыша своего. Естьли „эта сумма, которую опредѣляю на свои „удовольствія, составляла все имущество „заплатившаго мнѣ ее; естьли этотъ „нещастной изъ отчаянія прибѣгнетъ къ „какому нибудь ужасному дѣлу„ — — Перестаньте, дядюшка, перервалъ я: у меня кровь въ жилахъ останавливается. Тутъ въ столѣ лежатъ десять тысячь рублевъ бѣднаго Добровидова; я смотрѣть на нихъ не могу. Однакожь могу ли я упрекать себя тѣмъ нещастіемъ, котораго былъ я самою непосредственною причиною? Я не принуждалъ Добровидова къ игрѣ, да и не могъ отказаться взять его денегъ. — „Правда; но развѣ ты не знаешь, что всякой игрокъ необходимо долженъ быть причиною

тысячи такихъ приключеній? Это самое и заставляетъ всякаго добраго человѣка гнушаться ремесломъ игрока. Не уже ли будемъ мы тогда только *невинною причиною* нещастія, когда это нещастіе есть необходимое слѣдствіе поступка нашего? Вѣтродумъ, человѣкъ всегда праздной и всегда занятой, безполезной гражданинъ, отъ скуки скачущій безпрестанно изъ одного мѣста въ другое, мучащій лошадей своихъ до смерти — Вѣтродумъ задавилъ недавно на улицѣ одного человѣка. Ты знаешь, какой шумъ сдѣлало это приключеніе, и какъ всѣ бранятъ его. Для чего же? Для того, что Вѣтродумъ довелъ себя до этова нещастія своею безразсудностію; для того, что онъ скакалъ всегда во весь духъ; для того, что такое дурачество происходитъ всегда отъ безчеловѣчія и безсмыслія.„ — Довольно, довольно, дядюшка, сказалъ я: вы открываете мнѣ глаза. Я не долго былъ игрокомъ, и былъ по тому только, что никогда не входилъ въ размышленіе. Теперь бы сдѣлался я въ собственныхъ своихъ глазахъ непростительно виновенъ, естьли бы не воздержался отъ такой опасной страсти. — Въ самомъ дѣлѣ, Добровидово приключеніе и представленія дяди моего

произвели очень сильное впечатлѣніе въ разумѣ и сердцѣ моемъ.

Въ тотъ же еще день поѣхалъ я къ отцу Добровидова, чтобы возвратить десять тысячь рублевъ, которые выигралъ я такъ нещастно у сына его, увѣряя его, что соглашусь на всѣ условія въ разсужденіи заплаты этой суммы, въ которой мнѣ теперь нѣтъ никакой нужды. Но я получилъ презрительной отказъ; да еще дали мнѣ разумѣть, что великодушіе мое почитаютъ за великодушіе ложное, и чтобы я не сдѣлалъ такого предложенія, естьли бы не увѣренъ былъ, что оно не будетъ принято. Раздосадованной такою несправедливою укоризною, вдругъ вскочилъ я и сказалъ: хотя вы неупросимы и не хотите возвратить свободы сыну вашему, однакожь деньги, которыми я гнушаюсь, у меня не останутся: я ихъ тотчасъ роздамъ бѣднымъ и нуждающимся. Онѣ сдѣлали одного нещастливымъ — по крайней мѣрѣ надобно имъ послужить въ помощь нѣкоторымъ бѣднымъ людямъ. — Я сдержалъ свое слово, и скоро роздалъ весь свой нещастной выигрышъ.

Оставивши игру, долженъ я былъ оставить многія новыя знакомства, которыя свелъ я мѣсяца за три передъ тѣмъ. Же-

Женою своею я очень не много занимался, и въ объятія къ ней возвратился съ восхищеніемъ. Она приняла меня съ нѣжностію и такимъ снизхожденіемъ, которое мнѣ ее въ тысячу разъ любезнѣе прежняго сдѣлало. Въ первыхъ минутахъ такого примиренія, признался я передъ нею во всѣхъ своихъ порокахъ и дурачествахъ; я не скрылъ отъ нее даже и того, что по жестокой несправедливости ревновалъ я къ Любову. Жена моя, казалось, приведена была такимъ признаніемъ въ ужасъ и огорченіе, и боясь, чтобы я опять не впалъ въ эту слабость, совѣтовала мнѣ звать къ ней Любова гораздо рѣже прежняго, потому что съ нѣкотораго времени пересталъ онъ самъ собою посѣщать меня часто.

Такой совѣтъ былъ очень благоразуменъ, но я не послѣдовалъ ему. Я надѣялся на свое излѣченіе и хотѣлъ это доказать. Я поѣхалъ къ Любову и старался всячески убѣдить его въ томъ, что я сталъ разсудительнѣе; онъ любилъ меня и легко мнѣ повѣрилъ. Хотя по острому своему разуму и проникъ онъ въ ревность мою, однакожь вѣрныхъ доказательствъ тому никакихъ не было, и онъ увѣренъ былъ, что ревность моя была ми-

нутная. Между тѣмъ думалъ онъ, что при возобновленіи нашей дружбы поступитъ благоразумно, естьли покажетъ мнѣ опытъ своей довѣренности, которой къ нещастію произвелъ во мнѣ совсѣмъ противное ожиданію его дѣйствіе. Онъ признался мнѣ, что давно питаетъ уже въ себѣ тайную склонность. Но та, которую люблю я, сказалъ онъ, взяла съ меня честное слово не открывать этой тайны ни одному человѣку. Важныя фамильныя причины принуждаютъ ее къ соблюденію такой тайности. Только за три дни передъ симъ получилъ я позволеніе открыть тебѣ состояніе сердца моего, хотя въ этотъ годъ болѣе тысячи разъ я просилъ ее о томъ. —— Такое признаніе возстановило бы можетъ быть навсегда спокойствіе въ сердцѣ моемъ, естьли бы Любовь открывался мнѣ съ видомъ чистосердечія; но желавши доказать мнѣ довѣренность свою, желалъ онъ вывесть меня изъ всякаго противъ себя подозрѣнія. Онъ хотѣлъ скрыть отъ меня также и то, что примѣтилъ ревность мою: а такое притворство сдѣлало видъ его столь безпокойнымъ и смятеннымъ, что я почувствовалъ въ себѣ снова ужасное подозрѣніе.

Естьли

Естьли бы онЪ прямо сказалЪ мнѣ истину и признался, что примѣтилЪ оскорбительное мое безпокойство, примолвивши, что для предохраненія меня отЪ такой несправедливой ревности открываетЪ онЪ мнѣ свою тайную любовную связь: то говорилЪ бы онЪ безЪ всякаго смятенія, и меня бы вѣрно убѣдилЪ. Но по нѣжности своей не хотѣлЪ онЪ пристыдить меня вЪ своихЪ глазахЪ. ОнЪ старался показать, что такое подозрѣніе ни на одну минуту не приходило ему вЪ голову; почему и не могЪ онЪ говорить свободно, и голосЪ и видЪ его совсѣмЪ не подтверждали истины словЪ его. Глаза его убѣгали моихЪ. ОнЪ боялся, казалось, чтобы мыслей его не узналЪ я по его глазамЪ, и былЪ вЪ примѣтномЪ замѣшательствѣ. Я подумалЪ, что онЪ меня обманываетЪ, и по нещастной осторожности воспалилЪ во мнѣ Любовь ту ревность, которую совершенно потушить хотѣлЪ. ТакимЪ образомЪ и самое невинное притворство имѣетЪ всегда худыя слѣдствія. Всякая хитрость опасна и почти необходимо вредна. Благоразуміе не велитЪ никогда прибѣгать кЪ неправдѣ, выдумкамЪ и увертkамЪ: во всякихЪ обстоятьльствахЪ жизни велитЪ оно быть

прямымъ и искреннимъ. Вотъ правило всякой хорошей души, вотъ совѣтъ основательнаго и здраваго разсудка. — — Однакожь я за должность почиталъ скрывать то, что происходило въ сердцѣ моемъ. Но сердце мое было смертельно уязвлено, и я рѣшился съ большимъ еще примѣчаніемъ смотрѣть на всѣ поступки Любова. Между тѣмъ огорченіе и нужда открывать кому нибудь душу мою, довели меня до великой неосторожности. Въ ревности своей признался я многимъ людямъ. Привыкли уже думать, что жалующійся мужъ бываетъ правъ и всегда знаетъ болѣе того, что сказываетъ. Жену свою я обезславилъ и далъ злымъ людямъ причину всячески чернить ее. Я былъ несправедливъ, малодушенъ, безсмысленъ и при всякомъ случаѣ дѣлалъ себя смѣшнымъ. Разсматривая Любова всегда глазами подозрѣнія, болѣе и болѣе я въ мысляхъ своихъ утверждался. Не могши наконецъ сносить досады своей, и зная, что Любовъ по обстоятельствамъ своимъ проживетъ въ Москвѣ долго, поѣхалъ я съ женою въ подмосковную свою; другъ моей жены и дядя мой поѣхали съ нами же. Ревность, мучившая сердце мое, такъ перемѣнила характеръ мой, что я равнодушенъ былъ

къ

къ такимъ вещамъ, которымъ бы меня наиболѣе занимать надлежало. Я съ нетерпѣніемъ желалъ дѣтей: жена моя была уже пять мѣсяцевъ брюхата, однакожь мнѣ едва ли приносило это какое нибудь удовольствіе, хотя она была чрезмѣрно рада и безпрестанно почти говорила о воспитаніи младенца, хотѣвши сама и кормить его. Недѣли черезъ двѣ по пріѣздѣ нашемъ въ деревню, вошелъ я въ комнату къ женѣ моей, чтобы съ нею изъясниться. Къ нещастію, она вышла тогда съ другомъ своимъ; и мнѣ сказали, что онѣ въ саду. Я рѣшился дожидаться ее, вошелъ въ ея кабинетъ, сѣлъ на канапе и вдался въ печальное размышленіе. Черезъ четверть часа скучился я ждать, и всталъ. Движеніемъ своимъ сронилъ я подушку, и въ углу канапе увидѣлъ маленькой ларчикъ, котораго никогда не видалъ въ рукахъ у жены моей, хотя онъ былъ уже и не новой. Довольно уже было этова для возбужденія во мнѣ любопытства и тысячи огорчительныхъ предчувствій. Я взялъ ларчикъ, положилъ его въ карманъ и побѣжалъ къ себѣ въ комнату. Я заперся, бросился въ креслы и долженъ былъ отдыхать, потому что совсѣмъ почти задохнулся, и ужасная тя-

гость въ сердцѣ едва позволяла мнѣ переводить духъ. Дрожащія мои руки не могли держать нещастнаго ларчика. Я поставилъ его на столъ, разсматривалъ и почувствовалъ, что глаза мои наполнились слезами. Что дѣлаю? вскричалъ я — То, чего бы никакъ не извинилъ въ другомъ. Одна печать на письмѣ для всякаго честнаго человѣка священна, а я хочу сорвать замокъ? — Боже мой! не уже ли насиліе и подлость стали мнѣ не гнусны? . . Вотъ до чего могутъ довести страсти! — — Такія мысли привели меня въ трепетъ. Я хотѣлъ было отнести ларчикъ назадъ, не открывши его: но страсть побѣдила. Почувствовавши, что ей не могу противиться, съ свирѣпствомъ схватилъ я ларчикъ и пожалъ замокъ, которой тотчасъ и ускочилъ. „Боже мой! что я вижу! портретъ!„ — Я задрожалъ, сердце мое билось скоро и сильно. Будучи внѣ себя, съ ужасомъ разсматривалъ я портретъ — „Можно ли не узнать его? — Злодѣй! — Любовъ! — Это онъ, онъ! — Невѣрной! ты умеретъ долженъ!„ — — „Она конечно не виновата, съ жаромъ перервала Катерина: я въ этомъ увѣрена. А естьли вы ее убили, государь мой, такъ

такъ перестаньте разсказывать.„ — Г. Чудинъ улыбнулся и продолжалъ: Успокойтесь; естьли она невинна, такъ самъ Богъ защититъ ее, и я одинъ буду сожалѣнія достоинъ. Послушайте развязку этой печальной исторіи. Въ первомъ движеніи злобы моей совсѣмъ потерялъ я разсудокъ и память. Жена была въ глазахъ моихъ чудовищемъ. Я горѣлъ желаніемъ ее погубить, обезчестить и цѣлому міру объявить стыдъ ея и мое нещастіе. Я сѣлъ писать къ Любову письмецо слѣдующаго содержанія:

„Наконецъ я увѣрился, что ты са-
„мой вѣроломной и негодной человѣкъ,
„Не думай, чтобы ты когда нибудь
„меня обманывать могъ; давно уже я все
„знаю. Нынѣшнимъ вечеромъ въ девять
„часовъ ожидаю тебя съ двумя пистоле-
„тами въ . . . Я избираю оружіе, а ты
„избери свидѣтелей.„

Написавши письмецо, бросился я изъ дверей моего кабинета. Камердинеръ мой шелъ мнѣ на встрѣчу. Тѣлодвиженія мои и смятенной видъ мой привели его въ ужасъ, и онъ остановился. Я отдалъ ему письмецо, велѣвши тотчасъ отослать его. Послѣ этова примолвилъ ему страшнымъ голосомъ: поди, скажи Госпожѣ

своей,

своей, что я тотчасъ уѣду, и что черезъ восемь дней самой отдаленной монастырь сокроетъ ее навсегда отъ глазъ знакомцевъ ея! Въ ту же минуту велѣлъ я закладывать карету и побѣжалъ въ комнату къ дядѣ. Онъ былъ одинъ. Страшной видъ мой заставилъ его скочить со стула. Въ коротких словахъ разсказалъ я ему приключеніе свое, увѣряя его, что еще и прежде этова ужаснаго открытія увѣренъ я былъ въ невѣрности жены моей. Дядя мой еще сомнѣвался. Онъ уговаривалъ меня не дѣлать никакого шума и рѣшиться уже на что нибудь по хладнокровномъ размышленіи, примолвивши, что рѣшенія въ первыхъ движеніяхъ гнѣва бываютъ всегда неблагоразумны и послѣ причиняютъ досаду и раскаяніе; что самое вѣроятнѣйшее подозрѣніе бываетъ часто обманчиво, и что чѣмъ долѣе живешь въ мірѣ, тѣмъ болѣе пріобрѣтаешь опытовъ, и тѣмъ менѣе поспѣшенъ становишься въ заключеніяхъ своихъ. Но дядя мой говорилъ съ глухимъ; въ отчаяніи занимался я однимъ мщеніемъ и его совсѣмъ не слушалъ. Я былъ въ самой мрачной и глубокой задумчивости, какъ отворилась дверь. Я взглянулъ, но — Боже мой! что

по-

почувствовалъ я, увидѣвши жену свою! — Дерзкая тварь! закричалъ я: поди вонъ, или злоба моя . . . Тутъ дядя мой, приведенной въ ужасъ, бросился на меня и схватилъ мои руки, которыя ему удержать не трудно было; жена шла прямо ко мнѣ, оборотилась къ дядѣ и сказала: пустите его; мнѣ не чего бояться. — Я не могу описать вамъ, какое впечатлѣніе сдѣлали слова ея въ сердцѣ моемъ. Звукъ Ангельскаго голоса ея возбудилъ въ душѣ моей сомнѣніе и раскаяніе. Вся злоба моя изчезла. Съ трепетомъ смотрѣлъ я на жену свою. Величество, разпростиравшееся по всему лицу ея, придало красотѣ ея совсѣмъ новой блескъ, а увѣрительной, важной и покойной видъ ея привелъ меня въ удивленіе и страхъ. Въ какомъ-то безчувствіи стоялъ я неподвижно и глядѣлъ на нее, не могши выговорить ни одного слова. По минутномъ молчаніи жена моя посмотрѣла вокругъ себя, и увидѣла на столѣ открытой ларчикъ, которой бросилъ я тутъ, вбѣжавши въ комнату къ дядѣ. Съ хладнокровіемъ подошла она къ столу, взяла ларчикъ и сказала: такъ вотъ причина того состоянія, въ которомъ тебя нахожу, и сдѣланной мнѣ обиды! — Можно ли, воскли-

кликнулъ я, можно ли быть тебѣ невинною? Но — что говорю я? посмотрѣвши на тебя, тебя оправдаешь. — „Для чего же ты, свирѣпой человѣкъ, осудилъ меня безъ моего оправданія?„ — Да вить это портретъ Любова? — „Да онъ не мой„ — Могу ли я повѣрить? — „Любовъ шесть мѣсяцовъ уже женатъ. Этотъ ларчикъ жены его, а эта жена моя пріятельница.„ — Такое краткое и ясное истолкованіе разсѣяло все подозрѣніе и все сомнѣніе. Оно навсегда уничтожило ревность мою; но глазамъ моимъ представило меня въ такомъ порочномъ видѣ, что частію моею содѣлались стыдъ и раскаяніе, которые лишили меня всѣхъ радостей. Я не могъ насладиться щастіемъ своимъ, нашедши опять супругу свою добродѣтельною и любезною; я недостоинъ былъ ее.

Дядя мой съ слезами бросился обнимать жену мою, а я стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, будучи въ величайшемъ смятеніи; но раскаяніе мое было совсѣмъ не нѣжно, и я не надѣялся уже получить прощенія. Жена моя, обнимавши дядю, пролила нѣсколько слезъ. Послѣ того приближилась она ко мнѣ съ холоднымъ

и

и важнымъ видомъ, и начала подробно разсказывать исторію друга своего. Два уже года любитъ она Любова, сказала жена моя: но бывши небогата и ожидавши большаго имѣнія отъ своего дѣдушки, которой хотѣлъ выдать ее за одного своего однофамильца, рѣшилась она скрывать отъ него склонность свою къ Любову. Наконецъ по усильной Любовой прозьбѣ согласилась съ нимъ обвѣнчаться, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы бракъ ихъ утаить до того времени, какъ она надлежащимъ образомъ приготовитъ къ тому дѣдушку своего, думавши, что нѣкоторымъ терпѣніемъ заставитъ его дать свое на бракъ ихъ соизволеніе. Да и въ самомъ дѣлѣ, продолжала жена моя, относяся все ко мнѣ, дѣдушка ея съ нѣкотораго времени нечувствительно приходилъ въ то расположеніе, въ которое она хотѣла привести его. Она уже хотѣла ему открыть бракъ свой черезъ шесть недѣль, въ то время, въ которое необходимо надобно уѣхать изъ Москвы правящему имъ человѣку, готовившемуся ей въ женихи; но шумъ, которой ты сдѣлалъ, можетъ вдругъ уничтожить всѣ такія мѣры. Пріятельница моя оставила свой ларчикъ у меня въ кабинетѣ. Не на-

нашедши его тутъ и услышавши отъ камердинера, что ему велѣно было мнѣ сказать, легко угадала она истину. Я знаю дѣдушку, сказала она, и увѣрена, что свѣдавши о замужствѣ моемъ, онъ лишитъ меня своей милости; но я готова съ радостію чести и спокойствію друга моего пожертвовать тѣмъ имѣніемъ, которое бы мнѣ отъ него получить слѣдовало. Подите оправдаться передъ вашимъ мужемъ, а я поѣду къ своему и разскажу ему все приключеніе.

Тутъ вспомнилъ я письмецо мое къ Любову. Занимавшися съ часъ одною женою моею, забылъ я цѣлой міръ, и чрезвычайное мое замѣшательство всѣ мысли мои привело въ безпорядокъ. Но когда мнѣ пришло на мысль, какъ обидѣлъ я Любова, то вдругъ закричалъ: Боже мой! вѣрно уже Любовъ получилъ записку мою! —— Я почувствовалъ новое безпокойство. Всѣ оскорбительныя выраженія пришли мнѣ вдругъ въ голову и раздирали сердце мое. Между тѣмъ тотчасъ написалъ я къ Любову письмо. Я просилъ у него прощенія и милосердія; заклиналъ его забыть преступленія мои, за которыя уже жестоко наказываютъ меня

рас-

раскаяніе и отчаяніе. — Я легъ спать, не получивши отвѣта. Но поутру, лишь только я успѣлъ проснуться, отдали мнѣ письмо отъ Любова. Съ трепетомъ распечаталъ я его, и оно было такого содержанія:

„Правда, что я былъ другомъ твоимъ, но ты моимъ никогда не былъ; „подозрѣвавши меня, по собственному „твоему признанію, въ такомъ подломъ „вѣроломствѣ и почитавши меня *самымъ „негоднымъ человѣкомъ*. — Признаюсь, „что я давно замѣтилъ твою ревность; „однакожь думалъ, что сердце твое про„тиворѣчитъ тебѣ и сохраняетъ ко мнѣ „дружеское почтеніе. Я думалъ, что ты „предполагаешь во мнѣ невольную страсть, „и думаешь, что я самъ заблуждаюсь въ „разсужденіи моего чувства. Коротко „сказать, я почиталъ тебя человѣкомъ „страннымъ, не умѣющимъ обуздывать „воображенія своего; ни одну минуту, ду„малъ я, не можешь ты сомнѣваться въ „честности друга твоего. Вотъ бывшее „мое о тебѣ мнѣніе. Разрушивши его, „разрушилъ ты навсегда дружбу, на „которой оно основано было. Вѣроят„ность, говоришь ты, была въ послѣд„немъ случаѣ очень велика! — Но развѣ „ты

„ты и прежде этова не безчестилъ меня „въ сердцѣ своемъ тысячу разъ? Сверьхъ „того, можно ли заключать по одной „вѣроятности въ такомъ дѣлѣ, кото„рое касается до чести жены и друга?

„Рѣшившись никогда съ тобою не „видаться, надлежитъ мнѣ въ этомъ письмѣ „разрѣшить всѣ сомнѣнія, которыя мо„гутъ въ тебѣ еще остаться въ разсуж„деніи благоразумныхъ поступковъ суп„руги твоей. Отъ человѣка моихъ лѣтъ „конечно бы не согласилась она принять „никакой тайности. Въ этомъ жена моя „была увѣрена. По чему, ввѣрявши ей „свою тайну, увѣрила она ее, что я того „не знаю, и узнаю только тогда, когда „эта тайна не будетъ уже для тебя тай„ною. Съ другой стороны жена моя опа„салась твоей неосторожности. А боявшись смертельно того, чтобы я не от„крылъ тебѣ моего сердца, заставила она „меня обѣщаться никогда о ней не гово„рить съ тобою; а чтобы еще сильнѣе „убѣдить меня, то увѣрила меня, „что рѣшилась ни одному человѣку не „открывать этой тайны, даже и самой „супругѣ твоей, и только вчера призна„лась она мнѣ въ этой хитрости. По„чув-

„чувствуй послѣ такого изъясненія, от„крывающаго тебѣ всю твою несправед„ливость, какъ страшно пріобрѣтать по„знанія однѣми своими заблужденіями. Раз„судокъ и совѣтъ дружбы не воздѣйство„вали въ душѣ твоей: хотя бы опытъ по „крайней мѣрѣ сдѣлалъ тебя благоразум„нѣе! — Особливо же подумай о томъ, „что питать безпрестанную недовѣрчи„вость къ любезнѣйшимъ особамъ, имѣть „на нихъ тайное гнусное и самое оскор„бительнѣйшее подозрѣніе, есть несносное „мученіе слабыхъ душъ и праведное на„казаніе злыхъ.

„Прости! ты теряешь вѣрнаго друга, „а я одну мечту; но она была мнѣ „столько любезна, что вѣчно буду со„жалѣть о ней. — Какое общество, ка„кой союзъ разрушилъ ты! — Нещаст„ной! какое щастіе отвергнулъ ты отъ „себя! — Какъ я о тебѣ сожалѣю! — „Но тебѣ открывается еще источникъ „новаго благополучія: скоро будешь ты „отцемъ и можешь еще быть щастли„вымъ.„

Лишь только прочиталъ я это письмо, вошелъ ко мнѣ въ комнату дядя. Поди, сказалъ онъ, жена тебя спрашиваетъ. Нынѣшняя ночь была для нее очень мучи-

тельна; вчерашнее приключеніе привело ее въ такое безпокойство, которое при теперешнихъ ея обстоятельствахъ можетъ имѣть худыя слѣдствія. — „Боже мой! — надобно послать въ Москву поскорѣе за Докторомъ.„ — Я уже послалъ. Жена твоя къ нещастію получила нынѣ поутру весьма огорчительное извѣстіе. Она получила письмо отъ Любовой, которое само по себѣ хотя и ничего не значило, однакожь, узнавши, что принесъ его камердинеръ ея, призвала она его къ себѣ и свѣдала, что пріятельница ея открыла дѣдушкѣ замужство свое, а онъ такъ озлобился, что нѣтъ надежды къ миру. Это тронуло жену твою, и мучитъ ее болѣе по тому, что ты одинъ всему причиною. — Между тѣмъ въ величайшей горести я одѣвался, и пошелъ къ женѣ. Къ ней пришла лихорадка, и она очень страдала. Докторъ пріѣхалъ и сказалъ, что она выкинетъ. Въ тотъ же еще вечеръ исполнилось предсказаніе его. Безутѣшная жена моя не могла скрыть чрезвычайной своей печали. Вотъ, сказала она, заливаясь слезами, вотъ, чего ты мнѣ стоишь! — Эта жестокая укоризна, первая еще съ нашего брака, привела меня въ ужасное состояніе. Я презиралъ себя и почиталъ

себя

себя навсегда возненавидѣннымъ; и вмѣсто того, чтобы подумать о исправленіи своего преступленія, только что его увеличилъ, и пришелъ въ тихое отчаяніе, или самое сильное уныніе.

Какъ скоро жена моя оправилась, возвратились мы въ Москву. Напрасно хотѣла она скрыть отъ меня глубокую печаль свою: она грустила о младенцѣ и своей пріятельницѣ, потому что Любовъ, не хотѣвшій никакого и ни за что со мною видѣться, уѣхалъ съ нею въ дальнюю свою деревню. Скоро послѣ нашла она причину къ новой печали, которая не менѣе прежнихъ трогала ее. Многимъ извѣстна стала ревность моя. Разнымъ образомъ разсказывали послѣднюю нашу исторію и безразсудной мой припомъ поступокъ. Женидьба Любова не оправдала жены моей въ глазахъ большей толпы, которая привыкла обманываться ложными слухами. Изъ надѣланнаго мною шума и разрыва дружбы нашей съ Любовымъ заключили, что жена моя не совсѣмъ невинна. Она примѣтила это по тому, что ее вездѣ стали принимать гораздо хуже прежняго; совсѣмъ почти лишилась она того почтенія, которое прежде къ ней имѣли. Не могши но чувствительности своей снести этова

равнодушно, а по тонкой гордости на то жаловаться, сокрывала она во внутренности своей жестокую печаль. Видѣлъ я невинное и великое ея страданіе. Сильнѣе прежняго чувствовалъ я, что достоинъ былъ всей ея ненависти, будучи причиною всѣхъ мученій ея. Почитавши себя предметомъ ея презрѣнія, совсѣмъ не старался утѣшать ее, и одной только добродѣтели приписывалъ ту кротость, съ которою она обходилась со мною. Такія отчаянныя мысли ожесточали характеръ мой, которой и безъ того никогда не бывалъ мягкимъ, и я сталъ мраченъ, дикъ и дѣйствительно несносенъ. Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцовъ. Наконецъ, видѣвши, что здоровье жены моей очевидно слабѣетъ, рѣшился я освободить ее отъ себя и съ нею разстаться. Я увѣдомилъ о томъ ее, увѣрявши, что рѣшеніе мое непремѣнно. Между тѣмъ, признаться надобно, тайно ласкался я тѣмъ, что такая вѣдомость приведетъ ее въ нѣкоторое смятеніе и сильное движеніе, хотя и почиталъ себя ею ненавидимымъ; и за то можно поручиться, что при малѣйшемъ знакѣ нѣкотораго безпокойства упалъ бы я къ ногамъ ея и опровергнулъ бы рѣшеніе свое, возмущавшее

все мое сердце. Но я ошибался, думавши, что она меня ненавидѣла. Благородныя души не могутъ ненавидѣть, но худые поступки могутъ довести ихъ до равнодушія: въ такихъ обстоятельствахъ была и жена моя. Я потерялъ сердце ея, и потерялъ невозвратно. Она слушала меня спокойно, безъ удивленія и безъ всякаго движенія. По томъ сказала мнѣ: я и такъ уже потеряла доброе свое имя; шумъ, которой вы сдѣлать хотите, утвердитъ людей въ несправедливомъ ихъ подозрѣніи. Но естьли присутствіе мое въ вашемъ домѣ безпокоитъ васъ, такъ я готова выѣхать изъ него. Невинность моя утѣшаетъ меня, и я постараюся покориться воли Божіей. — Жестокая! вскричалъ я, проливая ручьи слезъ: съ какою холодностію соглашаешься ты оставить меня! — „Да не вы ли предлагаете это мнѣ?„ — Я тебя обожаю, а ты меня ненавидишь! — „Чѣмъ усладила меня ваша нѣжность, и чего стоитъ вамъ то, что вы ненавистію моею называете?„ — Правда, что я сдѣлалъ васъ нещастливою: я былъ несправедливъ, сумасброденъ, безсмысленъ; однакожъ, естьли ты ненавидишь меня, такъ ты слишкомъ, слишкомъ отмщаешь мнѣ. — „Нѣтъ, я не

могу ненавидѣть васъ.„ — Послѣднія слова, ясно сказывавшія: *я уже тебя не люблю*, поразили сердце мое жестокимъ ударомъ, и я не могъ удержать жара своего. Глаза жены моей, казалось мнѣ, показывали отвращеніе ея отъ меня. Я упалъ къ ногамъ ея. — Въ ту минуту одна слеза, одинъ бы вздохъ ея могъ перемѣнить судьбу мою. Но она не перемѣняла своей холодности и равнодушія своего. Я вскочилъ въ бѣшенствѣ, ступя нѣсколько шаговъ, остановился, и перерывающимся голосомъ сказалъ: *и такъ прости навсегда!* — Она поблѣднѣла, сдѣлала нѣкоторое движеніе, какъ бы хотѣла подойти ко мнѣ; я приближился къ ней; она упала на креслы и была почти въ безпамятствѣ. Такое сильное движеніе почелъ я за знакъ ужаса. Ты ужасаешься меня! вскричалъ я: вижу, вижу, что мнѣ надобно освободить тебя отъ ненавистнаго предмета.

Сказавши это, бросился я къ дверямъ, и ушелъ въ страшномъ отчаяніи. Дяди моего не было тогда со мною, не стало у меня друга, и ничто уже не могло укротить перваго моего движенія. Будучи внѣ себя, поскакалъ я къ родителямъ моей жены. Я объявилъ имъ рѣшеніе мое и

при-

примолвилъ, что дочь ихъ хочетъ сама со мною разстаться, и что я намѣренъ возвратить имъ все ея имѣніе. Меня хотѣли уговорить, однакожъ я не хотѣлъ ничего слушать. Теперь, сказалъ я имъ, поѣду въ подмосковную свою деревню, а черезъ два дни возвращусь опять сюда, и надѣюсь, что къ тому времени домъ мой будетъ опорожненъ. Послѣ того написалъ я къ женѣ письмо, въ которомъ увѣдомилъ ее о всемъ сдѣланномъ мною, и въ тотъ же еще вечеръ уѣхалъ. Внутреннее движеніе мое было столь сильно, что я не могъ почувствовать всего нещастія своего, на которое осудилъ самъ себя. Всего непонятнѣе покажется то, что любивши въ то время жену свою болѣе прежняго, и будучи увѣренъ въ сердцѣ своемъ, что не льзя уже мнѣ было найти прежней ея нѣжности, находилъ я удовольствіе въ томъ шумѣ, которой дѣлалъ при расходѣ съ нею. Оставляющи ее, не могъ я соблюсти къ ней почтенія, и всевозможнымъ образомъ постараться объ умягченіи жестокой судьбы ея, чего требовали благоразуміе и благопристойность. Я хотѣлъ привесть ее въ ужасъ, въ волненіе; хотѣлъ оскорбить ее, и тѣмъ самымъ вывести изъ того равнодушія, кото-

рое для меня страшнѣе было самой ея ненависти. Я ласкался, что слушавши меня, усомнилась она въ моей искренности и почла за невозможное, чтобы я не перемѣнилъ мыслей своихъ навсегда ее оставить; я ласкался еще тѣмъ, что такой разрывъ возбудитъ можетъ быть опять въ сердцѣ ея ту любовь, которую она нѣкогда ко мнѣ имѣла, да и одна надежда произвести въ ней чувство раскаянія могла бы меня утвердить въ моемъ предпріятіи. Я съ удовольствіемъ представлялъ себѣ ея безпокойство, сомнѣніе и изумленіе. Я живо воображалъ себѣ, какъ она читаетъ мое письмо, ѣдетъ къ своимъ родителямъ, блѣднѣетъ и съ трепетомъ сходитъ съ крыльца; надѣялся, что она не безъ движенія пройдетъ мимо моей комнаты, и садившись въ карету, не удержится отъ слезъ. Я оставилъ въ Москвѣ повѣреннаго, которому велѣлъ безпрестанно примѣчать за нею, и разспрашивать ея дѣвокъ, чтобы узнать все то, что она въ первыхъ минутахъ скажетъ и сдѣлаетъ. Однакожь увѣдомленіе было очень кратко. Она сидѣла запершись въ кабинетѣ, и никого къ себѣ не пускала, кромѣ своихъ родителей, съ которыми и уѣхала съ задняго крыльца, такъ что ее никто не видалъ. —

Тутъ

Тутъ ударило десять часовъ, и Г. Чудинъ перервалъ свое повѣствованіе. Простились, и пошли спать. На другой день дослушали конецъ исторіи.

Я остановился, сказалъ Г. Чудинъ, при расходѣ нашемъ съ женою. Въ тотъ же еще день, въ которой уѣхала она къ родителямъ, получилъ я такое письмецо:

„Я исполнила повелѣніе ваше, и выѣхала изъ вашего дома, будучи всегда „готова возвратиться въ него, какъ скоро „сердце ваше опять позоветъ меня. Что „касается до предложенія вашего возвратить мнѣ имѣніе мое, которое по теперешнимъ моимъ обстоятельствамъ „слишкомъ для меня велико: то отъ уваженія вашего ко мнѣ ожидаю я, что вы „его не повторите; естьли вы упорно „будете стоять въ вашемъ рѣшеніи, такъ „воспользуетесь уже послѣднимъ средствомъ, которое вамъ осталось еще къ „причиненію мнѣ новаго огорченія. Одолжите же меня оставленіемъ у себя половины того имущества, которое уже въ „глазахъ моихъ никакой цѣны не имѣетъ, „когда я не могу раздѣлять его съ „вами.„ ——

Это письмецо, которое омочилъ я слезами, произвело во мнѣ множество всякихъ

кихъ мыслей. Когда я поступокъ свой сравнивалъ съ поступкомъ жены моей, то находилъ въ нихъ ужасное различіе. По дѣйствіямъ и по слѣдствіямъ понялъ я наконецъ, какое преимущество имѣетъ на должности основанная любовь передъ любовію страстною. Я обожаю жену мою, думалъ я, а безпрестанно ее мучилъ, да и могъ еще рѣшиться навсегда ее оставить. Она любила меня безъ страсти, однакожь всегда занималась желаніемъ сдѣлать меня благополучнымъ. Она была всегда готова жертвовать мнѣ своими удовольствіями, склонностями и желаніями, а я искалъ въ ней воображаемыхъ пороковъ. Она безпрестанно прощала дѣйствительные мои пороки; даже и тогда, когда ужасная моя несправедливость и безразсудность лишили меня ея сердца, нѣжность ея снова оживляется добросердечіемъ и великодушіемъ. Она все еще почитаетъ себя обязанною нѣкоторыми должностями въ разсужденіи того человѣка, котораго прежде любила. Теперь вижу, что истинная любовь есть только та, которую утверждаетъ разсудокъ и добродѣтель. — Такія мысли привели меня въ совершенное уныніе. Горькое раскаяніе растворило всѣ раны сердца моего. Съ трепе-

томъ

томъ воспоминалъ я тотъ шумъ, которой надѣлалъ въ послѣднемъ моемъ бѣшенствѣ, и въ такомъ ужасномъ состояніи ни минуты бы не промедлилъ броситься къ ногамъ жены моей, и признаться ей, что не могу жить безъ нее, естьли бы не удерживала меня отъ того нѣкоторая, впрочемъ основательная, нѣжность. Я былъ мотъ и игрокъ, а всего хуже было то, что мой управитель самымъ искуснымъ образомъ умѣлъ запмѣвать свои щеты, что въ его должности происходитъ или отъ недостатка разума, или отъ подлаго намѣренія красть. Вмѣсто того, чтобы его оставить, просилъ я его только не болтать мнѣ ничего о моихъ дѣлахъ, чего въ другой разъ не было мнѣ нужды и повторять ему: потому что онъ не безъ намѣренія дѣлалъ свои щеты слишкомъ пространными и темными. Однакожь въ послѣдніе шесть мѣсяцовъ нѣсколько разъ просилъ онъ меня выслушать его, чтобы объявить мнѣ упадокъ имущества моего. Слова его производили во мнѣ тогда очень слабое впечатлѣніе, но прочитавши письмецо жены моей, вспомнилъ я ихъ, и вознамѣрился узнать хорошенько состояніе имѣнія моего, прежде нежели просить у нее прощенія.

нія. Къ нещастію, поступки мои не позволяли мнѣ никакъ надѣяться, что жена моя имѣла еще ко мнѣ почтеніе; а естьли я совсѣмъ разорился, то какъ же мнѣ просить ее забыть прежнее и возвратиться ко мнѣ? Не могла ли бы она такой поступокъ мой, произшедшій бы единственно отъ нѣжности, приписать корыстолюбію моему? Эта мысль была мнѣ несносна, и я согласился бы лучше совсѣмъ никогда не видать ее, нежели войти у нее въ такое подозрѣніе. Такимъ образомъ немедленно возвратился я въ Москву. Но что почувствовало сердце мое, когда вошелъ я въ домъ мой, въ тотъ домъ, въ которомъ уже не было жены моей, и изъ котораго я самъ по безразсудности своей выгналъ ее! Будучи терзаемъ разными мрачными мыслями, угнѣтенъ горестію и раскаяніемъ, имѣлъ я только одну надежду, а именно ту, что хорошею экономіею и раченіемъ могу привести въ порядокъ дѣла свои и по томъ просить у супруги прощенія. Я призвалъ къ себѣ управителя и сказалъ ему, что прежде всего надобно отдать женѣ моей имѣніе ея. Намѣреніе мое привело его въ ужасъ; онъ всячески старался заставить меня перемѣнить мысли мои, увѣрявши что

такая

такая возврата совсѣмъ разоритъ меня. Ясно мнѣ стало, что обстоятельства мои были гораздо хуже, нежели я воображалъ. Это привело меня въ отчаяніе; потому что потерявши имущество, почиталъ я за невозможное когда нибудь сойтися съ женою моею. Не входя далѣе въ разсмотрѣніе моихъ обстоятельствъ, возвратилъ я женѣ все то, что получилъ за нею въ приданое. Послѣ того заплатилъ я долги свои, и послѣ всѣхъ такихъ разпоряженій нашелъ имущество свое столь недостаточнымъ, что едва можно было жить имъ при всей умѣренности. Дядя мой былъ небогатъ, однакожь предложилъ мнѣ свои услуги. Но я не принялъ ихъ, продалъ земли свои, домъ свой, лошадей, и купилъ себѣ маленькой домикъ въ Нѣмецкой слободѣ, по прошествіи трехъ мѣсяцовъ послѣ разлуки съ супругою моею. Въ самой тотъ день, въ которой выѣхалъ я изъ своего дома, жена моя переѣхала жить въ монастырь. Мнѣ принесли отъ нее письмо слѣдующаго содержанія:

„Когда вы принудили меня взять „то, что называете моимъ имѣніемъ; „когда вы поступили со мною какъ съ „незнакомою: то и я думаю имѣть право

„за-

„заплатить вамъ въ этомъ случаѣ тѣмъ „же. Оставивши домъ вашъ, взяла я съ „собою полученные мною отъ васъ брил„лианты, боясь оскорбить васъ, показав„ши, будто бы презираю подарки ваши. „Въ письмѣ своемъ ко мнѣ вы этова тре„бовали, а я почитала за должность свою „вамъ повиноваться. Но какъ вы мнѣ до„казали, что не умѣете цѣнить такой „нѣжности, то и я рѣшилась освободиться „отъ суетнаго украшенія, которое дер„жала у себя только изъ уваженія къ „вамъ. Я нашла случай выгодно продать „его: я взяла за него семь тысячь руб„левъ, которые отсылаю къ вашему упра„вителю подъ видомъ заплаты долга, и „вы не можете принудить меня взять „эту сумму обратно, потому что она „вамъ принадлежитъ.

„Я уже два мѣсяца живу въ *** мо„настырѣ, и думаю пробыть тутъ нѣ„сколько лѣтъ, естьли вы не позовете „меня къ себѣ. Въ К*** Губерніи есть „у насъ деревня. Говорятъ, что мѣста „тамъ очень хороши. Естьли бы только „одно слово скажете, такъ я готова ѣхать „туда съ вами и остаться тамъ на„всегда.„ —

Какъ

Какъ описать мнѣ все то, что происходило въ душѣ моей при чтеніи этова письма! — Добродѣтельная, великодушная супруга! воскликнулъ я: какъ могъ я тебя нѣкогда укорять невѣрностію, обругать и оставить? Какъ могъ отвергнуть такое нѣжное, благородное сердце, обладавши уже имъ? Я могъ быть щастливѣйшимъ смертнымъ, а сталъ нещастнѣйшимъ. Могу ли въ теперешнемъ состояніи принять великодушное прощеніе, которое мнѣ предлагается? Нѣтъ, нѣтъ! лучше умереть, нежели унизиться въ собственныхъ глазахъ своихъ. Нѣжнѣйшая супруга! по справедливости можешь ты называть меня бѣшенымъ и несправедливымъ, однакожь не можешь меня назвать подлымъ. — Все лице мое обливалося слезами. Я писалъ къ женѣ писемъ съ дващать, однакожь всѣ издиралъ. Наконецъ послалъ слѣдующее:

„Я удивляюсь вашему благородному „образу мыслей и великой душѣ вашей; „однакожь эта великость не кажется мнѣ „непонятною. Вижу, какъ сладко ска„зать: *все, что нѣжность можетъ только „вдохнуть въ сердце страстное, все то сдѣ„лала я по одной добродѣтели.* Но я „не хочу во зло употребить той власти,

„которую надъ вами добродѣтель имѣ-
„етъ. — Живите свободно, будьте
„щастливы, забудьте меня! — Про-
„стите, простите! — Въ добродѣтели
„вы конечно меня превышаете, но сердце
„мое не совсѣмъ можетъ быть недостой-
„но вашего.„

Съ письмомъ послалъ я къ ней назадъ присланные ею семь тысячь рублевъ, и велѣлъ ей сказать, что бриллианты подарены ей были къ свадебному убору, слѣдственно также не принадлежатъ мнѣ, какъ и прочее ея имущество; и что она, принявши ихъ однажды, не имѣетъ уже права заставлять меня взять ихъ обратно.

Я принесъ самую важную жертву. Жена моя еще предлагала мнѣ взять ее къ себѣ, увѣрявши, что она посвятитъ мнѣ всю жизнь свою; но я отказался отъ этова щастія, безъ котораго однакожь не было для меня никакого на землѣ благополучія. Впрочемъ печаль моя была болѣе глубокая, нежели горькая. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ пожертвовалъ я всемъ своимъ щастіемъ чести: такая мысль ободряла меня. Сверьхъ того я думалъ, что письмо мое скажетъ дражайшей супругѣ моей, что я, не смотря на всѣ мои пре-

ступленія, достоинѣ отчасти ея почтенія. Коротко сказать, надежда возбудить въ ней сожалѣніе о горестной судьбѣ моей, возобновилась въ моемъ сердцѣ. Я воображалъ ее тронутую и печальную, и находилъ для себя въ томъ нѣкоторое утѣшеніе.

Проживши уединенно двѣ недѣли въ маленькомъ своемъ домикѣ, получилъ я повелѣніе явиться въ полкъ, которой стоялъ отъ Москвы въ тысячѣ верстахъ. Въ сердцѣ своемъ все еще питалъ я надежду, что не безвозвратно лишился супруги своей. Я не хотѣлъ перемѣнить рѣшенія своего, и чувствовалъ, что и женѣ моей ничего уже дѣлать не оставалось; однакожь все еще ласкался, что какой нибудь нечаянной случай доставитъ мнѣ то щастіе, отъ котораго я никогда искренно не отказывался. Почему не могъ я рѣшиться выѣхать изъ Москвы и удалиться отъ супруги своей на тысячу верстъ: я послалъ прошеніе объ отставкѣ; меня не хотѣли сперва отставлять, уговаривали служить, однакожь по усильной прозьбѣ получилъ я увольненіе. Такимъ образомъ вышелъ я изъ службы на двацать-пятомъ году, будучи управляемъ горячностію и упрямствомъ въ самыхъ важныхъ

обстоятельствахъ моей жизни. Этотъ послѣдній поступокъ былъ причиною весьма чувствительнаго для меня огорченія: онъ совершенно вооружилъ противъ меня дядю, которой и тѣмъ уже былъ очень недоволенъ, что я безъ его совѣта разошелся съ женою; такимъ образомъ былъ я оставленъ всѣми тѣми людьми, которыхъ болѣе всѣхъ любило сердце мое.

Вдругъ не могъ я почувствовать, сколь нещастно было состояніе мое. Я занятъ былъ такою мыслію, которая не допускала меня подумать ни о чемъ иномъ. Я хотѣлъ видѣться съ женою моею, въ надеждѣ, что представши вдругъ глазамъ ея, получу нѣкоторую часть тѣхъ правъ, которыя имѣлъ я нѣкогда на сердце ея. Но какъ потребовать съ нею свиданія? Что сказать ей? Она никуда изъ монастыря не выѣзжала. У меня былъ наемной камердинеръ, котораго тетка жила въ томъ же монастырѣ. Я взялъ отъ него письмо къ ней, въ которомъ онъ называлъ меня своимъ пріятелемъ: надѣвши простой кафтанъ, пошелъ я въ монастырь. Въ теткѣ камердинера моего нашелъ я самую словоохотную и искреннюю старуху. Сначала спрашивалъ я у нее все

о постороннемъ, но наконецъ спросилъ о числѣ благородныхъ непостриженныхъ женщинъ, которыя, какъ слышно, живутъ у нихъ въ монастырѣ. У насъ ихъ три, отвѣчала она: не давно переѣхала сюда жить одна замужняя Госпожа — — Тутъ забилось сердце мое, а старуха наклонилась ко мнѣ на ухо, и, хотя кромѣ насъ съ нею и никого въ горницѣ не было, шептала мнѣ: эта госпожа по фамиліи Чудина, великая красавица; вѣрно ты самъ о ней довольно наслышался. — „Да — знаю — она госпожа хорошая. — О! собою она прекрасна. Жаль только — — Да полно Богъ вѣрно умилостивится надъ нею, и она раскается. — „Раскается? — Да въ чемъ?„ — Видно, государь мой, что ты худо съ людьми водишься — Развѣ ты не знаешь — „Я слышалъ, что у нее мужъ человѣкъ чудной и несправедливой.„ — О! самой грубіянъ; да онъ же еще, какъ говорятъ, и умкомъ-то слабъ. Однако какъ бы мужъ худъ ни былъ, а женѣ все еще не надобно быть негодницею. Да и въ монастырь заперли ее по неволѣ; она надѣлала столько проказъ, что ей ни съ кѣмъ и видѣться не льзя, кромѣ самыхъ ближнихъ родственниковъ. Жизнь ея очень жалка. Отъ

мее здѣсь всѣ бѣгаютъ какъ отъ чумы. Правда, что Богъ всякаго человѣка прощаетъ; однакожь все надобно покаяться. А она вмѣсто того цѣлой день играетъ на какомъ-то клавесинѣ, красна какъ маковъ цвѣтъ и со дня на день здоровѣетъ. Надобно, чтобы у нее сердце было каменное. — „И въ ней никакой печали не примѣтно?„ — Ни крошешной; дѣвка ея сказывала, что она еще никогда не видала ее такъ спокойною. Что до меня касается, такъ я все еще надѣюсь, что она когда нибудь одумается: и камень когда нибудь треснетъ, а сердце у нее не дошло еще до камня. Къ бѣднымъ она жалостлива, и раздаетъ имъ много денегъ. И то правда, что она взяла назадъ все свое имѣніе, а мужа оставила умирать съ голода. Хотя ты, государь мой, и скажешь мнѣ, что онъ дуракъ, негодяй, мотъ и со стыдомъ выгнанъ изъ службы; однакожь мужъ все мужъ. За мѣсяцъ передъ этимъ, писалъ бѣднякъ къ женѣ своей письмо, и просилъ у нее сколько-то денегъ, однако получилъ отказъ. Это, право, жалко. — До меня дошло все отъ вѣрныхъ людей; пустова болтать я не люблю. Я здѣсь живу уже пятнацать лѣтъ, и, благодаря Бога! ни-

никто еще не сказалъ про меня, что я *злоязычна.*

Старуха могла всячески хвалить себя. Будучи въ глубокомъ размышленіи, не думалъ я перервать долгой ея рѣчи: она болтала до того времени, какъ ее кто-то вызвалъ. — Она пошла, но черезъ минуту опять возвратилась ко мнѣ и сказала, что ее вызывала родственница той молодой благородной дѣвушки, которая черезъ сутки будетъ постражена въ монахини. У этой дѣвушки душа самая Ангельская. Приходи завтра къ этой церемоніи: есть чего посмотрѣть. Будущая монахиня собою красавица и не старѣе двацати лѣтъ. Естьли бы въ одинъ годъ не лишилась она отца и любимаго человѣка, такъ бы она не почувствовала призыванія Благодати. Богъ все напередъ знаетъ. За осьмнатцать мѣсяцевъ передъ этимъ умеръ у нее отецъ, а черезъ пять мѣсяцевъ послѣ того молодой человѣкъ, которой владѣлъ сердцемъ ея, и которой умеръ, какъ говорятъ, съ печали отъ того, что милостивой родитель засадилъ его въ тюрму. — А кто таковъ этотъ молодой человѣкъ? перервалъ я съ такимъ движеніемъ, которое описать трудно. Господинъ Добровидовъ, отвѣчала старуха,

а будущая наша монахиня дѣвица Вѣрова. — Вся кровь пришла во мнѣ въ волненіе. Я вдругъ вскочилъ, закричалъ такъ, что старуха до смерти испугалась, и тотчасъ ушелъ.

Пришедши домой, бросился я на креслы. Все, что слышалъ я, раздирало мое сердце. Наконецъ завѣса открылась: я не могъ уже обманывать себя и познался все свое злополучіе. Я видѣлъ, что необузданностію моею въ гнѣвѣ повреждена честь жены моей. Чувствовалъ я, что эта невинная жертва безумія моего въ сердцѣ своемъ не можетъ простить мнѣ; что я лишилъ ее самаго драгоцѣннаго украшенія женщины, и что несправедливое презрѣніе, которое всѣ почти къ ней показывали, должно снова возбудить въ ней неудовольствіе противъ меня. Одной только великой добродѣтели могъ я приписывать великодушные поступки ея. По разсказамъ тетки камердинера моего видно было, что жена моя ушѣшена чистою совѣстію своею и спокойно предалась судьбѣ своей; но этова бы не могло быть, естьли бы она совсѣмъ меня не позабыла. „Боже мой! воскликнулъ я: въ какую ужасную бездну ввергли меня страсти! Естьли бы я преодолѣлъ любовь и ревность; естьли бы могъ побѣдить природную свою вспыль-

чи-

чивость, лѣность и привязанность къ игрѣ: то бы имѣнія своего я не расточилъ, не укорялъ бы себя смертію любезнаго молодаго человѣка, и не былъ бы первою причиною той жертвы, которую нещастная невѣста его завтра передъ олтаремъ принесетъ. Я ушѣшалъ бы въ старости дядю моего и благодѣтеля, которой теперь имѣетъ великую причину почитать меня неблагодарнымъ и сумасшедшимъ человѣкомъ. Не вздумалось бы мнѣ на двацать пятомъ году перестать служить Государынѣ моей и Отечеству. Теперь меня явно презираютъ и поносятъ, а тогда всѣ бы меня почитали. Я наслаждался бы нѣжностію любезной и добродѣтельной жены, имѣлъ бы вѣрнаго и пріятнаго друга и былъ бы щастливымъ отцемъ. Нещастной! какого неоцѣненнаго добра лишилъ ты самъ себя! — И такъ я навсегда уже всѣми оставленъ?„ — Съ ужасомъ осматривался я вокругъ себя и затрепеталъ, вообразивши уединеніе свое.

Въ ту самую минуту услышалъ я, что кто-то бѣжитъ ко мнѣ. Дверь со стукомъ отворилась — показался человѣкъ и бросился ко мнѣ — Будучи внѣ себя, вскочилъ я съ кресель, пошелъ ему на встрѣчу и увидѣлъ себя въ объятіяхъ

Любова. Онъ прижималъ меня къ сердцу своему. Я не могъ удержать слезъ своихъ; видѣлъ я, что и онъ плакалъ. Различныя чувства исполнили вдругъ сердце мое; но мучительной стыдъ заглушалъ всѣ прочія и налагалъ на меня молчаніе. Другъ мой, любезной другъ! сказалъ Любовъ: я далеко былъ отъ тебя и поздно уже узналъ, сколь нужно тебѣ утѣшеніе дружбы. Впрочемъ шесть мѣсяцевъ надобно мнѣ было для приведенія въ порядокъ дѣлъ своихъ, чтобы жизнь свою совсѣмъ посвятить дружбѣ. Теперь я свободенъ, и могу показать тебѣ всякія услуги. — „Ахъ, другъ мой! какъ бы ни драгоцѣнно было для меня то утѣшеніе, которое ты мнѣ предлагаешь, но я не достоинъ его; я стоилъ того, чтобы навсегда лишиться имени друга твоего. Ты мнѣ ни въ чемъ уже помочь не можешь.„ — Любовъ началъ опять обнимать меня. Я знаю душу твою, сказалъ онъ: она благородна и чувствительна. Естьли бы только одно сожалѣніе чувствовалъ я къ тебѣ, такъ бы оставалось мнѣ только втайнѣ проливать слезы о участи твоей, безъ надежды тебя утѣшить; я бы скрытнымъ образомъ служилъ тебѣ, и ты бы никогда не видалъ меня. Но дружба одушевляетъ меня;

меня; она заставила меня летѣть къ тебѣ, и я увѣренъ, что уменьшу страданія твои.

Слова его возбудили во мнѣ живѣйшую благодарность. Такое великодушіе не унизило меня, но возвысило. Любовь, возвративши мнѣ дружбу свою, возвратилъ мнѣ и то почтеніе къ самому себѣ, которое-было я совсѣмъ потерялъ. Въ ту же минуту открылъ я все сердце вѣрному своему другу. Я вкусилъ такое утѣшеніе, какого уже не имѣлъ долгое время, т. е. со всею искренностію могъ я говорить о преступленіяхъ и страданіяхъ своихъ. Печальная повѣсть моя часто перерывалась моими слезами, а Любовь, слушавши меня съ великимъ вниманіемъ и чувствительностію, поднялъ глаза на небо и тяжело вздохнулъ. Какая польза въ разумѣ, природныхъ добродѣтеляхъ и чувствительномъ сердцѣ, безъ твердыхъ правилъ! сказалъ онъ: такія правила могутъ сообщить намъ либо воспитаніе, или опыты. Естьли не воспользуешься наставленіемъ учителей своихъ, то послѣ можешь научиться только нещастіемъ. — Любовь усильно просилъ меня оставить на нѣкоторое время Россію и ѣхать въ чужіе края. Я поѣду съ тобою, сказалъ онъ:

онъ: поѣдемъ теперь въ Германію, ни мало здѣсь не медля. Я отдаюсь въ твою волю, отвѣчалъ я ему; опредѣляй судьбу нещастнаго, которой бы безъ помощи твоей палъ подъ бременемъ страданій своихъ. — Любовь возпользовался разположеніемъ моимъ, и я принужденъ былъ дать ему слово, что черезъ пять дней мы выѣдемъ.

Въ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ моимъ захотѣлось мнѣ опять побывать въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ первой разъ увидѣлъ я жену свою. Это было въ дворцовомъ саду. Но боявшись показаться публично, поѣхалъ я туда въ десять часовъ по полудни, въ тѣхъ мысляхъ, что въ это время никого уже тамъ не найду. Но сверьхъ чаянія моего нашелъ я тамъ множество людей. Я прошелъ въ самую темную алею и сѣлъ на лавкѣ. Черезъ минуту пришли ко мнѣ два человѣка и сѣли на другомъ концѣ лавки. Одинъ изъ нихъ, котораго узналъ я по голосу, назывался Худонравовымъ. Онъ былъ молодой человѣкъ, совсѣмъ не имѣлъ основательнаго разума и жилъ безъ всякихъ правилъ; безпрестанными своими шутками хотѣлъ онъ пріобрѣсти себѣ право на имя Философа, надъ всѣмъ смѣялся, рѣ-

шилъ

шилъ все увѣрительно, былъ педантомъ и невѣждою, священныя чувствованія и добрыя дѣла почиталъ за предразсужденія и басни, и думалъ, что онъ, порицавши добродѣтель, доказывалъ великую свою мудрость. Таковъ былъ характеръ Худонравова. И самаго-то этова человѣка почиталъ я до разстройки имущества моего хорошимъ себѣ пріятелемъ и очень часто слѣдовалъ пагубнымъ совѣтамъ и худымъ примѣрамъ его. Я хотѣлъ встать и уйти, но слышалъ, что упомянулось имя мое. Это меня удержало и возбудило ко вниманію. Я услышалъ слѣдующій разговоръ:

Нынѣшнимъ вечеромъ уѣхалъ онъ съ Любовымъ въ Германію. — „Какъ! развѣ онъ уже съ нимъ помирился?„ — Они другъ друга обожаютъ: съ одной стороны великодушіе, съ другой раскаяніе, взаимная нѣжность, слезы, прощеніе — сцена была самая трогательная. — „По этому все неправду говорили?„ — Что такое? О совмѣстничествѣ ихъ? — „А иначе какъ бы могъ Любовъ брать такое участіе въ судьбѣ его?„ — Я не вхожу въ умствованіе, однакожь надѣюсь видѣть вещи въ истинномъ ихъ образѣ. Любовъ, все еще влюбленной въ жену Чудина, хочетъ

четъ ихъ помирить, чтобы любовницу свою вывести изъ монастыря. — „А для чего же ѣхать въ чужіе краи?„ — Надобно дать людямъ время позабыть исторію ларчика. — „Однакожь многія надежныя люди увѣряютъ, что ларчикъ принадлежалъ женѣ Любова.„ — Это басня. Еще и прежде послѣдняго открытія бѣдной Чудинъ зналъ все дѣло: по тому, что съ нѣкотораго времени сказывалъ онъ это всякому, кто только его слушать хотѣлъ. — „Каковъ, самъ Чудинъ?„ — Человѣкъ самой слабой и безхарактерной. Показавшись только между людьми, навязался онъ мнѣ на шею и отдался подъ мое покровительство. Я скоро увидѣлъ, что ему вдаль итти не льзя. Голова у него самая пустая, наполненная глупыми предразсужденіями. Въ немъ нѣтъ и самаго обыкновеннаго разсудка. Намѣренія его подлы и показываютъ низкую душу. Жизнь его самая распутная и мотовская; увидѣвши заимодавца, всегда онъ трусилъ. Будучи игрокомъ, старался онъ всячески показываться великодушнымъ и проигрывалъ безпутно деньги. Онъ разорился безъ всякаго шума, такъ, какъ дураки разоряются. — „Видѣлся ли ты съ нимъ послѣ нещастной перемѣны его обстоятельствъ?„

тельствѣ?„ — Нѣтъ; однакожь всѣ щеты наши бросилъ я въ огонь, и онъ никогда и ни слова не услышитъ о нихъ отъ меня. — „Много ли онъ тебѣ по игрѣ долженъ былъ?„ — Очень много. Я сжегъ векселя его, не думавши никогда тѣмъ хвалиться; да и ни съ кѣмъ бы другимъ не сталъ говорить объ этомъ. Поступокъ мой казался мнѣ очень естественнымъ, и я надѣюсь, что ты никому этова не скажешь. — — Послѣдняя ложь Худонравова вывела меня изъ терпѣнія. Обманщикъ! закричалъ я: ты тотчасъ получишь то, чѣмъ я тебѣ долженъ! пойдемъ, пойдемъ. Признаюсь тебѣ, отвѣчалъ Худонравовъ съ принужденною усмѣшкою, что я никакъ не думалъ найти тебя здѣсь. Что касается до твоего предложенія перерѣзать намъ другъ другу горло, такъ съ твоей стороны я не охуждаю его. Тебѣ уже потерять не чего. А мнѣ еще по крайней мѣрѣ надобенъ годъ на полную раздѣлку съ имѣніемъ моимъ. И такъ, чтобы намъ съ тобою поравняться, отложимъ рѣшеніе дѣла нашего до возвращенія твоего изъ чужихъ краевъ. — Послѣ этова онъ скорыми шагами отъ меня удалился, не дожидавшися отвѣта; а я столько пораженъ былъ подло-

лостію его, что не могъ рѣшиться догонять его. И такъ это тотъ человѣкъ, подумалъ я, которой казался мнѣ любезнымъ; тотъ, отъ котораго часто принималъ я совѣты! — Какой извергъ! какая скверная душа! — Ахъ какъ порокъ гнусенъ, когда смотришь на него безъ ослѣпленія! Онъ обольщаетъ насъ притворствомъ своимъ, и будучи всегда болѣе безуменъ, нежели хитръ, рано или поздно раздираетъ самъ ту тлѣнную личину, за которою онъ скрывается.

Произшествіе это подало мнѣ поводъ къ разнымъ размышленіямъ. Оно ясно показало мнѣ, сколько надобно стараться быть скромнымъ, естьли хочешь сохранить честь свою. Сдѣлавшись всеобщимъ предметомъ разговоровъ, подвергнешься всякому поношенію. Злыя люди прибавляютъ, выдумываютъ; глупцы и празднолюбцы слушаютъ и повторяютъ: истина затмѣвается, а публика, въ чемъ нибудь предубѣжденная, осуждаетъ безъ всякаго ближайшаго разсмотрѣнія. — Одна мысль сильнѣе всѣхъ прочихъ безпокоила меня. Нещастіе мое возвеличилось до такой степени, что вѣчная разлука съ женою моею была еще не главнымъ для меня мученіемъ. Я терзался еще большею го-

горестію. Невиннѣйшая и добродѣтельнѣйшая супруга, красота пола своего, воздыхала подъ несноснымъ бременемъ общаго презрѣнія; а причиною такой ужасной несправедливости былъ одинъ я. Эта мысль разрывала сердце мое и дѣлала меня почти нечувствительнымъ къ утѣшеніямъ дружбы. Естьли бы терпѣлъ я только одинъ за преступленія свои, сказалъ я Любову, то судьбу свою сносилъ бы съ твердостію. Знаю, что время уничтожаетъ горесть и страсти; однакожь оно не можетъ ослабить сильныхъ укоризнъ чувствительнаго и къ добродѣтели рожденнаго сердца. Придетъ, можетъ быть, такое время, въ которое любезная моя супруга не будетъ уже представляться воображенію моему въ томъ прелестномъ образѣ, которой меня теперь восхищаетъ; но я всегда буду почитать ее невинною жертвою моея безразсудности и заблужденій моихъ, и память ея будетъ всегда мучить жизнь мою.

Да и въ самомъ дѣлѣ, ни нѣжное попеченіе друга моего, ниже разсѣяніе долгаго путешествія, не могли облегчить горести моей. Изъ Вѣны ѣздилъ Любовъ въ Россію, пробылъ тамъ шесть мѣся-

цевЪ и возвратился опять ко мнѣ. Вмѣстѣ съ нимЪ поѣхали мы въ Голландію. ТамЪ присовѣтовалЪ онЪ мнѣ вступить въ нѣкоторые торги, и ссудилЪ меня нужною къ тому суммою денегЪ. Предпріятіе имѣло щастливой успѣхЪ, и я увидѣлЪ возможность возвратить расточенное свое имущество. Желаніе повергнуть къ ногамЪ великодушной супруги плоды трудовЪ моихЪ, сдѣлало меня дѣятельнымЪ и твердымЪ. Я умѣлЪ побѣдить природную свою лѣность и скуку, которую причинялЪ мнѣ сперва избранной мною родЪ жизни; часы, въ которые былЪ я свободенЪ отЪ дѣлЪ моихЪ, посвящалися мною чтенію и размышленію. Скоро ученіе перестало тяготить меня, и страстно полюбилЪ я чтеніе. РазумЪ мой непримѣтно просвѣщался, понятія мои разширялись и лучь спокойствія блеснулЪ въ сердцѣ моемЪ. Труды, чтеніе и размышленіе постепенно извлекли меня изЪ того усыпленія, въ которомЪ былЪ я до того времени. Религія довершила дѣло, утвердила разсудокЪ мой, возвысила душу мою и освободила меня отЪ мучительнаго ига страстей. Такая перемѣна въ характерѣ моемЪ не перемѣнила никакЪ намѣреній моихЪ. Я не чувствовалЪ уже

къ

къ супругѣ моей той необузданной склонности, которая и меня и ее ввергла въ нещастіе. Любовь моя къ ней была не столь пылка, но постоянна, разсудительна и безкорыстна. Страсть всегда слѣпа, и предметомъ имѣетъ собственное удовольствіе. Дружба основывается на одномъ почтеніи, и всею силою своею бываетъ обязана добродѣтели; чѣмъ она нѣжнѣе, тѣмъ благороднѣе.

Пять лѣтъ прожилъ я въ Голландіи. Почти во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ былъ я щастливъ, и попечительнымъ своимъ хозяйствомъ и неутомимою прилѣжностію привелъ имущество свое въ такое состояніе, что оно почти сравнялось съ прежнимъ. Тогда думалъ я только о возвращеніи своемъ въ отечество. Съ восхищеніемъ представлялъ я себѣ то щастіе, которое вкушу, упавши къ ногамъ жены моей и сказавши ей: теперь я тебя достоинъ, и возвращаюсь для посвященія тебѣ всей жизни моей.

Занимавшись такими сладостными мыслями и будучи наполненъ радостною надеждою, выѣхалъ я изъ Голландіи — Никакъ не предчувствовалъ я того смер-

тельнаго удара, которой готовился поразить меня! — Я писалъ къ Любову, чтобы онъ предувѣдомилъ жену мою о моемъ возвращеніи. Но въ Петербургѣ получилъ я письмо, въ которомъ увѣдомляли меня, что жена моя больна была лихорадкою, но что болѣзнь ея никакъ не опасна, и что она уже выздоравливаетъ. Въ письмѣ описано было все такъ обстоятельно, что я не могъ имѣть причины къ безпокойству. Я поѣхалъ изъ Петербурга, страшившись только того, что возвращеніе мое, можетъ быть, болѣе удивитъ жену мою, нежели обрадуетъ. За семь верстъ отъ Москвы встрѣтился мнѣ Любовъ и остановилъ карету мою. Онъ вышелъ; я тотчасъ отворилъ дверь у кареты и бросился къ нему; но — взглянувши на него, остановился и затрепеталъ: ужасъ овладѣлъ мною. Любовъ обнялъ меня, обливавшися слезами. Я не смѣлъ спросить его, а онъ не имѣлъ силы изъясниться. Я ожидалъ всякаго нещастія, и радость вдругъ вылетѣла изъ сердца моего. Не сказавши ни слова, силою почти посадилъ меня Любовъ въ свою карету и сѣлъ со мною самъ; карета своротила съ большой дороги. Куда ты везешь меня? кричалъ я свирѣпымъ го-

голосомъ: я хочу видѣть ее. — „Нещастной другъ мой!„ — Говори, говори, и пронзай сердце мое! — Но вмѣсто отвѣта Любовь вздыхалъ и обнималъ меня. Говори, говори! кричалъ я: скажи, ненависть, или смерть ея объявляешь ты мнѣ? — Любовь хотѣлъ отвѣчать мнѣ. Я задрожалъ и не имѣлъ силы услышать приговора своего. — „О другъ мой! жизнь моя теперь въ твоихъ рукахъ.„ — Жалостной голосъ, которымъ произнесъ я послѣднія слова, открылъ ему мысли мои. Онъ посмотрѣлъ на меня съ нѣжностію и сказалъ: молчать я могу, но не могу тебя обманывать. . . . Болѣе не сказалъ онъ ни слова, а я не спрашивалъ его, и во всю дорогу оба мы были въ глубокомъ молчаніи, которое перерывалося только вздохами и рыданіемъ моимъ. — Любовь привезъ меня въ подмосковную свою деревню, гдѣ узналъ я наконецъ все свое нещастіе. Ахъ! я всего лишился! супруги моей не было уже въ мірѣ. Смерть ея не только лишила меня всего щастія въ здѣшней жизни, но отняла у меня и средство исправить преступленія свои. Только горестію, раскаяніемъ и слезами могу теперь платить за прошедшія заблужденія.

Остатокъ исторіи моей не много заключаетъ въ себѣ важныхъ обстоятельствъ. Будучи утѣшенъ Религіею и временемъ, посвятилъ я жизнь свою дружбѣ, ученію и человѣколюбію. Дядя мой простилъ меня; попеченіе о благополучіи его услаждало сердце мое, и безъ всякаго себѣ насилія исполнялъ я всѣ тѣ священныя должности, которыя родство и благодарность въ разсужденіи сего на меня налагали. Хотя дядя мой былъ уже довольно старъ, однакожь Небо позволило мнѣ еще десять лѣтъ прожить съ нимъ. Лишившись его, переѣхалъ я жить въ здѣшнюю деревню. Любовь посѣщаетъ меня раза по четыре въ годъ. Онъ щастливой супругъ, щастливой отецъ, щастливой воинъ, увѣнчанной славою; онъ наслаждается всѣмъ тѣмъ благополучіемъ, которое можетъ доставить добродѣтель, ученость и великой духъ. И я могъ бы при посредственномъ разумѣ своемъ найти щастіе, естьли бы не возобновлялось во мнѣ всегда прискорбное воспоминаніе преступленій и заблужденій молодости моей. — Тутъ Г. Чудинъ вздохнулъ и пересталъ говорить. Послѣдовало минутное молчаніе. Послѣ того Гж. Правосудова и Добролюбова встали, поблагодарили Г. Чудина

дина за благосклонность его, взяли за руки дѣтей и пошли въ свои комнаты.

IV.

Какую пользу получили вы отъ послѣднихъ вечеровъ нашихъ? спросила дѣтей Гж. Добролюбова, оставшись съ ними одна. Не доказала ли вамъ исторія Г. Чудина, что страсти очень опасны? — Очень, очень доказала, отвѣчалъ Петръ: я болѣе прежняго теперь увѣренъ въ томъ, что ничего не надобно любить страстно, кромѣ чести, какъ вы уже намъ нѣсколько разъ говорили. Такъ любить можно все добродѣтельное, великое и героическое, примолвила Гж. Добролюбова. — „Что такое, матушка, героическое дѣло?„ — Всякое полезное и великодушное дѣло, котораго однакожь должность отъ насъ не требуетъ. А какъ должности честнаго человѣка очень пространны, то для хорошей души не много такихъ дѣлъ, которыя по справедливости можно бы было назвать героическими. Но коль скоро дѣло наше стоитъ намъ великой жертвы, и мы бы безъ навлеченія на себя презрѣнія могли его и не сдѣлать, то оно есть дѣло

героическое. На прим. зажиточной человѣкъ, подающій милостыню, дѣлаетъ только доброе дѣло: потому что онъ достоинъ бы сталъ презрѣнія, естьли бы весь свой доходъ употребилъ на излишности. Человѣкъ, показывающій на войнѣ хладнокровіе и смѣлость, не есть Герой: поступавши иначе, онъ бы себя обезчестилъ. И такъ, чтобы справедливо разсуждать о всякомъ дѣлѣ, прежде всего надобно смотрѣть, не противно ли оно человѣколюбію и справедливости, которыя отъ истиннаго величества не отлучны; по томъ узнать, чего оно намъ стоитъ; а наконецъ подумать, можно ли бы было безъ всякаго поврежденія чести своей не сдѣлать его. — „Теперь разумѣю, матушка; естьли дѣло согласно съ справедливостію, естьли стоитъ оно великой жертвы, и естьли бы безъ всякаго для себя безчестія можно его было и не сдѣлать, такъ оно истинное героическое дѣло.„ — Это описаніе очень справедливо; не забывай его никогда, а особливо при чтеніи Исторіи: потому что найдешь въ ней множество ложныхъ заключеній. Удивленіе и критика многихъ Историковъ, по легкомыслію ихъ, бываютъ несправедливы. Но разсудительной Читатель никогда не довольствует-

ся

ся ихъ заключеніями; онъ разсматриваетъ прежде, по справедливости ли они хвалятъ или хулятъ. — „Много ли можно найти въ Исторіи истинныхъ героическихъ дѣлъ?„ — Много; однакожь часто самое истинное геройство Историки таковымъ не признаютъ, а хвалятъ болѣе всего то, что ни съ которой стороны не можно почесть за великодушіе. — „Сдѣлайте милость, матушка, разскажите намъ какой нибудь героической поступокъ изъ Исторіи. —

Султанъ Ахметъ первой былъ преемникъ Магомета третьяго. Онъ возшелъ на престолъ въ 1602 году (*). Тогда было ему только пятнатцать лѣтъ, и еще въ первой разъ былъ въ Турціи такой молодой Правитель. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ послѣ вступленія его на престолъ, умеръ великой Визирь. Ахметъ не избралъ на мѣсто его никого изъ окружавшихъ его чиновныхъ людей. Муратъ, Паша Каирской, былъ мудрой и опытной старецъ. Среди безпокойствъ послѣдняго правленія соблюлъ онъ во всѣхъ

(*) По Турецкому лѣтосчисленію въ 1010 Эгирѣ.

Африканскихъ областяхъ глубокой миръ, и всѣ налоги исправно платилъ въ общественную казну, не притѣсняя подданныхъ и не обогащая себя. Не видавши никогда новаго Государя своего, не могъ думать онъ о повышеніи своемъ, и никакъ не умѣлъ себѣ представить, чтобы при молодомъ Монархѣ служба вѣрнаго подданнаго побѣдила хитрости придворныхъ. Однакожь на краю Египта получилъ онъ печать и повелѣніе ѣхать въ Константинополь. Такое Ахметово избраніе показало Турціи, что Государь ея желаетъ добраго и любитъ народъ свой.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ объявлена была Персіи война, противъ совѣта Муратова, которому поручено было предводительство войскъ, и которой въ Порутчики себѣ выбралъ Назуфа, молодаго, пылкаго, предпріимчиваго человѣка, собравшаго въ разныхъ Губерніяхъ (*) великія богатства. Великой Визирь выступилъ съ войсками въ поле, и вмѣсто того, чтобы ускорить походъ свой, всячески старался онъ во всемъ медлить. Такой

(*) Губернаторъ называется въ Турціи Сангіакъ, а Губернія Сангіакатъ.

Такой недостатокъ въ дѣятельности всѣлилъ въ вѣроломнаго Назуфа мысль оклеветать благодѣтеля и друга своего. Онъ писалъ тайно къ Порть, и предложилъ Султану 60000 цехиновъ на содержаніе арміи, естьли онъ пожалуетъ его Визиремъ на мѣсто Муратово. Султанъ, исполненный почтенія и признательности къ Министру своему, приведенъ былъ въ великой гнѣвъ неблагодарностію Назуфа. Онъ написалъ къ Мурату, что судьбу Порутчика его вручаетъ ему, и что отъ него зависитъ оставить его по прежнему въ чинѣ его, либо понизить его (*), или удавить. Муратъ тотчасъ призвалъ къ себѣ въ ставку Назуфа, и показалъ ему Султанское письмо. Назуфъ думалъ, что ему объявляется приговоръ къ смерти. Однакожъ хотѣлъ онъ по крайней мѣрѣ испросить милость, не могши уже оправ-

(*) Естьли Паша, или иной чиновникъ, лишается всѣхъ чиновъ и становится простымъ гражданиномъ, то въ Турціи называютъ его Мазулемъ. Часто случается, что чиновнаго человѣка въ наказаніе понижаютъ однимъ, или двумя чинами, и тогда не льзя его еще назвать Мазулемъ.

оправдываться. Но МуратЪ перервалЪ рѣчь его, и сказалЪ:„ ты сталЪ вѣроломенЪ, однакожь много вЪ тебѣ способностей. ВЪ самомЪ дѣлѣ почитаю я тебя достойнымЪ коммандовать войсками; почему и отдаю тебѣ предводительство и Государственную печать, которыя слишкомЪ тягостны для старости моей. Будь вѣренЪ Султану и щастливЪ въ бою сЪ врагами.„ Тотчасъ собралЪ МуратЪ войски и самЪ объявилЪ его преемникомЪ своимЪ. МуратЪ окончалЪ спокойно жизнь свою вЪ пріятномЪ уединеніи. Провидѣніе не позволило Назуфу наслаждаться долго плодомЪ измѣны своей. СдѣлавшисЬ великимЪ Визиремъ, женился онЪ на дочери Султановой; но употребивши во зло милость его, по приказанію Ахметову былЪ задавленЪ (*).

АхЪ, матушка! сказалЪ ПетрЪ: какой великой человѣкЪ былЪ этотЪ МуратЪ! вотЪ истинное героическое дѣло. — „Хорошо, изслѣдуйте его по шѣмЪ правиламЪ, которыя вамЪ я сообщила. Оно *не противно*

(*) Сіе приключеніе взято изЪ L'hiſtoire de l'empire Ottoman, par M. Mignot, tom. II. page 344 et ſuivantes.

тивно ни человѣколюбію, ни справедливости. Хотя Назуфъ и достоинъ былъ наказанія, однакожь въ Муратовой волѣ было простить и не простить его; потому что онъ передъ нимъ только виноватъ былъ. *Дорого стоило Мурату истребить свою досаду*, впрочемъ очень основательную; онъ бы могъ, *не навлекши на себя презрѣнія*, остаться на своемъ мѣстѣ, а Назуфа лишить чиновъ. Вмѣсто этова, зная, что Назуфъ по способностямъ и лѣтамъ своимъ могъ лучше его командовать войсками, тотчасъ пожертвовалъ онъ мщеніемъ своимъ общественной пользѣ. Онъ сложилъ съ себя чинъ свой и отдалъ его неблагодарному: по чему этотъ поступокъ, какъ вы видите, есть истинной героической поступокъ.„ — Какъ же я радъ, матушка, что вы дали намъ такія вѣрныя правила для разпознанія дѣлъ! Вить это очень пріятно, когда, подумавши нѣсколько минутъ, можешь сказать: этотъ поступокъ великодушенъ, а этотъ нѣтъ. — Позвольте мнѣ, матушка, сказала Елисавета, спросить васъ объ одной вещи. Въ исторіи Г. Чудина никакъ не могу я одного понять. Не мудрено для меня, что онъ при такомъ дурномъ характерѣ своемъ

сталъ

сталъ нещастливъ; только бы прекрасной, тихой и умной женѣ его надлежало быть щастливою. — „Такъ ты думаешь, что добродѣтель, соединенная съ благоразумiемъ, не можетъ быть нещастлива?„ — Конечно, матушка; этому бы по справедливости такъ быть надлежало. — „Это всегда и бываетъ такъ.„ — Однакожь исторiя Госпожи Чудиной противное доказываетъ. — „Никакъ. Вопервыхъ ты конечно повѣришь тому, что участь ея всегда была лучше участи мужа ея.„ — О! конечно: потому что ей не чѣмъ было укорять себя. — „Невинность предается во всемъ волѣ Божiей. Супруга Г. Чудина нашла въ чистотѣ души своей все то утѣшенiе, въ которомъ она имѣла нужду; не бывши добродѣтельною, не нашла бы она его: этова было уже для нее довольно. Правда, что она претерпѣла многiя огорченiя; но этому причиною была неопытность ея.„ — Однакожь поступки ея были безпорочны, матушка. — „Она поступила во многомъ неосторожно. Она была хорошо воспитана; добрыя правила глубоко вкоренены были въ сердцѣ ея. Нравъ у нее былъ самой щастливой; она твердо знала должности свои, и была всегда добродѣтельна.

Одна-

Однакожь она не имѣла опытности: рано вышла за мужъ, рано лишилась путеводителей, во многомъ ошиблась, и нещастіе было почти неизбѣжно.„ — Ахъ, матушка! вы удивляете меня: въ чемъ она ошиблась, въ чемъ была неосторожна? — „Бывши въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, и имѣвши такого подозрительнаго, вспыльчиваго и ревниваго мужа, надлежало бы ей отказаться отъ той довѣренности, въ которой супругъ ея не могъ участвовать. Однакожь это еще былъ не самой большой проступокъ ея: она сдѣлала еще двѣ важнѣйшія ошибки. Зная, что мужъ ея не любилъ пріятельницы ея, надлежало бы ей разстаться съ нею до того времени, какъ замужство ея стало бы уже всѣмъ извѣстно. Въ такомъ случаѣ она не пожертвовала бы своею пріятельницею, а лишилась бы только на нѣсколько мѣсяцовъ удовольствія видѣть ее. Такой поступокъ не только бы наполнилъ сердце мужа ея благодарностію, но истребилъ бы въ немъ и страхъ, что она его не любитъ.„ — Правда, чтобы ларчикъ не надѣлалъ такого шума, и она не потеряла бы чести своей; естьли бы такъ поступала; однакожь мнѣ помнится, матушка, что она хотѣла разстаться

статься съ другомъ своимъ, и сказала это мужу своему? — „Да, она хотѣла и *сказала* это; но этова было недовольно: предложеніе ея основывалось на одной учтивости; она увѣрена была, что оно принято не будетъ. Ей бы надобно было объявить твердое и непремѣнное рѣшеніе, и въ точности исполнить его, по тому болѣе, что жертва была бы не очень велика; надлежало бы только разлучиться на нѣкоторое время, а не навсегда.„ — Да, теперь вижу, что это ошибка; однакожь и теперь не понимаю, какъ умная и добродѣтельная жена Г. Чудина могла сдѣлать ее. Какая же другая ошибка, матушка? — „Такого же рода, однакожь гораздо неизвинительнѣе: она свободно обходилась съ Любовымъ, не смотря на то, что мужъ ея формально объявилъ ей ревность свою. Правда, что онъ говорилъ о ревности своей такъ, какъ о излеченной уже болѣзни; но развѣ не знала она его чуднаго и подозрительнаго характера, безпрестанно изъ противорѣчій въ противорѣчія переходящаго? Сверьхъ того, какъ могла она повѣрить такому скорому исправленію? Не знала ли она, что жена проступается противъ благопристойности и должности, естьли въ короткіе себѣ

прія-

пріятели избираетъ такого человѣка, къ которому мужъ ея когда нибудь ревновалъ, а особливо естьли ревность не давно еще разобѣялась? Хотя она согласилась видѣться опять съ Любовьимъ въ томъ увѣреніи, что подозрѣніе мужа ея навсегда истребится, когда узнаетъ онъ о женидьбѣ друга своего: однакожъ надлежало бы ей прежде дождаться этова времени. Естьли бы она до того времени не видалась съ Любовьимъ, то умножила бы къ себѣ почтеніе и нѣжность мужа своего; но поступивши иначе, могла она все еще разрушать спокойствіе его и подвергалась многимъ смѣшнымъ и прискорбнымъ явленіямъ.„ — О! это правда; въ этомъ случаѣ поступила она очень неосторожно. — „Подумайте же, какія непріятныя слѣдствія можетъ имѣть одна неосторожность.„ — Ужасно — „Сказать надобно и то, что женщина въ осьмнацать, или девятнацать лѣтъ, не можетъ быть разумнѣе жены Г. Чудина.„ — По этому, матушка, не льзя молодому человѣку не ошибаться? — „Не льзя, естьли нѣтъ у него благоразумнаго путеводителя или друга, котораго бы опытность помогала ему хорошими совѣтами и предохраняла его отъ всякихъ

непріятностей, которыя всегда выходятъ изъ необдуманныхъ поступковъ и недостаточнаго мірознанія.„ -- Ахъ, матушка! мы никогда не будемъ неосторожны, мы всегда будемъ щастливы, имѣя въ васъ лучшаго друга и учителя! — Тутъ всѣ дѣти бросились на шею къ своей матери, чѣмъ обыкновенно окончивались разговоры ихъ.

Гж. Добролюбова еще два дни пробыла въ деревнѣ у Чудина; послѣ того возвратилась она въ село Уединенное. Въ первой вечеръ не разсказывали дѣтямъ ничего, для того что поутру Г. Своемысловъ не доволенъ былъ Петромъ. Петръ, для котораго такое наказаніе было очень мучительно, ходилъ повѣся голову и легъ спать безъ изпрошенія себѣ у Своемыслова прощенія; онъ пожелалъ ему только покойной ночи. Спустя полчаса, вошла къ нему въ комнату Гж. Добролюбова. Не спишь ли ты, Петруша? спросила она тихимъ голосомъ. Нѣтъ еще, матушка, отвѣчалъ онъ, вздохнувши. Не удивляюсь этому, сказала она: и естьли у тебя въ самомъ дѣлѣ доброе сердце, въ чемъ и не сомнѣваюсь, такъ тебѣ и не льзя спать покойно. Возмо-

жно

жно ли, чтобы сынъ мой легъ спать съ сердцемъ на того человѣка, котораго ему сердечно любить надлежитъ? При выходѣ его изъ твоей горницы ты съ нимъ не помирился, а онъ оставилъ тебя на цѣлые двѣнатцать часовъ — Я разскажу тебѣ одно приключеніе изъ Французской Исторіи, которую нынѣ поутру читала. Герцогъ Бургонской, отецъ умершаго Короля, разбранилъ однажды въ ребячествѣ своемъ камердинера своего; но легши на постелю, сказалъ онъ ему: „Прости мнѣ, другъ мой, то, что на„говорилъ я тебѣ нынѣшнимъ вечеромъ, „а безъ того я не засну.„ — Подумай же, могъ ли бы заснуть онъ не помирившись съ своимъ учителемъ? а ему было тогда еще не болѣе семи лѣтъ, тебѣ же минетъ скоро десять. — „Ахъ, матушка! я увѣренъ, что и мнѣ заснуть не льзя. Позвольте мнѣ встать и итти просить прощенія у Г. Своемыслова.„ — Хорошо, поди. — Она подала ему шулупъ, которой онъ накинулъ себѣ на плеча, вскочилъ съ постели и пошелъ съ матерью въ комнату къ Своемыслову. Они постучали тихонько въ двери. Своемысловъ, которой уже надѣлъ на голову колпакъ, отворилъ имъ и показалъ вели-

кое удивленіе, увидѣвши Петра. ПетрЪ подошелЪ кЪ нему, и, со слезами на глазахЪ, сталЪ просить у него извиненія вЪ самыхЪ смиренныхЪ и чувствительныхЪ выраженіяхЪ. Когда онЪ пересталЪ говорить, Своемысловъ, вмѣсто того, чтобы отвѣчать ему, поворотился кЪ Гжѣ. Добролюбовой и очень холодно сказалЪ: вы чрезмѣрно благосклонны, сударыня; и естьли вамЪ угодно, такЪ я постараюсь забыть прошедшее. ПетрЪ показалЪ удивленіе, что СвоемысловЪ отвѣчаетЪ не ему. ВамЪ, сударь, отвѣчать мнѣ не чего, сказалЪ СтудентЪ: матушкѣ вашей обязанЪ я посѣщеніемЪ вашимЪ и всемЪ тѣмЪ, что вы мнѣ сказали. — „АхЪ, сударь! я увѣряю васЪ, что матушка не приказывала мнѣ встать и притти сюда.„ — Однакожь пришли ли бы вы ко мнѣ, естьли бы матушка ваша не дала вамЪ почувствовать, какЪ дуренЪ поступокЪ вашЪ противЪ меня? — ТутЪ поступилЪ ПетрЪ глаза вЪ землю и заплакалЪ. Будьте, сударь, увѣрены, продолжалЪ Своемысловъ, что естьли бы вы по собственному побужденію своему, а не по совѣту, пришли ко мнѣ, такЪ бы я принялЪ васЪ съ ласкою, хотя бы все еще не льзя было оправдать того, что

вы выпустили меня изъ комнаты безъ признанія вины вашей. Еще повторяю, что въ угожденіе матушкѣ вашей охотно васъ прощаю; то есть, на этотъ разъ освобождаетесь вы отъ всякаго наказанія. — Такъ я самъ себя накажу! закричалъ Петръ: я обѣщаюсь пятнатцать дней не слушать вечернихъ повѣстей. Это для меня самая большая жертва. Только сдѣлайте милость, Г. Своемысловъ, не обходитесь со мною съ такою ужасною холодностію; впрочемъ наказаніе свое снесу я терпѣливо. — Послѣ сихъ словъ Своемысловъ съ нѣжнымъ видомъ протянулъ къ нему руки, а Петръ бросился въ его объятія, заплакавши отъ радости, что получилъ прощеніе, а особливо, что сдѣлалъ такое дѣло, которое помирило его съ самимъ собою. Видишь, другъ мой, сказала ему мать, какъ худо откладывать исправленіе своихъ проступковъ; часъ отчасу они увеличиваются: мы не находимъ уже снисхожденія, и надобно дѣлать тогда чрезвычайные шаги и приносить дорогія жертвы. Естьли бы ты, ложившись спать, извинился надлежащимъ образомъ передъ Г. Своемысловымъ, такъ бы онъ тебя простилъ, и тебѣ бы не надобно было на пятнатцать

дней отказываться отъ слушанія вечернихъ повѣстей.

Дѣти Госпожи Добролюбовой давно уговорились уже не слушать вечернихъ повѣстей, естьли кто нибудь изъ нихъ въ наказаніе не можетъ въ томъ участвовать. Почему Елисаветѣ и Катеринѣ показалось время наказанія Петрова очень долго. Онѣ часто говорили ему о худыхъ слѣдствіяхъ упрямства; онъ обѣщался впредь воспользоваться хорошими наставленіями ихъ.

Весна приближалась; мѣсяцъ Мартъ приходилъ къ концу, и прогулки стали уже гораздо пріятнѣе. Начали показываться снѣжные колокольчики и зелень. Николай, которой зналъ всѣ мѣста вокругъ села Уединеннаго, всякой день водилъ дѣтей туда, гдѣ пріятность видовъ дѣлала пріятнѣе прогулку, и гдѣ зелень показывалась скорѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Лѣса не покрылись еще листьями и не было въ нихъ еще тѣней. Тамъ, подобно какъ и на лугахъ, можно было только наслаждаться теплотою первыхъ дней Апрѣля, и между тѣмъ, какъ не одѣвшіяся еще зеленію деревья воспоминали жестокость зимы, чистое и безоблач-

облачное небо и голубыми цвѣтами покрытая земля объявляли возвращеніе весны и радостей ея.

У Петра съ сестрами былъ маленькой садикъ, которымъ они вмѣстѣ веселились. Онъ раздѣленъ былъ на двѣ половины: на одной посажены были цвѣты, а на другой разныя поваренныя травы. Въ саду былъ колодезь, т. е. въ землю врытая кадка, вокругъ которой, подобно какъ у обыкновенныхъ колодезей дѣлается, была огородка, чтобы туда не льзя было упасть, и бадья, чтобы брать воду, которую всякой день туда вливали. Дѣти, съ помощію Николая, сами опускали и вытаскивали бадью и сами обработывали садъ свой. У нихъ были пилы, тележки и другія садовыя принадлежности, соразмѣрныя силѣ ихъ. Садовникъ Тимоѳей надсматривалъ надъ работами ихъ и надѣлялъ ихъ растеніями и сѣменами. Ахъ! какъ я буду рада, сказала Елисавета, поливая гіацинтъ, когда онъ разцвѣтетъ, когда его сорву и принесу къ матушкѣ! —— „Подожди, сестрица, до того, какъ распустятся мои васильки, чтобы намъ вмѣстѣ принести ей подарокъ„ —— А я принесу ей салатъ.

Вторагонадесять Апрѣля день былъ очень хорошъ. Время наказанія Петрова окончилось. Вставши, закричали дѣти въ радости: *нынѣшнимъ вечеромъ начнутся опять наши исторійки*! побѣжали въ свой садикъ и нарвали саладу, гіацинтовъ, висильковъ и фіалокъ цѣлую корзинку, которую украсили ленточками и понесли въ домъ, гдѣ одну половину цвѣтовъ отдали матушкѣ, а другую бабушкѣ. Цвѣты поставлены были въ стаканы, чтобы подолѣе ими наслаждаться. За обѣдомъ ѣли саладъ, и никогда саладъ не бывалъ такъ вкусенъ и такъ расхваленъ. Ввечеру сказала Гж. Правосудова, что у нее есть на припасѣ исторія; послѣ ужина начала она разсказывать ее.

V.

Евгенія и Леонсъ.

Госпожа Пальменъ, будучи еще молода и вдовствуя уже нѣсколько лѣтъ, совсѣмъ посвятила себя воспитанію однородной дочери, предмету всей нѣжности и всѣхъ попеченій ея. Мужъ ея по смерти своей

своей оставилъ много долговъ, которыхъ Госпожа Пальменъ не могла иначе заплатить, какъ оставя Парижъ и удалясь въ деревню, которую она имѣла въ Туренѣ, въ небольшемъ разстояніи отъ Лоша (*). Замокъ былъ древенъ и пространенъ. Подъемный мостъ, рвы и башни, напоминали доетопамятныя времена Дюгеклиновъ и Баярдовъ, тѣ веселыя времена рыцарства, о коихъ бы конечно должно было жалѣть, естьли бы справедливость и храбрость нѣкоторыхъ добродѣтельныхъ Рыцарей могли служить вмѣсто полиціи и законовъ. Внутренность замка соотвѣтствовала наружности. Все напоминало въ ней благородную простоту нашихъ предковъ. Въ ней не было ни позолотъ, ни сего смѣшнаго

(*) Городъ Лошь лежитъ на берегу Индра подлѣ большаго лѣса. Въ немъ видѣнъ крѣпкой замокъ, въ которомъ заключенъ былъ Кардиналъ де ла Балю. Въ коллежской церкви, построенной въ срединѣ замка, находится гробница Агнессы Сорель. Лошь въ пяти миляхъ отъ Амбуазы, другаго городка, извѣстнаго по своимъ фабрикамъ, и загозору, носящему его имя; сей послѣдній городъ лежитъ на Луарѣ.

изобилія фарфоровъ, куколъ Китайскихъ и маленькихъ сосудцовъ, наполняющихъ наши новѣйшіе домы; но въ ней видны были прекрасныя обои, изображающія примѣчанія достойные случаи изъ Исторіи. Тамо прохаживались по пространнымъ галлереямъ, украшеннымъ фамильными портретами; а изъ оконъ залы видны были съ одной стороны величественная роща, а съ другой пріятные берега Индра. Тутъ-то Евгенія (такъ называлась дочь Госпожи Пальменъ) провела свое младенчество и первые годы юношества своего. Тутъ-то получила она вкусъ къ сельскимъ увеселеніямъ и къ тихой и уединенной жизни. Во время прекрасныхъ дней весеннихъ и лѣтнихъ она прогуливалась съ матерью своею; въ полдни искали въ рощѣ тѣни и прохлады. Иногда Евгенія тамъ бѣгала, иногда рвала растенія, коихъ имена и свойства мать ея сказывала ей. Часто слушала она тамъ наставленія и чтеніе полезныхъ книгъ; а при захожденіи солнца оставляли рощу, чтобы итти на берега рѣки. Когда Евгенія вступила на девятой годъ, то стала болѣе хозяйничать. Тысяща различныхъ упражненій удерживала ее въ замкѣ; но она вставала рано и ходила завтракать въ звѣринецъ или

въ

въ поле; а ввечеру проходили онѣ еще одну или двѣ мили съ матерью своею. Подругою забавъ ея была дочь ея надзирательницы. Сія молодая дѣвушка, Валентиною называемая, была четырью годами старѣе Евгеніи. Она имѣла щастливыя свойства, доброе сердце, и была прилѣжна. При всѣхъ наставленіяхъ, получаемыхъ Евгеніею, она присутствовала и успѣвала въ ученіи такъ, что молодая Госпожа ея по справедливости почитала ее всегда своимъ другомъ. Между тѣмъ Евгеніи минуло шестнатцать лѣтъ; нравъ ея былъ столько же кротокъ, сколько душа ея была чувствительна. Къ веселости и невиннымъ прелестямъ лѣтъ ея, присоединялись въ ней основательной разумъ, скромность и тихость. Нѣжность и признательность ея къ Госпожѣ Пальменъ были безпредѣльны. Будучи занята своею матерью во всѣ минуты своея жизни, и не упуская ни одного способа быть ей угодною, во всякомъ упражненіи находила она чувствительныя прелести. Учивши наизустъ стихи, говорила сама себѣ: *Матушка съ удовольствіемъ ихъ отъ меня услышитъ. Сего же вечера, прогуливаясь, я ей ихъ перескажу. Она похвалитъ мою память и прилѣжаніе.* Учившись Англійскому

кому или Италіанскому языку, говорила: *Какъ удивится и обрадуется матушка, когда увидитъ, что вмѣсто заданной страницы я перевела двѣ!* Писавши, рисуя, играя на арфѣ, на клавесинѣ или гитарѣ, она то же помышляла: *эта картина украситъ матушкинъ кабинетъ. Всякой разъ, какъ она на нее взглянетъ, вспомнитъ свою Евгенію. Соната, которую теперь бренчу, восхититъ матушку, когда ее хорошенько выучу*, и проч. Сія мысль, которая ее всегда занимала, дѣлала ей ученье очень пріятнымъ; она облегчала ей наитруднѣйшія препятствія, и превращала всѣ должности ея въ сладкое удовольствіе.

Чтобы совершить воспитаніе Евгеніи, Госпожа Пальменъ возпамѣрилась ѣхать на два года въ Парижъ. Она оставила пріятное свое уединеніе въ концѣ Сентября, и пріѣхавши въ Парижъ, наняла небольшой домикъ, въ которомъ Евгенія не однажды сожалѣла о прелестныхъ брегахъ Индра и Луары. Госпожа Пальменъ нашла съ удовольствіемъ многихъ людей, коихъ она прежде знала. Въ семъ числѣ отличала она особливо одного стараго друга мужа своего, Графа д'Амилли, заслуживавшаго въ самомъ дѣлѣ преимущество

ществo сіе по своимъ достоинствамъ и добродѣтелямъ. Будучи вдовѣ уже нѣсколько лѣтъ, имѣлъ онъ только одного осьмнатцатилѣтняго сына, съ коимъ не давно на два года разстался. Сей молодой человѣкъ, называвшійся Леонсомъ, жилъ въ Италіи, и долженъ былъ послѣ сего путешествовать по сѣверу.

Графъ д'Амилли всякой вечеръ ужиналъ у Госпожи Пальменъ; въ половинѣ одиннатцатого часа Евгенія ложилась спать. Какъ скоро она выходила, Графъ говаривалъ о ней, и всегда съ похвалою. Онъ любовался ея дарованіями, скромностію, воздержаніемъ и нѣкоторымъ видомъ кротости и откровенности, изливавшимъ неизъяснимую прелесть на самомалѣйшія ея дѣйствія. Послѣ сего говорилъ онъ о своемъ сынѣ, похвалялъ его разумъ, нравъ и сердце. Госпожа Пальменъ слушала съ восхищеніемъ похвалу Евгеніи. Не безъ чувства слышала она также столь часто произносимое Леонсово имя, и въ сихъ сладкихъ разговорахъ время часто совсѣмъ забывалось. Часто со удивленіемъ восклицали: *какъ! не уже ли четвертой часъ!* Графъ д'Амилли продолжалъ свои посѣщенія, однако безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія. Однажды сказалъ онъ только:

сынъ

сынѣ мой будетѣ имѣть великое богатство, потому что я его имѣю; но прежде, нежели раздѣлю его сѣ нимѣ, хочу его научить владѣть имѣ. По возвращеніи его будетѣ ему двацать лѣтѣ. Я его женю на достойной любви особѣ, которой бы прелести, примѣрѣ и кротость могли сдѣлать ему всѣ его обязанности пріятными и заставить его любить добродѣтель. Госпожа Пальменѣ узнала вѣ описаніи сей женщины свою Евгенію; но размышляя о крайней несоразмѣрности своего и Графа д'Амилли состоянія, трудно было ей увѣриться, чтобы онѣ вѣ самомѣ дѣлѣ хотѣлѣ сына своего женить на ея дочери.

Уже прошли почти два года послѣ того, какѣ Госпожа Пальменѣ пріѣхала вѣ Парижѣ, а Евгеніи исполнилось осьмнатцать лѣтѣ. Однимѣ вечеромѣ Графѣ д'Амилли, входя кѣ Госпожѣ Пальменѣ, попросилѣ у нее позволенія представить ей недавно пріѣхавшаго своего сына. Вѣ то же время предсталѣ молодой человѣкѣ наипріятнѣйшаго вида, подошедшій кѣ Госпожѣ Пальменѣ сѣ торопливымѣ и застѣнчивымѣ видомѣ, которой еще увеличивалѣ природныя его пріятности. Графѣ и сынѣ его остались ужинать.

нать. Леонсъ говорилъ мало, но много смотрѣлъ на Евгенію; всякое слово его показывало, что онъ чувствовалъ сильнѣйшее желаніе понравиться Госпожѣ Пальменъ. На другой день Графъ съ сыномъ своимъ опять къ ней пріѣхали, но Госпожа Пальменъ объявила безъ обиняковъ, что она положила себѣ за непремѣнное правило не принимать въ домѣ у себя молодыхъ людей Леонсовыхъ лѣтъ. Однакожь надобно, чтобъ вы его разсмотрѣли, сударыня! перервалъ Графъ: будетъ ли онъ вамъ угоденъ. — „Что вы хотите сказать?„ — Развѣ вы не видите, что его и мое благополучіе отъ того зависитъ? И такъ возьмите время для узнанія его; и естьли онъ будетъ столько щастливъ, что вамъ понравится, то и мнѣ и ему ничего уже желать не останется. Сіе было сказано ясно. Госпожа Пальменъ изъявила Графу благодарность. Однакожь не сказала она ничего рѣшительнаго, желая наперед спросить Евгенію и провѣдать пообстоятельнѣе о Леонсовомъ нравѣ. Все, что она о немъ ни свѣдала, лишь только усугубило ея желаніе имѣть его зятемъ своимъ; и по позобновленіи отъ Графа прозьбы о рѣшительномъ отвѣтѣ, она уже

не отложила дать его. Во всемъ согласились, и брачной договоръ былъ подписанъ. На другой день Леонсъ получилъ съ восхищеніемъ руку любви достойной Евгеніи, и вскорѣ послѣ того поѣхали новобрачные въ прекрасную деревню, которую Графъ имѣлъ въ десяти миляхъ отъ Парижа, и положили, чтобы возвратиться въ Парижъ не прежде конца осени.

Госпожа Пальменъ прожила съ ними три мѣсяца. По прошествіи сего времени принуждена она была ихъ оставить. Желая переѣхать навсегда въ Парижъ, надлежало ей съѣздить въ Турень. Хотя ей и надобно было возвратиться прежде зимы, однакожъ Евгенія имѣла нужду во всемъ своемъ разсудкѣ, чтобы перенести столь тяжкую разлуку. Печаль ея и задумчивость по отъѣздѣ ея матери сдѣлали ее въ глазахъ Леонсовыхъ еще прелестнѣе. Онъ находилъ тайное удовольствіе смотрѣть на нее въ семъ состояніи унынія и печали. Видя теченіе слезъ ея, говорилъ онъ самъ въ себѣ: какъ сильно могу я нѣкогда овладѣть столь чувствительнымъ и столь благодарнымъ сердцемъ! Однако Евгенія, опасаясь опечалить Леонса, не показы-

казывала ему всей своей горести; но она оставляла уже за то все сіе принужденіе, будучи одна съ Валентиною, тою молодою дѣвицею, о которой я говорила и которая была подругою ея дѣтства. Сладчайшее Евгенію утѣшеніе состояло въ томъ, чтобы говорить о своей матери и писать къ ней ежедневно длинныя письма, содержавшія подробнѣйшее описаніе ея чувствованій, упражненій и забавъ.

Протекли почти два мѣсяца по отъѣздѣ Госпожи Пальменъ. Въ теченіи сего времени Евгенія ни однажды не ѣздила въ Парижъ; будучи съ своимъ шестемъ и съ своимъ мужемъ, оставалось ей желать только возвращенія матери своей. Для Леонса была она все, а онъ съ своей стороны становился ей часъ отчасу дороже. Часто ходили они прогуливаться одни въ рощи и поля. Евгенія дѣлала Леонсу вопросы о его путешествіяхъ, и съ удовольствіемъ научалась отъ него. Иногда, сидѣвши на берегъ ручейковъ, Евгенія пѣла прекрасныя пѣсни. Пріятной и сладкой голосъ ея привлекалъ къ себѣ пастуховъ и жнецовъ. Одни оставляли свою работу, другіе покидали свои стада, и всѣ сбѣгалися слушать ее.

Она останавливала работы и заставляла забывать усталость. Въ одинъ вечеръ Евгенія примѣтила въ семъ сельскомъ собраніи слушателей одного старика, котораго она еще не видала. Онъ имѣлъ столь почтенной видъ, столь украшенъ былъ сѣдинами, что Евгеніи захотѣлось узнать его имя. Она свѣдала, что онъ назывался Ѳомою, что ему было семдесять пять лѣтъ, что у него была сестра въ параличѣ, и что онъ былъ дѣдъ пяти внучатъ, сиротъ, которыя всѣ только его трудами питались. Евгенія имѣла весьма малой доходъ. Хотя шесть ея обладалъ великимъ имѣніемъ; хотя былъ благороденъ и благотворителенъ: однакожь, желая вселить въ сына своего любовь къ хозяйству и порядку, былъ онъ такъ благоразуменъ и твердъ, что не дѣлилъ еще съ ними всего своего достатка. Когда вы мнѣ докажете, говорилъ онъ имъ, что умѣете достойно употреблять деньги: тогда будетъ у насъ щетъ общій. На примѣръ, черезъ пять лѣтъ, естьли въ теченіи сего времени вашимъ поведеніемъ буду доволенъ, отступлюсь отъ всего охотно въ пользу разумнаго и порядочнаго сына; но не отдамъ безразсудному и моту такого имѣнія, которымъ я

одному

одному себѣ обязанъ, и коимъ могу располагать по моему соизволенію. Ахъ, батюшка! перервалъ Леонсъ: женивши меня на Евгеніи, вы мнѣ все пожаловали!

Евгенія со своей стороны не желала умноженія дохода своего. Съ разумомъ и хозяйствомъ самое посредственное имѣніе достаточно. Почему Евгенія и была столько богата, что могла быть щедрою и благотворительною. Будучи занята старикомъ Ѳомою, сказала она Валентинѣ, ложась ввечеру спать, что она пошлетъ ему съ нею нѣкоторую сумму денегъ. Поутру Графъ д'Амилли пришелъ по своему обыкновенію завтракать съ своею невѣсткою: вотъ тебѣ билетъ для балу, сказалъ онъ ей: черезъ двѣ недѣли даютъ въ Парижѣ великолѣпной праздникъ, на которой зовутъ и тебя. Тебѣ надобно бальное платье: такъ я тебѣ его и принесъ. Проговоря сіи слова, Графъ положилъ на столъ кошелекъ съ шестьюдесятью луйдорами. Какъ скоро Евгенія осталася одна, то позвала Валентину, и показала ей полученной ею подарокъ. На пятьдесятъ луйдоровъ, сказала она, я сдѣлаю себѣ довольно хорошее платье. И такъ десять луйдоровъ изъ этой суммы от-

дамъ бѣдному Ѳомѣ. А ты, Валентина, навѣдайся въ деревнѣ, все ли то справедливо, что мнѣ объ этомъ старикѣ сказали; и ежели мнѣ не солгали, то я сама отнесу ему тѣ деньги, которыя отдать ему опредѣлила.

Послѣ обѣда Валентина возвратилась изъ деревни и донесла молодой Госпожѣ своей, что она не только у Священника и у многихъ крестьянъ навѣдывалась, но что ходила и къ старику въ избу, и видѣла лежащую въ параличѣ сестру, за которою ходитъ старшая Ѳомина внука, дѣвушка лѣтъ двѣнадцати; что больная лежитъ въ чистой горницѣ, на довольно хорошей постелѣ, и что старикъ живетъ въ амбарушкѣ, и спитъ на соломѣ, и что, однимъ словомъ, Ѳома былъ самой честной и нещастной мужикъ во всей деревнѣ, самой лучшій братъ и дѣдушка. Пойдемъ же, сказала Евгенія: кошелекъ, которой далъ мнѣ батюшка, со мною; отнесемъ ему тотчасъ десять луйдоровъ. Договаривая сіи слова, Евгенія взяла Валентину за руку и пошла съ нею, приказавъ сказать Леонсу, которой доигрывалъ партію въ вискъ, что она идетъ къ ивняковой

до-

дорожкѣ, смотрѣть, какъ жнутъ хлѣбъ. Евгенія пришла на то поле, на которомъ Ѳома обыкновенно работывалъ до солнечнаго захожденія. Она искала его глазами, но не видя его спросила, гдѣ онъ. Ей отвѣчали, что Ѳома, будучи утомленъ жаромъ и работою, пошелъ на часокъ отдохнуть подъ тѣнію, и что заснулъ на берегу ручья подлѣ большихъ шиповыхъ кустовъ.

Евгенія и Валентина пошли туда. Черезъ минуту увидѣли онѣ издали спящаго и окруженнаго своими внучатами старика. Онѣ приближались съ осторожностію, опасаясь его разбудить, и остановились за нѣсколько шаговъ, чтобы любоваться трогательнѣйшею и привлекательнѣйшею картиною. Добрый старикъ погруженъ былъ въ глубокомъ снѣ. Осьми, или девятилѣтняя прекрасная девушка привязывала тихонько свой передникъ къ шиповнику надъ головою своего дѣда, чтобы составить покрывало, которое бы защитило его отъ солнечнаго зноя; одинъ изъ ея братій помогалъ ей въ сей работѣ, а двое, державши въ рукахъ ивовыя вѣтьви, и стоявши по сторонамъ старика на колѣняхъ, отгоняли отъ лица

его мухъ и комаровъ. Дѣвушка, увидѣвши Евгенію, дѣлала ей рукою знаки, чтобы она не шумѣла. Евгенія улыбнулась, и подходя на цыпочкахъ, поцаловала дѣвушку, и сказала ей потихоньку: мнѣ надобно съ твоимъ дѣдушкою, когда онъ проснется, поговорить. Поди туда играть со своими братцами, а какъ я тебя кликну, такъ возвратись. Дѣвушка и мальчики отговаривались, и согласились удалиться только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы Евгенія и Валентина *хорошенько отгоняли мухъ* вмѣсто ихъ.

Послѣ сего договора, Евгенія взяла ивовыя вѣтьви и сѣла съ Валентиною подлѣ шиповника; а ребятишки ушли изъ виду. Тогда Евгенія, вынувши кошелекъ свой изъ кармана, положила его на колѣни, чтобы взять десять луйдоровъ. Послѣ сего, опасаясь сдѣлать шумъ щетомъ денегъ, она остановилась и взглянувши на старика, смотрѣла на него съ соболѣзнованіемъ. Какъ онъ спитъ покойно! говорила она: бѣдной и почтенной старецъ!, . . Сколько видъ его трогателенъ и достоинъ почтенія! семдесять пять лѣтъ! . . . Какіе годы! . . . Въ теченіи такого времени сколько перенесъ онъ

онъ трудовъ! А нынѣ, когда уже силы покидаютъ его, онъ все таки принужденъ безпрестанно работать! — Проговоря сіи слова, Евгенія пролила нѣсколько слезъ. Подумайте, сударыня, сказала Валентина, подумайте о радости, которую вы ему причините, давши ему десять луйдоровъ... Этотъ даръ, перервала Евгенія, эта малая сумма не можетъ составить блаженства его жизни! .... О какъ сладостно бы было утвердить спокойствіе престарѣлыхъ его дней! На какую бы радость онъ проснулся! Десять луйдоровъ будутъ только вспоможеніемъ его бѣдности, но пятьдесятъ приведутъ его въ изобиліе. Пятьдесятъ луйдоровъ! .... То, чего будетъ стоить мое платье! Но какое же удовольствіе принесетъ мнѣ это платье? Его даже и не замѣтятъ; тамъ будетъ сто великолѣпнѣйшихъ. .... Естьли на мнѣ будетъ платье обобраное золотыми бахрамами и блестками, не уже ли, Валентина, покажусь я отъ того Леонсу лучше? Сегодня онъ меня очень хвалилъ, а на мнѣ было только бѣлое платье, да васильки, которые онъ самъ поутру нарвалъ въ полѣ. За десять луйдоровъ могу имѣть платье новое, которое хотя и будетъ просто, однакожь пристанетъ ко мнѣ

болѣе, нежели богатое. Цвѣты и флеръ приличнѣе къ моимъ лѣтамъ. Какъ ты думаешь? -- „Я, сударыня? Признаюсь вамъ, что мнѣ бы очень хотѣлось видѣть васъ нарядною.„ ——Ахъ, Валентина! посмотри на этова старца, и ты не станешь болѣе заниматься такою суетною мыслію. Подумай о удовольствіи, которое почувствую, извлекая изъ бѣдности этова добродѣтельнаго человѣка! . . . . Съ какою бы радостію, Валентина, ужиналъ онъ севодни посреди своихъ внучатъ! съ какою бы чистою радостію онъ ихъ цаловалъ и принималъ ихъ ласки! . . . . А завтра могла бы я о всемъ этомъ описать къ матушкѣ. . . . . Ахъ, матушка! какъ бы ты утѣшилась, читая письмо! . . . „Но вы только одинъ, сударыня, будете такъ просто одѣты на этомъ праздникѣ; это можетъ быть противно будетъ батюшкѣ вашему — А можетъ быть и Леонсу„ —— Однакожь они оба благотворительны. —— Пойдемъ, Валентина; я спрошуся съ Леонсомъ. Я не должна ничего дѣлать безъ его согласія. Но удалимся отсюда, потому что видъ этова старика приводитъ меня въ такое искушеніе, которому я не въ силахъ буду противиться. Пойдемъ, пойдемъ искать

Леон-

Леонса; мы опять сюда возвратимся. Пойдемъ. — Говоря сіи слова, Евгенія хотѣла вставать; но вдругъ услышала позади себя шумъ отъ листьевъ, заставившій ее оборотиться, и въ то же время увидѣла Леонса, которой изъ за-куста кинулся къ ея ногамъ. Спустя нѣсколько времяни по уходѣ Евгеніиномъ, пошелъ онъ изъ замка за нею въ слѣдъ. Зная, что Евгенія ищетъ Ѳому, и не сомнѣваяся, чтобы сіе не было въ намѣреніи подать ему какой либо помощи, спрятался онъ позади шиповника, чтобы слышать Евгеніинъ и стариковъ разговоръ; и сидя тамъ, хотя Евгенія говорила только въ полголоса, не проронилъ онъ ни одного слова; потому что отдѣленъ отъ нее былъ только одними листочками. Любезная Евгенія! воскликнулъ онъ, упавши къ ногамъ ея, и обнимая ея колѣни: я все слышалъ. Занимаяся способами утвердить благополучіе этова старика, ты утвердила мое собственное; потому что этотъ разговоръ далъ мнѣ знать, какой ты любви достойна.

Леонсъ еще говорилъ, какъ Ѳома проснулся. Евгенія вырвалась изъ рукъ Леонсовыхъ, и подошла къ старику, ко-

торой съ удивленіемъ на нее посмотрѣлъ и изъ почтенія къ ней хотѣлъ встать. Евгенія просила его не вставать. Онъ извинялся, примолвя: мнѣ надобно итти работать. Нѣтъ, сказала Евгенія, отдохни севодни. . . — „А работа-то моя?„ — Я тебѣ за нее заплачу. Возьми этотъ кошелекъ. Дай Богъ, чтобы ты взялъ его съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ я отдаю тебѣ его! Евгенія съ нѣжнымъ и почтительнымъ видомъ наклоняется и кладетъ въ трясущіяся стариковы руки кошелекъ съ пятьюдесятью луйдорами. Леонсъ, стоявши противъ Евгеніи, съ восхищеніемъ на нее смотрѣлъ. Никогда не казалась она глазамъ его такъ прелестною; никогда не дѣлала она въ сердцѣ его столь сладкаго и столь глубокаго впечатлѣнія.

Между тѣмъ старикъ смотрѣлъ съ нѣкоторымъ внезапнымъ удивленіемъ на кошелекъ, положенной на его колѣни. Отъ роду своего не видалъ онъ такого числа денегъ. Онъ протиралъ себѣ глаза и боялся, не спитъ ли еще и не снится ли это ему. Евгенія въ молчаніи наслаждалась его удивленіемъ. Наконецъ, сжавши крѣпко руки свои, воскликнулъ онъ: да

что

что сдѣлалъ я, Боже мой, чтобы заслужить такой великой даръ? Онъ поднялъ голову, и смотря на Евгенію съ исполненными слезъ глазами, продолжалъ: Ахъ, сударыня! да дастъ вамъ Господь такихъ дѣтей, которыя бы на васъ похожи были! — Болѣе сего не могъ онъ ничего сказать. Слезы перервали его слова. Въ сіе время всѣ Ѳомины ребятишки прибѣжали. Евгенія просила старика прибрать свой кошелекъ, и не сказывать никому о семъ произшествіи до тѣхъ поръ, пока она не позволитъ ему о томъ говорить. Послѣ сего Евгенія еще поцаловала миленькую Симонетту, и простясь съ добрымъ старикомъ, возвратилась съ Леонсомъ въ замокъ. Евгенія по весьма естественной нѣжности не хотѣла, чтобы тесть ея узналъ о семъ приключеніи прежде праздника, на которой она должна была ѣхать, опасаясь, чтобы Графъ не далъ ей другаго бальнаго платья. Наконецъ день сего праздника наступилъ. Графъ остался въ деревнѣ, и поручилъ Евгенію одной изъ своихъ родственницъ; Леонсъ поѣхалъ съ нею же въ Парижъ. На балѣ Евгенія привлекла къ себѣ взоры всѣхъ людей не только прелестію своего вида, но и изящною простотою своего

платья,

платья, отличавшаго ее отъ всѣхъ прочихъ женщинъ. Золото, камни и жемчугъ не обременяли ея убранства; ни что не отнимало у нее природной ея ловкости, и она получила предъ всѣми преимущество въ танцѣ и въ красотѣ.

Благополучіе стариково не однократно воображенію ея представлялось, и усугубляло ея радость; и смотря на безмѣрное и глупое великолѣпіе молодыхъ особъ ея лѣтъ, часто она сама себѣ говорила: какъ жалѣю о нихъ! онѣ не знаютъ истинныхъ веселій. — На другой день Леонсъ привезъ Евгенію опять въ деревню. Ему хотѣлось, чтобы отецъ его видѣлъ ее въ бальномъ платьѣ; ибо горѣлъ нетерпѣливостію разсказать ему стариково приключеніе. Леонсъ зналъ своего отца, и наслаждался напередъ тѣмъ удовольствіемъ, которое надѣялся ему доставить. Въ самомъ дѣлѣ Графъ слушалъ приключеніе сіе съ радостію и чувствительностію. Онъ нѣсколько разъ цаловалъ любви достойную Евгенію, и съ сего часа полюбилъ ее, какъ родную свою дочь. На другой день Евгенія и Леонсъ пошли навѣстить старика. Леонсъ объявилъ ему, что возьметъ на себя стараніе

ніе о двухъ его внучатахъ, а именно о маленькой Симонеттѣ, и второмъ ея братѣ. Первая была послана въ Парижъ и отдана въ ученье къ прачкѣ, а другой къ столяру. Графъ д'Амилли увѣнчалъ благополучіе стариково, давши ему корову и десятину земли подлѣ его избы. Госпожа Пальменъ, щастливая мать Евгеніи, возвращаясь изъ Турена, получила на дорогѣ письмо, въ которомъ было все сіе описано. — Любезныя дѣти! въ ваши лѣта не можно себѣ еще представить того впечатлѣнія, которое подобное письмо можетъ произвести въ сердцѣ матери. . . . Наконецъ, нѣжная и прелестная Евгенія очутилась опять въ объятіяхъ Госпожи Пальменъ, которая провела остатокъ своихъ дней съ дочерію своею, столь достойною всей ея нѣжности. Евгенія составляла всегда благополучіе своея матери, мужа и всей семьи своей. Она нашла въ своемъ сердцѣ и во всеобщемъ уваженіи истинную награду своихъ добродѣтелей, и Небо для увѣнчанія ея благополучія исполнило стариково желаніе; она имѣла достойныхъ ея дѣтей, усладившихъ ее всею тою радостію, которую она своей матери дѣлала.

VI.

Тутъ Госпожа Правосудова прервала свою рѣчь, а Госпожа Добролюбова спросила: ну, дѣти, понравилась ли вамъ эта повѣсть? — „Очень, матушка, и я постараюсь походить нѣкогда на любезную Евгенію.„ — И я тоже; потому что она сдѣлала мать свою щастливою. А я, сказалъ Петръ, буду подражать Леонсу. Но позвольте мнѣ, матушка, сдѣлать вамъ вопросъ: Леонсъ, спрятавшись за кустарникъ, подслушивалъ Евгенію: это, кажется мнѣ, не очень хорошо. — „Я радуюсь, видя въ тебѣ такую нѣжность: она весьма основательна. Правда, Леонсъ былъ увѣренъ, что Евгенія будетъ говорить только о старикѣ, и что она никакой тайны не сообщаетъ Валентинѣ. Но не смотря на это, онъ все таки дурно сдѣлалъ, спрятавшись и подслушивавши ее. Какъ скоро какое либо дѣйствіе само по себѣ осудительно, то не надобно его позволять себѣ, какая бы причина къ тому насъ ни побуждала. Я постараюсь, дѣти мои, показать вамъ, *что есть добро, и что есть худо*; и когда вы получите это драгоцѣнное познаніе, то я увѣрена, что

что вы полюбите добродѣтель, которая всего любезнѣе, и возненавидите порокъ. И тогда, ежели вы захотите быть щастливы и почитаемы, то скажите сами себѣ: я никогда не сдѣлаю осудительнаго дѣла, каково бы ни было положеніе, намѣреніе и побужденіе, могшее извинить бы его въ собственныхъ глазахъ моихъ.

Послѣ того Госпожа Добролюбова встала, и простясь со всѣми, каждой пошелъ въ свою комнату. Ложася спать, Госпожа Добролюбова была весьма далека отъ предчувствованія той ужасной печали, которая овладѣла ею по пробужденіи ея. Мѣсяца съ два всѣ извѣстія, получаемыя ею изъ Москвы и изъ Арміи, увѣряли ее, что войны не будетъ. Каковажь была ея горесть, когда въ 8 часовъ поутру получила она изъ Москвы письмо, въ которомъ увѣдомляли ее, что война начинается, что непріятельская Армія въ полѣ, и что сраженіе неизбѣжно! . . . .

Дѣти ея, узнавши горестное сіе извѣстіе, раздѣляли съ родительницею своею печаль ея. Всѣ игры были прекращены, всѣ веселія забыты, и часы отдохновенія протекали въ грусти и слезахъ. Сіе состояніе продолжалось двѣ недѣли.

Нако-

Наконецъ, на канунѣ перваго числа Мая, когда дѣти въ 9 часовъ поутру слушали прилѣжно главу изъ Евангелія, которую читалъ имъ вслухъ Своемысловъ, вдругъ услышали онѣ крикъ. Онѣ услышали между многими другими голосами голосъ матери своей. Съ трепетомъ и изумленіемъ кинулись онѣ всѣ трое къ дверямъ и въ объятія къ матери, восклицавшей: слава Богу! слава Богу! извѣстіе о войнѣ прогалось; я получила отъ отца письмо: войны не будетъ, и онъ здоровъ. — Дѣти, заливаяся слезами, бросились съ восторгомъ на шею къ родительницѣ, и и однимъ рыданіемъ могли только изъявить крайнюю свою радость. — Госпожа Добролюбова, опершись о плечо нѣжной матери своей, и прижимая дѣтей къ своей груди, представляла всѣмъ собравшимся людямъ своимъ трогательнѣйшее зрѣлище. . . . . По нѣкоторомъ молчаніи, прерывавшемся радостными слезами, Госпожа Добролюбова сѣла среди благополучной своей семьи, и прочла вслухъ полученное ею письмо.

(*Продолженіе будетъ въ слѣдующей Части*).

ЛѢТО (*).

Изъ блистательной страны эѳирной низходитъ чадо солнца, лучезарное Лѣто. Гордо шествуетъ оно, и приближеніе его чувствуетъ Природа въ самой глубинѣ сосей. Сопровождаютъ его жары и вѣтры южные. Отвращаетъ Весна румяное лице свое, и удаляется, отдавая землю и небо подъ управленіе его.

Спѣшу въ тѣнь лѣсовъ густѣйшихъ, гдѣ едва лучь солнечный проницаетъ мрачность, и, сидя на зеленыхъ берегахъ тихой рѣки, воспѣваю славу Лѣта.

Вдохновеніе! оставь на время уединенное жилище свое, рѣдко смертными находимое; озари воображеніе мое лучемъ свѣта твоего, духъ творческій въ избранныхъ человѣковъ вселяющаго, и всѣ душевныя силы въ восторгъ приводящаго!

А вы, юные друзья Музы моей, въ которыхъ явны еще истинныя красоты человѣчества: спокойный духъ, нѣжность сердца, непритворная честность и свобода душевная! — строки! внимайте простой пѣсни

(*) Напечатанное въ концѣ IX Части сочиненіе, подъ названіемъ Весна, и сіе предлагаемое Читателямъ нашимъ для того, чтобы познакомить ихъ со слогомъ Поэзіи.

моей, и не почтите меня недостойнымъ благоволенія вашего!

СЪ какою удивительною силою ввержены были въ началѣ тяжелыя планеты въ безконечное пространство, дабы въ теченіи многихъ тысящелѣтій, истребившихъ милліоны Царствъ со всѣми ихъ мнимовѣчными памятниками, пребыть постоянными, неутомимыми въ теченіи своемъ, и раздѣлять всегда одинаково времена сутокъ и года; времена, безпрестанно въ вѣчность вливающіяся! Совершеннѣйшая рука правитъ цѣлымъ, никогда не общитываяся, никогда не обмѣриваяся, никогда не обвѣшиваяся.

Кратко теперь время нощи. Скоро показывается вѣстница приближающагося дня, заря утренняя, мать росы. Сперва открывается она на востокѣ въ цвѣтѣ блѣднаго пурпура, по томъ принимаетъ видъ огненной, разпространяется по небесамъ, и блистаніемъ своимъ облака раздѣляетъ. Поспѣшно удаляется черная нощь. Вдругъ является младой день, и представляетъ взору величественные виды. Камни покрыты блестящею росою, а верьхи высокихъ горъ туманомъ. Сіяютъ лазурію дымящіеся ручьи. Робкій заяцъ ужасается свѣта, открывающаго его врагамъ многочисленнымъ, и спѣшитъ съ поля въ непроходимой лѣсъ; издалека взираетъ прыгающая серна на шествующаго стран-

странника, вмѣстѣ съ зарею отъ сна возставшаго. Пробуждается музыка, гласъ невиннаго веселія, и по всѣмъ окрестностямъ раздаются лѣсные гимны. Пробужденной пѣніемъ пѣтуха, оставляетъ поспѣшно одѣвшійся пастухъ хижину свою, всегдашнее жилище мира, и гонитъ въ порядкѣ стадо свое на тучную зелень.

Погруженной въ ложное сладострастіе, не уже ли не хочетъ еще человѣкъ пробудиться? Не уже ли не всталъ еще съ ложа лѣнесми насладиться прохладными и тихими часами, которые надлежитъ ему посвятить размышленію и священному пѣнію? Развѣ и для мудраго имѣетъ сонъ какія нибудь прелести? Развѣ пріятно быть въ мертвомъ забвеніи, лишаться половины весьма краткой жизни, погружаться просвѣщенною душею во тмѣ, или въ безпорядочныхъ сновидѣніяхъ? Какъ желать пробыть въ семъ мрачномъ состояніи долѣе, нежели Природа требуетъ? — Уже веселыя пѣсни поздравляютъ того, кто возсталъ рано, кто возсталъ такъ, какъ человѣку возстать должно.

Возходитъ могущественной Царь дня, солнце, торжествуя возхожденіе свое. Уменьшающіяся облака, огнемъ покрывающаяся лазурь и текущимъ златомъ освѣщенные верьхи горъ, возвѣщаютъ радостно приближеніе его. Вдругъ показывается оно съ одной стороны россою блистающей земли и разкрашеннаго воздуха въ безпредѣльномъ величествѣ. Свѣтъ

разливается по всему творенію. О свѣтъ, великой источникъ радостей! изъ всѣхъ матеріальныхъ вещей лучшая и первая! изліяніе Божества! лучезарная одежда Природы! безъ тебя бы все сокрывалося въ существенной мрачности. — Ты же, душа міровъ, солнце, въ которомъ величество Создателево яньѣе всего открывается! дерзну ли я пѣть о тебѣ?

Твоею тайною, могущественною, привлекательною силою пребываетъ система твоя постоянна въ теченіи своемъ отъ отдаленныхъ предѣловъ Сатурна, свершающаго круговращеніе свое въ пятьдесятъ лѣтъ, до Меркурія, котораго кольцо покрывается свѣтомъ твоимъ, и едва видимо окомъ философическимъ.

Правитель планетъ! безъ твоего оживляющаго вліянія были бы онѣ темными шарами, бездѣйственными и мертвыми, а не цвѣтущими хранилищами жизни, яко теперь. Въ какіе многочисленные роды вливаютъ лучи твои духъ жизни, отъ благороднаго человѣка, до Эфемерона, нѣсколько часовъ живущаго! — Ты же правишь и царствомъ растеній, отецъ временъ года! изліяніемъ твоея силы растутъ травы и древа: ты же и крепишь ихъ. Сила твоя не ограничивается еще поверьхностію земли; она глубоко проницаетъ въ нѣдра ея, дабы производить минералы. — Но слабъ я воспѣть достоинство, кра-

красоту и полезность твою, источникъ свѣта и жизни, пріятности и веселія на землѣ....

Но какъ же осмѣлюсь я пѣть о Тебѣ, Существо Всевысочайшее, одѣянное несозданнымъ свѣтомъ, и сокрывающееся отъ глазъ человѣка, даже и самаго Ангела! Есть-ли бы Ты сокрылъ лице Свое, то мгновенно низверглось бы солнце, купно со всѣми угасшими звѣздами, въ прежнее свое ничтожество.

Есть-ли бы всякая косноязычная человѣческая хвала, Тебѣ, Отецъ всемогущій, на землѣ воспѣваемая, совершенно умолкла: то дѣла Твои возбудили бы гласъ всеобщій и среди самыхъ уединенныхъ лѣсовъ, гдѣ никогда нога человѣческая не бывала; возвѣстили бы всемогущество Твое, вѣчная Причина, Столпъ и Цѣль всего сущаго!

Буди всегда единственнымъ веселіемъ моимъ разсматриваніе Природы, чтеніе книги ея! Иногда вдохновенной ею, стану въ восхищеніи переводить нѣкоторыя легкія мѣста изъ нее на слабой языкъ человѣческой.

Могущественное солнце, возходя на небѣ выше и выше, растопляетъ высокія облака въ чистой воздухъ, равно какъ и разноцвѣтные и утренніе туманы, вокругъ холмовъ носившіеся. Прохлада удаляется подъ густыя тѣни, гдѣ на зеленой и цвѣтами усѣянной муравѣ можно покойно засыпать и видѣть пріятные сны, а на брегахъ журчащихъ ручейковъ размышлять о будущей жизни. Между тѣмъ усиливаются вліянія

жара на человѣка, на звѣрей, на травы, на тихія полевыя рѣки. Кто можетъ безъ сожалѣнія взирать на цвѣты, утромъ разпустившіеся, а теперь уже увядающіе! Такъ увядаетъ красота юноши, когда онъ предается влеченію страстей.

Жаркіе лучи солнца оживляютъ насѣкомыхъ. Изъ всякаго сучечка, изъ всякой ямки вылетаетъ ихъ множество. Всѣ онѣ украшены различными красками, образованными таинственнымъ огнемъ. По природному влеченію летятъ нѣкоторыя на освѣщенныя солнцемъ воды, другія въ лѣса, иныя на луга. Все въ Природѣ исполнено жизни. Множество живущихъ тварей сокрывается и отъ самаго микроскопа. Всякой листочикъ есть малой міръ; но таковые міры небесная Премудрость сокрыла отъ глазъ нашихъ, дабы предохранить насъ отъ всегдашняго разсѣянія.

Умолкни, дерзкой смертной, возстающій противъ Творческой премудрости, говоря, что иное создано безъ всякой цѣли! Можетъ ли надутое невѣжество порицать дѣла Его, когда малѣйшая часть ихъ выше круга духовнаго зрѣнія его? Не все то безъ цѣли создано, чему я цѣли не нахожу. Человѣкъ! проникни прежде умомъ своимъ въ законы Премудраго, обозри всю цѣль существъ, и тогда уже суди о твореніи.

Пусты деревни теперь. Давно уже ушелъ на луга сельской юноша, укрѣпленной работою,

тою, матерію силъ тѣлесныхъ; туда ушла и юная крестьянка, красотою подобная розѣ; туда же ушли и родители ихъ. Блистаютъ тамъ косы, валится бальзамическая трава, ставятся высокіе стоги. Работу свою оживляютъ они пѣснями, изображающими невинность, простоту и веселіе работниковъ.

Наступаетъ полдень. Солнце низпускаетъ пламенные лучи свои прямо на тѣмя. Ослѣпительной блескъ покрываетъ небо и землю, и все дышетъ огнемъ. Тщетно преклоняетъ человѣкъ голову къ землѣ, думая найти какую нибудь прохладу. Отъ земли подымается горячій паръ, и переломленные солнечные лучи мучительны для зрѣнія. Жаръ проницаетъ въ самые корни растеній и клонитъ ихъ къ землѣ: самые цвѣты воображенія засыхаютъ, самая душа увядаетъ. Косецъ, утомленной работою и несноснымъ зноемъ, обкладываетъ всего себя влажнымъ сѣномъ, испускающимъ благовоніе. Едва слышенъ голосъ стриказы, прыгающей по безмолвному лугу. Разслабленіе видно во всей Природѣ. Даже и рѣки кажутся издали томными, спѣша съ нетерпѣніемъ протекать неосѣненныя мѣста и подлиться подъ кровъ густыхъ деревъ.

Могущественной жаръ! умягчися и не устремляй на меня лучей своихъ съ такою силою! Но ты изливаешься безпрестанно. Тщетно вздыхаю, съ одной стороны обращаюсь на другую и сильно желаю ночи.

Далека еще ночь, и жаркіе часы лишь только настали. Щастливъ тотъ, кто теперь закрытъ тѣнію вѣтвистыхъ деревъ, несзаряемою ни однимъ лучемъ солнечнымъ; или покойно сидитъ въ прохладной пещерѣ, обросшей густымъ кустарникомъ, и не чувствуетъ того пламени, которое пожираетъ весь міръ. Поучительно е изображеніе добродѣтельнаго мужа, сохраняющаго въ чистотѣ совѣсть и сердце въ спокойствіи, среди порокомъ правимаго міра!

Благословляю васъ, мирныя сѣни до об. лаковъ воздымающихся сосенъ! прохлада ваша пріятна сердцу, подобно какъ чистой ручей утомленному оленю: она укрѣпляетъ нервы, ссвѣжаетъ чувства и бальзамъ жизни приводитъ снова въ быстрое теченіе.

Паритъ орелъ подъ самыми облаками, такъ что едва видятъ его глаза мои, которымъ на сей воздушной высотѣ кажется онъ менѣе воробья. Между тѣмъ всѣ пѣвцы отъ полуденнаго зноя залетаютъ въ средину кустовъ и только что перекликиваются. Печальная горлинка одна въ лѣсу воркуетъ. Иногда прекращаетъ она жалобу свою: крашкое молч ніе утомленной горести! Мучительное воспоминаніе умершвленнаго супруга ея, котораго опнядо у нее коварство охотниково, предстовляется опять воображенію ея. Тутъ горестная пѣснь звучнѣе раздается по лѣсу.

Мра-

Мрачныя облака показываются на небѣ. Обремененныя минеральными парами, мало помалу онѣ сближаются и покрываютъ половину неба. Въ оной густѣйшей чернотѣ бродятъ селитра, сѣра и огненная пѣна жирной смолы, доколѣ въ ярости не разрываютъ еще вмѣстилища своего. Вездѣ царствуетъ робкое молчаніе. Вдругъ глухой звукъ, предшественникъ бури, несется съ горъ на землю, возмущаетъ воды и безъ вѣтра потрясаетъ древа. Въ самыя низкія долины слетаютъ всѣ жители воздуха; едва осмѣливается любящій грозу вранъ вверьхъ подняться. Неподвижно стоятъ стада и на страшныя небеса устремляютъ боязливые свои взоры, оставленные человѣкомъ, которой укрываетъ въ шалашъ свой.

Все въ внимательномъ страхѣ, все въ безмолвномъ ужасѣ. На южномъ мрачномъ небѣ сверкаетъ лучь свѣта. Тьма распространяется по небу болѣе и болѣе, и слышенъ уже страшной гласъ грома. Молнія разширяется, быстрѣе перерѣзываетъ тучи и скорѣе снова является; громъ усиливается — наконецъ ударъ свершается въ едину секунду съ блескомъ и потрясаетъ небо и землю.

Разрываются облака и изливаютъ на землю воду свою рѣками. Однакожь пламя все еще на небесахъ не угасаетъ; сильно гремитъ еще ужасной громъ. Почернѣла на холмѣ стоя-

щая высокая сосна, опаленная молніею; въ долинахъ лежатъ кучи побитаго скота. Видна еще во взорахъ кроткихъ овецъ спокойная безпечность; въ глазахъ воображенія не престали онѣ жевать травки. Не встаетъ еще съ земли оглушенной громомъ волъ. Гору сію нѣсколько уже столѣтій осѣнялъ высокой дубъ, далеко разпространяя въ нѣдрахъ ея корень свой: но гдѣ теперь древо сіе, толь долгое время могущество времени презиравшее?

Такое явленіе покрываетъ лица порочныхъ смертною блѣдностію, и возмущаетъ чувства ихъ. Но не всегда ударъ судьбы падаетъ на главу злодѣевъ. Селадонъ, юноша, былъ другомъ Амеліи: она блистала красотою цвѣтущаго утра, а онъ красотою лучезарнаго дня. Любовь соединяла сердца ихъ. Но любовь сія была не та гнусная страсть, которая унижаетъ человѣчество. Любовь ихъ была истинная дружба, основанная на сходствѣ сердечныхъ склонностей. Главной предметъ въ жизни былъ у нихъ одинъ: они старались быть человѣками. Жизнь ихъ была чистая рѣка, не возмущаемая суетными заботами. — Селадонъ и Амелія, прогуливаясь въ густой рощѣ, долго не чувствовали подымающейся грозы, будучи заняты сладчайшими разговорами. Наконецъ сильные удары грома прервали безчувственность сію. Амелія посмотрѣла на черное небо, вздохнула, обратилась къ Села-

Селадону, обняла его и слезами своими оросила его лице. Тщетно упованіе на высочайшую Власть старалось истреблять страхъ ея: онъ возрасталъ и потрясалъ всю ея внутренность. Примѣтилъ Селадонъ ужасъ ея; глаза его, подобно очамъ Ангельскимъ, взирающимъ на кончающагося праведника, исполнились сожалѣнія и живѣйшей любви. „Не „страшись, любезная невинность! (такъ го„воритъ онъ) Покрывшій теперь небо гроз„ною мрачностію взираетъ на тебя окомъ „милости. Удары гнѣва летятъ мимо тебя. „Самой тотъ гласъ, которой гремитъ ужа„сами для сердца злаго, кроткими устами „Серафима вѣщаетъ миръ твоему сердцу. „Щастливъ и я, что подлѣ тебя нахожуся „и совершенство прижимаю къ груди своей.„ Въ самое сіе мгновеніе ока (таинственныя судьбы неба!) поражаетъ Амелію молнія; изъ объятій Селадоновыхъ упадаетъ она на землю мертвая... Кому изобразить ужасъ его! онъ стоитъ неподвижно, подобно (слабое сравненіе!) изъ мрамора высѣченному горестному родителю, стоящему у гроба единороднаго сына своего въ вѣчномъ молчаніи, въ вѣчной скорби.

Облака раздѣляются, утоньчаются и бѣлѣютъ. Небо показывается въ обыкновенной лазурной одеждѣ своей. Воздухъ очищается; — Духъ жизни носится повсюду. Поля блистаютъ златыми лучами. Радость одуше-

одушевляетъ животныхъ и вся Природа улыбается.

Лучи солнца не столь уже жарки. Огненной юноша бѣжитъ къ прозрачному пруду, показывающему всю песчаную поверьхность дна своего. Нѣсколько минутъ стоитъ онъ и смотритъ на зеркальную воду, въ которой образуются окрестности. Потомъ бросается съ головою въ прудъ, но мгновенно показываются опять на поверьхности русые волосы и розовыя щеки его. Проворно разбиваетъ руками и ногами своими волны, и легко плаветъ по изволенію своему во всѣ стороны пруда.

Таковое упражненіе спасительно для здравія. Часто купаніе истребляетъ изъ внутренности нашей сѣмя опасной болѣзни, которое уже готово было разпуститься. Самая душа получаетъ отъ тѣлесной чистоты тайную симпатическую силу.

Настаетъ часъ прогулки, пріятнѣйшій часъ для того, кто въ уединенныхъ мѣстахъ привыкъ дружески бесѣдовать съ Природою. Сколь восхитительны таковыя бесѣды! Что чувствовало сердце мое, когда въ исходѣ прелестнаго Мая, въ тихіе часы вечера, гуляя я на брегахъ широкой рѣки, въ которой, яко въ чистѣйшемъ зеркалѣ, видѣнъ былъ образъ заходящаго солнца! Разсматриваніе довело меня до размышленія, размышленіе

ніе до восторга. О Юнгъ! тебѣ обязанъ я склонностію къ уединенію, сею спасительною склонностію, питающею сердце мое сладостію несказанною! — Уединеніе! ты научаешь человѣка тому, что ему болѣе всего знать надлежитъ: ты учишь его познавать самаго себя. Буди благословенно, уединеніе!

Низко уже солнце. Премѣняющіяся облака служатъ ему великолѣпнымъ престоломъ. Уже часть круга его заходитъ — не видимъ уже цѣлой половины — просіялъ лучь огненной — солнце совсѣмъ сокрылось.

Пріятный лѣтній вечеръ приближается, сопровождаемъ тысящію тѣней. Сперва посылаетъ онъ на землю тончайшія тѣни, а по томъ идутъ за ними помихоньку и густѣйшія и покрываютъ поверьхность шара нашего; прохладнѣйшее вѣяніе колеблетъ древесные листочки и воды, и разноситъ летящій съ растеній бѣлой пухъ по всѣмъ мѣстамъ. Безпристрастная и чадолюбивая Природа ничего не презираетъ. Заботяся о пищѣ и малѣйшихъ чадъ своихъ и объ одеждѣ будущаго года, направляетъ она изъ луга въ лугъ полетъ крылатыхъ сѣмянъ.

Пастухъ гонитъ домой стада, пріятно играя на своей свирѣли. Онъ останавливается и осматриваетъ тѣ долины, на которыхъ, по деревенскимъ сказкамъ, всякую лѣтнюю

ночь

ночь собираются колдуньи, прыгаютъ, играютъ и поютъ. Но далеко обходитъ онъ могилу того нещастнаго, которой самъ отнялъ у себя жизнь; не приближается и къ той пустой избушкѣ, которая стоитъ среди поля, думая (такъ мечтаетъ ночью воображеніе), что тутъ живетъ нечистой духъ.

Блистаетъ огненной червь. Вечеръ смѣняется нощію, которая скинула уже съ себя толстую и плотную одежду зимы, и одѣвается только одною легкою темноватою мантіею. Лѣса, деревни, камни и верьхи горъ, которые долго были освѣщаемы вечернею зарею, кажется, всѣ плывутъ. Отъ земли обращается взоръ на небо, гдѣ блистаетъ нѣжная Венера, прекраснѣйшая лампада нощи. Между тѣмъ, какъ увеселяюся разсматриваніемъ нощнаго неба, несутся огненные воздушные пары вкось по воздуху, или прямо летятъ внизъ. Къ сіяющимъ шарамъ, которые одушевляютъ и украшаютъ небо; къ солнцамъ другихъ міровъ, жизнь изливающимъ, возвращается изъ неизмѣримаго пространства скоротечная Комета и низходитъ къ солнцу; когда же склонится къ тѣнямъ земли, разпустивши по небу величественной хвостъ свой, тогда трепещутъ южные Народы. Но мудрые, которыхъ души озарены свѣтомъ Философіи, благословляютъ сего славнаго чужестранца. Вѣдаютъ они, что явленіе сіе есть знакъ благости Создателевой, хотя

точно

точно и не могутъ опредѣлить причины онаго. Можетъ быть хвостъ Кометы сей, состоящій изъ множества паровъ, орошаетъ свѣжею влажностію безчисленные міры; можетъ быть слабѣющія солнцы надѣляетъ она новымъ горючимъ веществомъ и питаетъ вѣчной огнь.

Существо премудрое! не можетъ человѣкъ опредѣлить путей Твоихъ; но премудрость, благость, и силу Твою можетъ онъ чувствовать въ безконечномъ твореніи. И сего уже для него довольно. Болѣе и болѣе увѣряяся въ сихъ свойствахъ Твоихъ, будетъ онъ радостенъ во все теченіе здѣшней жизни, и, съ живою надеждою на лучшее состояніе, предастъ духъ свой въ руки Твои.

КОНЕЦЪ X ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Содержащихся въ сей Части повѣстей.

	Стран.
Исправленная лѣность.	3.
Исторія Господина Чудина.	71.
Евгенія и Леонсъ.	168.
Лѣто.	193.

ДѢТСКОЕ

ЧТЕНІЕ

ДЛЯ

СЕРДЦА и РАЗУМА.

ЧАСТЬ IX.

МОСКВА.

ВЪ Университетской Типографіи,

у Н. Новикова,

1787.

ДЕРЕВЕНСКІЯ ВЕЧЕРА.

I.

Господинъ Добролюбовъ, отъѣзжая въ армію, съ прискорбіемъ прощался съ супругою своею, тещею и тремя дѣтьми. Онъ посадилъ къ себѣ на колѣни сына своего, которой жаловался на то, что по малолѣтству своему не могъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Не выпуская его изъ объятій своихъ, Г. Добролюбовъ всталъ; двѣ дочери съ плачемъ обнимали его колѣни, а супруга, омоченная слезами, бросилась къ дверямъ, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ нимъ. . . . Ахъ, батюшка! произнесъ сынъ его тихимъ голосомъ, положивши голову свою на плечо къ нему: возмите меня съ собою. . . . Добролюбовъ съ нѣжностію отдалъ его на руки его родительницы. Онъ дѣлалъ нѣкоторое сопротивленіе: надобно было силою разжать рученку его, которою ухватился онъ за кафтанъ отца своего. Обнявши еще дѣтей и супругу, вырвался

Добролюбовъ изъ объятій ихъ, и поспѣшно уѣхалъ. Госпожа Добролюбова, угнетенная печалію, пошла съ матерью своею въ кабинетъ, и какъ уже тогда было восемь часовъ по полудни, то и послала дѣтей спать.

Во всемъ домѣ было движеніе: потому что Госпожѣ Добролюбовой на другой день надобно было ѣхать въ деревню, довольно отъ Москвы отдаленную. Она брала съ собою изъ служителей своихъ нѣкоторую только часть, а прочихъ оставляла въ городѣ. Слуги, ѣхавшіе съ нею, были въ такомъ же неудовольствіи, какъ и тѣ, которые къ Москвѣ оставались. „Какое дурачество ѣхать за тѣмъ, „чтобъ заключить себя въ дальней деревнѣ, въ которой никогда не живали, и „ѣхать опять въ самое холодное зимнее „время, вмѣсто того, чтобы жить въ „Москвѣ, гдѣ бы госпожа наша по крайней мѣрѣ могла находить случаи къ разсѣянію! Какъ могутъ дѣти, изъ которыхъ самому старшему десятой годъ, „снести трудность такой дороги?... Въ „генварѣ переѣхать четыреста верстъ!... „Развѣ необходимо надобно сдѣлаться „пустынницею и бѣжать на край міра, „когда мужъ ѣдетъ въ армію?„

Та-

Таково было разсужденіе Анны, одной изъ дѣвушекъ Госпожи Добролюбовой; съ грустью собираяся въ дорогу, написала она строки сіи къ Ѳедору, которой въ домѣ у нихъ имѣлъ надзираніе надъ столомъ, и которому также прискорбенъ былъ отъѣздъ въ деревню и разлука съ Анною.

Съ другой стороны дочери Госпожи Добролюбовой, Елисавета и Катерина, слушали такія же жалобы. Наталья, другая дѣвушка, которая ихъ раздѣвала, не могла скрыть мыслей, наполнявшихъ ея голову. Она никогда изъ Москвы не выѣзжала, и непреодолимое имѣла отвращеніе отъ уѣзда.

Елисавета и Катерина со вниманіемъ слушали жаркія Натальины рѣчи; а особливо Катерина, которая отъ природы была очень любопытна: порокъ, извинительной по ея малолѣтству! ибо ей было еще только семь лѣтъ. Впрочемъ видны были въ ней хорошія свойства; и хотя показывала она болѣе легкомыслія, нежели сестра ея, которая была ее старѣе слишкомъ осьмнатцатью мѣсяцами: однако же чрезвычайною своею искренностію и чувствительностію сердца своего достойна была любви.

Петръ былъ разсудительнѣйшій изъ всѣхъ дѣтей Госпожи Добролюбовой; правда и то, что ему минуло уже девять лѣтъ, и что въ семъ возрастѣ начинаютъ выходить изъ перваго дѣтства. Онъ уже могъ управлять и собою. Не льзя быть всегда одинаковымъ образомъ трудолюбиву: но когда Петръ чувствовалъ, что онъ въ худомъ расположеніи, то умѣлъ принуждать себя и побѣждать сіе преходящее отвращеніе. Онъ отъ природы любилъ ученіе, и имѣлъ сильное желаніе къ пріобрѣтенію полезныхъ знаній. Онъ былъ чувствителенъ, понятенъ, искрененъ и живъ; любилъ родителей своихъ, былъ исполненъ нѣжности къ своимъ сестрамъ и благодарности къ учителямъ, а особливо къ Господину Своемыслову, пожилому студенту, хотя послѣдній сей и былъ нѣсколько строгъ и упрямъ, а особливо, когда дѣло шло о ѣздѣ въ деревню; ибо онъ очень жалѣлъ о Москвѣ, газетахъ и шахматной игрѣ, которая лѣтъ уже десять была первымъ его упражненіемъ.

Наконецъ все съ печалью улеглось въ домѣ Госпожи Добролюбовой; проходитъ ночь, показывается день. Въ половинѣ седьмаго часа разбудили дѣтей, одѣлись,

одѣлись, позавтракали на скорую руку и въ восемь часовъ сѣли бабушка, мать, Своемысловъ, Петръ, Елисавета и Катерина вмѣстѣ въ Англійскую карету и поѣхали въ деревню.

Въ полдень остановились обѣдать. Госпожа Добролюбова, у которой въ прошедшую ночь глазъ съ глазомъ не сходился, бросилась на постелю, а прочіе заняли ближнюю комнату. Между тѣмъ, какъ люди на постояломъ дворѣ отправляли дѣло свое, накрывали на столъ и приготовляли на сковородѣ котлеты и рябчиковъ, господа расположились противъ печи; Своемысловъ подкладывалъ дрова и наблюдалъ глубокое молчаніе, а дѣти сидѣли вокругъ Госпожи Правосудовой, своей бабушки. Тутъ начинается разговоръ, предлагаются бабушкѣ вопросы; ибо томность и глубокая печаль Госпожи Добролюбовой заставляла дѣтей удерживать въ каретѣ всякое любопытство.

За чемъ же мы ѣдемъ въ деревню? спросила Катерина. Когда человѣкъ служащій, жизнь моя, ѣдетъ въ армію, то онъ принужденъ бываетъ много издерживать; въ такомъ случаѣ должна жена его, естьли она разсудительна, благоразумнымъ хозяйствомъ предупредить ту

разстройку, которую чрезвычайныя сіи издержки могутъ произвести въ его состояніи: для этова-то мать ваша Москву оставляетъ.... А! теперь ужъ знаю, перервала ея рѣчь Катерина: говорятъ только, что деревня, въ которую мы ѣдемъ, очень дурна, очень скучна..... Я боюсь, чтобы матушкѣ не сдѣлалось тамъ грустно..., Естьли въ тебѣ нѣтъ другова страха, отвѣчала Госпожа Правосудова, то будь спокойна; мать твоя находитъ такое удовольствіе въ исполненіи своихъ должностей, что конечно никакое мѣсто не можетъ для нее теперь быть пріятнѣе села Уединеннаго. Для меня это понятно, сказалъ Петръ: во время ученья хотѣлось бы мнѣ иногда играть, но вспомнивши, что исполняю должность свою, и что мною будутъ довольны, естьли я выучу урокъ свой, получаю охоту и прилѣжность. А когда, спросила бабушка, ты наиграешься и нарѣзвишься, то бываютъ ли пріятныя мысли въ головѣ твоей? О нѣтъ, отвѣчалъ Петръ: тогда бываетъ мнѣ только тяжело. —— „А когда ты хорошо учился?„ Тогда мнѣ весело. Я думаю тогда, что Господинъ Своемысловъ скажетъ это матушкѣ, что меня будутъ ласкать, любить; что

что всѣ люди меня хвалить станутъ. . . . Не забывай этова никогда, сказала Госпожа Правосудова: съ холодностью воспоминаются тѣ удовольствія, которыми мы наслаждались; съ восхищеніемъ приводятся на мысль тѣ хорошія дѣла, которыя мы сдѣлали. Послѣ сихъ словъ пошла она садиться за столъ. Въ концѣ обѣда пришла Госпожа Добролюбова къ матери и дѣтямъ своимъ, а черезъ четверть часа послѣ того оставили постоялой дворъ, и поѣхали.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхали въ село Уединенное, въ старой ветхой домъ, окруженной прудами, которому зимнее время, снѣгъ и иней придавали еще гораздо угрюмѣйшій и суровѣйшій видъ. Непривлекательная для глазъ простота домовыхъ приборовъ болѣе всего удивила дѣтей. Стулья и креслы въ залѣ обиты черною кожею! въ изумленіи сказала Елисавета. . . . Какія большія печи! . . . Какія маленькія стекла! . . . Любезныя дѣти! отвѣчала Госпожа Правосудова: въ молодости своей проводила я въ году восемь мѣсяцовъ въ такихъ деревняхъ, въ которыхъ находятъ болѣе забавы, болѣе истинной радости, нежели въ тѣхъ домахъ, которые видѣли вы при выѣздѣ изъ Москвы;

въ этихъ блестящихъ домахъ, въ которыхъ нѣтъ ни удовольствія, ни свободы, и въ которыхъ разстроивается здоровье и состояніе. Не смотря на разумное бабушкино разсужденіе, внучки нѣсколько жалѣли о Москвѣ. Своемысловъ, отъ природы знобкой, мучился отъ жестокости чрезвычайнаго холода, которой былъ въ цѣломъ домѣ; ибо окна и двери были въ самомъ дѣлѣ худы. Въ самой еще первой день онъ простудился, и простуда сія очень увеличила его прискорбіе и неудовольствіе; но ничто не могло сравняться съ печалью двухъ горнишныхъ дѣвушекъ, Анны и Натальи. Анна объявила первая, что она не намѣрена точно разсказывать, а особливо при Елисаветѣ и Катеринѣ, истинныя причины своей скорби и грусти; однако же хотѣла она показывать свое неудовольствіе. И такъ разговоръ свой на другой день поутру начала она тѣмъ, что сказала, будто бы страхъ отъ воровъ не далъ ей заснуть во всю ночь. Отъ воровъ! вскричала Катерина. „Да развѣ думаете вы, сударыня, что мы совсѣмъ въ безопасности, живучи въ открытомъ домѣ, среди водъ и лѣсовъ, да еще и съ такимъ малолюдствомъ? Все бы еще лучше было, естьли бы матушка

ваша

ваша взяла съ собою всѣхъ людей, которыхъ она оставила въ Москвѣ. „ — Прибавь еще къ этому, перервала слова ея Наталья, что въ здѣшнихъ мѣстахъ и волковъ не менѣе воровъ. . . . „Волковъ! „ . . . Да, сударыня, да и все еще голодныхъ волковъ. . . . „ Ахъ, Боже мой! . . . эти ужасъ наводитъ. „ . . . Разсказываютъ такія исторіи. . . . Видите, что всѣ эти пруды замерзли. . . . „Что же? „ . . . То, что волки всякую ночь толпами черезъ нихъ ходятъ. . . . „Боже мой! и это такъ отъ насъ близко? „ . . . Подумайте, естьли жильцы внизу ненарочно оставятъ окно открыто; подумайте только. . . . „Да ночью въ нынѣшнее время не оставляютъ окно отворенное. „ . . Можно и позабыться. . . Естьли мѣсто хуже здѣшняго!

Такой разговоръ сдѣлалъ великое впечатлѣніе въ Елисаветѣ и Катеринѣ. Въ страхѣ и печали грустили онѣ о Москвѣ, и какъ вошли въ комнату Госпожи Добролюбовой, то она тотчасъ примѣтила, что онѣ были не въ обыкновенномъ своемъ положеніи. Елисавета, пристально допрашиваемая своею матерью, призналась во всемъ и подробно разсказала разговоръ горнишныхъ дѣвушекъ. Госпожѣ Добролюбовой не трудно было дока-

доказать ей, сколько страхъ ея отъ воровъ и волковъ былъ пустъ и неоснователенъ; да развѣ, продолжала она, не запрещила я вамъ входить во всякіе разговоры съ дѣвками?... „Въ другое время, матушка, мы никогда не говоримъ съ ними; но съ того времени, какъ няня моя больна лихорадкою, и одѣваетъ насъ Наталья„... Такъ развѣ надобно вамъ слушать ея вранье, когда она васъ одѣваетъ?.... „Вить она часто говоритъ не со мной, а съ Анной„ . . . Естьли вы не будете вступаться въ разговоры ихъ и слушать ихъ станете равнодушно и холодно, то онѣ конечно не будутъ говорить при васъ; естьли же, напротивъ того, онѣ съ болтаньемъ своимъ будутъ вамъ нравиться, то и разумъ и сердце ваше отъ этова испортятся. —— „Да вить вы, матушка, часто мнѣ говорили, что всѣ люди братья, и что„ .... Конечно; намъ должно по возможности своей всѣхъ ихъ любить, помогать и служить имъ. Знатность рода есть преимущество воображаемое; только одно воспитаніе производитъ между людьми истинное различіе; дѣвушка разумная, наученная и просвѣщенная никакъ не потерпитъ въ числѣ искренныхъ своихъ пріятелей невѣжду, грубіяна, человѣка безразсуднаго и исполненнаго пред-

раз-

разсужденій. Для этова-то не вступила бы она въ пріятельскіе разговоры съ своею горнишною дѣвкою, естьли она не требуетъ отъ нее услугъ; потому что мы должны тогда слушать слугъ своихъ со вниманіемъ, когда они имѣютъ въ насъ нужду и требуютъ отъ насъ совѣта.... „А естьли бы горнишная дѣвка была *Хороша*, *очень хороша*, такъ развѣ бы не льзя ее было почитать другомъ своимъ, хотя бы она была и не учена и не хорошо воспитана?„ — Скажи мнѣ, *Лизанька*, что такое *Почитать кого нибудь другомъ своимъ*? — „Что такое? . . *Любить* этова человѣка всѣмъ сердцемъ, матушка.„ — Госпожа Благоразумова, вамъ знакомая, *Любитъ всѣмъ сердцемъ дочь свою*, которой минуло только еще два года, хотя этотъ ребенокъ и *не Другъ ея*. — „Это точная правда; между друзьями надобно быть не одной только *Дружбѣ*.„ — Конечно, надобно быть и довѣренности; не льзя требовать совѣта отъ горнишной своей дѣвки; не льзя получить отъ нее хорошаго наставленія; не льзя имѣть съ нею основательнаго и пріятнаго разговора, даже и о самыхъ не важныхъ дѣлахъ. И такъ не благоразумно бы было имѣть къ ней довѣрен-

вѣренность; надобно ее любить, естьли она честна и хороша, а *Другомъ своимъ* почитать ее не возможно. Скажу еще и то, что искренное обхожденіе съ людьми такого рода было бы очень странно для человѣка моихъ лѣтъ, а для ребенка было бы оно опасно. Вы это и сами видите; потому что два, или три разговора съ Натальей и Анной могли вселить въ васъ пустые страхи, и заставить васъ роптать на волю вашей матери, вмѣсто того, чтобы одобрить то хорошее намѣреніе, для котораго она сюда пріѣхала. И такъ впредь старайтеся убѣгать всякаго рода пріятельскаго и коротkаго обхожденія съ слугами вообще и со всѣми тѣми людми, которые дурно были воспитаны; но имѣйте къ нимъ при томъ и всякое снисхожденіе. Безразсудно бы было презирать ихъ за то, что они лишены такой выгоды, которую пріобрѣсти не могли они по своей волѣ; сожалѣйте о нихъ, когда увидите ихъ безразсудные, или смѣшные поступки; прилѣжно твердите тогда: естьли бы не было у меня разумныхъ и нѣжныхъ родственниковъ, то конечно бы были во мнѣ всѣ сіи пороки, а можетъ быть еще и большіе. —— „Да я слышала, матушка, что тетушка наша,

ша, которая очень хороша и разумна, почитаетъ Надежду, свою служанку, вѣрнымъ себѣ другомъ.„ —— Правда; но Надежда эта не изъ обыкновенныхъ служанокъ. Она была совершенно хорошо воспитана для женщины своего состоянія. Родственники ея не могли ее научить многому, однако же подавали они ей очень хорошіе примѣры, и вкоренили въ нее честныя правила. А послѣ, когда на семнадцатомъ году взяла ее къ себѣ невѣстка моя, она выпрашивала у госпожи своей книги и училась; у нее былъ хорошій смыслъ и благородныя чувства, и разумомъ своимъ, своею привязанностію, добрымъ своимъ поведеніемъ и склонностію своею къ работѣ и чтенію скоро пріобрѣла она и заслужила уваженіе и довѣренность госпожи своей. —— „Иванъ, слуга братцовъ, любитъ то же, что и Надежда. Господинъ Своемысловъ говоритъ, что онъ очень хорошо знаетъ правописаніе и исторію. У него всегда въ карманѣ книга; да онъ же еще и очень хорошаго поведенія.„ . . . Вы видите, съ какимъ уваженіемъ я обхожусь съ нимъ; знаете опять и то, что я никакъ не запрещила брату вашему входить съ нимъ въ разговоры. Но такіе примѣры столь-

ко рѣдки, что ихъ можно только почитать за исключеніе изъ правила.

Послѣ сего разговора не входили уже обѣ сестры въ рѣчи дѣвокъ своихъ, и скоро почувствовали, что деревня можетъ быть пріятною и среди самой зимы; онѣ привыкли къ холоду, такъ какъ Петръ, которой находилъ великое удовольствіе бѣгать по саду, дѣлать изъ снѣгу кубари и кататься на льду. Елисавета и Катерина, ободренныя примѣромъ брата своего, рѣшились также итти на ледъ, хотя сперва и не безъ всякаго страха; но привыкнувши къ тому въ короткое время, также стали онѣ смѣлы, какъ и Петръ. Онѣ бѣгали безъ всякаго опасенія, и возили другъ друга въ маленькихъ санкахъ, которыя прытко катались по льду, и которыми управляли онѣ безъ труда и усилія. Частое паданіе, которое никогда не бывало опасно, увеличивало только забаву ихъ: падали легко, а вставали съ великомъ смѣхомъ. Госпожа Добролюбова вмѣшивалась сама въ игры ихъ. Хотя и не видно было въ ней природной ея веселости, однако же показывала она прежнюю кротость свою и все свое равнодушіе. Ее не видали уже печальну, плачущу и наблюдающу глубокое молчаніе; а когда приходила на нее ми-

минутная тоска, она тотчасъ оставляла комнату, уходила въ кабинетъ свой и чрезъ нѣсколько минутъ возвращалась съ довольнымъ и веселымъ лицомъ.

Въ одинъ день, когда она такимъ образомъ оставила вдругъ дѣтей своихъ, Елисавета пошла ее искать. Она не нашла ее въ горницѣ своей, но ей показалось, что она говоритъ въ своемъ кабинетѣ, изъ котораго дверь была нѣсколько отворена. Елисавета по-тихоньку туда вошла, увидѣла мать свою на колѣняхъ и въ слезахъ, и услышала ее произносящую сіи слова: *Боже, Боже мой! даруй мнѣ болѣе мужества и преданности къ волѣ Твоей.* Елисавета упала на колѣни, прижала къ груди руки свои, и поднявши ихъ къ небу, говорила перерывающимся голосомъ: исполни, Господи, матушкину прозьбу! . . . При сихъ словахъ Госпожа Добролюбова обернулась назадъ, встала и обняла свою дочь, которая съ слезами бросилась въ ея объятія. Обѣ сѣли на канапе, и, по минутномъ молчаніи, Госпожа Добролюбова начала говорить: тебѣ надобно изъяснить то, что ты видѣла. Съ нѣкотораго времени могли вы примѣтить, что меня не терзаетъ уже болѣе та несказанная печаль,

которую чувствовала я по пріѣздѣ нашемъ сюда; однако же причина этой печали все еще не истребилась. Я разлучена съ отцомъ вашимъ и имѣю тотъ же самой поводъ къ беспокойствію; но я искала утѣшенія въ законѣ, которое было для меня очень нужно, и печаль моя уменшилась. Молясь Богу, чувствовала я, что надежда моя и бодрость возобновлялись. Богъ утѣшаетъ и подкрѣпляетъ сердце мое: отъ Божественнаго покрова ожидаю я всего. Ахъ, матушка! сказала Елисавета, обнимая мать свою: позвольте, чтобы всегда, когда вы будете молиться за батюшку, я также съ вами молилась; молитва моя будетъ отъ чистаго сердца..... Хорошо, другъ мой, отвѣчала Госпожа Добролюбова: но не забывай никогда, что безъ истинной и усердной молитвы, не льзя быть никому щастливымъ.

Между тѣмъ село Уединенное день отъ дня становилось пріятнѣе для своихъ жителей. Дѣтямъ казалось уже то совсѣмъ не понятно, какъ онѣ о Москвѣ сожалѣть могли. Самъ Своемысловъ привыкалъ къ *сельской жизни*; горницу его хорошенько законопатили, порядочно нашопили, вставили двойныя окончины

ны и послали на полѣ сукно; сверхѣ того одинѣ небогатой дворянинѣ, человѣкѣ обходительной и доброй, которой жилѣ только въ верстѣ отъ Уединеннаго, довольно хорошо игралѣ въ шашки, и Господинѣ Своемысловѣ нечувствительно сталѣ по прежнему веселѣ. Уговорились, чтобы госпожѣ Добролюбовой и Правосудовой разсказывать для забавы послѣ ужина сказки, отъ половины девятаго часа до половины десятаго. Такое обѣщаніе произвело великую радость въ дѣтяхъ. О исполненіи онаго просили онѣ столь усильно, что Госпожа Добролюбова въ тотъ же еще вечеръ удовольствовала ихъ любопытство. Расположились во кругѣ большаго камина; дѣти сѣли подлѣ матери, которая привлекши къ себѣ глаза и вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ, начала разсказывать слѣдующую повѣсть.

II.

ДЕЛЬФИНА;

или

Щастливое излѣченіе.

Дельфина, однородная дочь и богатая наслѣдница, была знатной фамиліи, пріятна собою, разумна и имѣла доброе сердце. Мелита, мать ея, несказанно ее любила; но привсемъ томъ была она столько слаба и легкомысленна, что не могла никакъ хорошо воспитать дочь свою. Хотя на девятомъ году и было уже у Дельфины множество учителей, однако же она ничему не училась, а любила только танцовать. Въ часы другова ученья была она чрезвычайно лѣнива и обыкновенно въ половину ихъ сокращала, а уяся на усталость свою, или на головную боль. „ Я никакъ не „ хочу, чтобы ей что нибудь вопреки „ дѣлали, беспрестанно твердила Мели„ та. Она нѣжнаго сложенія; прилѣж„ ное упражненіе въ ученіи было бы вред„ но для ея здоровья. Сверьхъ того, съ „ гордостію продолжала она, думаю, „ что и безъ великихъ дарованій могла „ бы она выйти за хорошаго мужа. . . : „ И такъ напрасно, кажется мнѣ, му„ чишь ее. „ Тутъ

Тутъ Петръ пожалъ плѣчами, и сказалъ: „у Госпожи Мелиты ума было не много. Развѣ не надобно тому стараться быть достойнымъ любви, кто богатъ и знатенъ?„.... Надобно сказать еще и то, что человѣкъ, женящійся на молодой дѣвицѣ только для богатства ея, не будетъ имѣть къ ней почтенія и и довѣренности, и истинно щастливою сдѣлаетъ ее единственно столько, сколько она любви достойна. Однимъ словомъ сказать, плоды хорошаго воспитанія, равнодушное и тихое свойство, ученіе и дарованія дѣлаютъ общество наше пріятнымъ и для самихъ насъ открываютъ неистощимой источникъ утѣшенія и щастія; худо же воспитанные люди всегда другимъ въ тягость, и ощущаютъ всю ту непріятность и скуку, которою раждаютъ невѣжество, праздность, недостатокъ разума и пороки сердца. Какъ Дельфину ни ласкали, какъ ни льстили ей и какъ ее во всемъ ни тѣшили, однако же была она ребенокъ самой нещастной. Примѣтно было, что естественныя ея добрыя дарованія всякой день уменьшались, а нравъ портился. Она стала упряма, тщеславна, не покорна; она не могла сносить и тѣни противорѣчія.

Скоро не удовольствовалась она и тѣмъ, что никого не слушалась: она захотѣла всемъ повелѣвать. Въ домѣ раздавала она приказы, самовластно поступала съ слугами, часто вводила ихъ въ брань, а иногда находила удовольствіе разговаривать съ ними. То была горда, то подла, смѣшивая высокомѣріе съ благопристойностію, а подлость съ снисхожденіемъ и благосклонностію; была надута лестью, и не могла жить безъ нее; была наполнена мечтами, не имѣя никакого истиннаго вкуса; скучала своими куклами и игрушками, завидуя въ то же время всему тому, что имѣли другіе, по тому что въ ней не было ни справедливости, ни умѣренности. . . . Какое описаніе! закричала Катерина. Описаніе испорченнаго ребенка, отвѣчала Госпожа Добролюбова, на которое бываютъ похожи и многія двацатилѣтнія женщины. . . . „Двацатилѣтнія женщины„! . . . Двацатилѣтнія! Кто худо воспитанъ, тотъ будетъ имѣть, въ какія бы лѣта не прищелъ, всѣ тѣ же пороки, какія имѣлъ въ дѣтствѣ. Въ мірѣ найдешь множество такихъ большихъ дѣтей, которыхъ лѣта не могли сдѣлать разсудительнѣе, и которыя то забавляютъ,

то

по мучатъ общества. —— Возвратимся къ Дельфинѣ. Она не менѣе достойна была и сожалѣнія. Будучи не въ состояніи управлять собою, была она вдругъ и жестока и своенравна: два порока, часто соединяющіеся вмѣстѣ! Самыя бездѣлки приводили ее въ злобу, и она сердилась безъ всякой причины; послѣ же того грустила она опять о томъ, что была несправедлива и слаба. Она плакала, чувствовала проступки свои, но не имѣла силы исправить себя. Въ прибавокъ къ страданіямъ своимъ была она еще и не очень здорова. Она любила сладкое, не употребляла здоровой пищи, а ѣла только конфекты, пирожное и сахаръ; отъ чего и чувствовала безпрестанно боль въ сердцѣ и желудкѣ. Мать же ея хотѣла, чтобы она очень крѣпко стягивала себя шнурованьемъ. Сама Дельфина радовалась, когда хвалили стройность и тонкость ея стана; и смѣшное сіе тщеславіе было причиною того, что она никакъ не роптала, когда ее стягивали, хотя ей съ нуждою и дышать было можно. Снося такое мученіе безъ огорченія, иногда была она и до чрезвычайности нѣжна. Очень рѣдко прохаживалась она пѣшкомъ, а зимою и никогда. Вѣтръ, холодъ,

солнце и пыль ее устрашали. А чтобы дать вамъ понятіе о всѣхъ ея слабостяхъ, скажу, что въ каретѣ она блѣднела, а увидѣвши мышь, или паука, падала въ обморокъ.

Вмѣсто того, чтобы укрѣпляться въ силахъ, здоровье ея со дня на день ослабѣвало; и Мелита, наполненная страхомъ, скоро должна была прибѣгнуть къ Доктору, которой сказалъ, что состоянiе Дельфины никакъ не было опасно, но что всячески надобно ее веселить и разсѣявать. Дельфину осыпали игрушками и подарками. Всѣ ея желанія предупреждали. Ее возили въ театръ, изъ котораго привозила она съ собою такую тягость и грусть, что ее уже ничто развеселить не могло. Всякой день приходило ей въ голову около дюжины странныхъ мыслей, которыя всегда одобряли, и которыя одна другой были чудеснѣе; на примѣръ, однажды захотѣлось ей чтобы первой въ городѣ парикмахеръ убралъ голову ея куклы. Ее старались уговорить. Она сердилась, изорвала куклу и отъ досады плакала такъ, что всю ее стали терзать ужасныя судороги. Нравъ ея часъ отъ часу становился хуже, и отъ ужасной своей жестокости, своенравія

вія и упрямства сдѣлалася она въ самомъ дѣлѣ несносною. Все ее сердило или огорчало, и она почувствовала, что отъ собственныхъ пороковъ самъ человѣкъ терпитъ еще гораздо болѣе, нежели другіе. Наконецъ нещастная Дельфина, несносная для всѣхъ окружавшихъ ее, впала въ нѣкоторой родъ чахотки, которая привела въ опасность ея жизнь. Тогда было ей двенатцать лѣтъ. Призвали на совѣтъ многихъ Медиковъ, но они всѣ сказали, что болѣзнь Дельфины смертельна.

Мелита, бывши въ отчаяніи, прибѣгла къ одному славному Нѣмецкому Медику. Онъ съ великимъ вниманіемъ разсматривалъ Дельфину, и нѣсколько времени примѣчалъ за нею во всемъ. Наконецъ сказалъ онъ, что отвѣчаетъ за жизнь ея, естьли ее препоручатъ ему. Мелита не усомнилась ни на минуту, отвѣчая Доктору, что дочь свою отдаетъ на его руки. Послушайте, сударыня, говорилъ Медикъ: надобно, чтобы вы совершенно ее мнѣ во власть отдали; а безъ того я ни во что не вмѣшаюсь. Надобно позволить мнѣ взять ее съ собою въ мою деревню. . . . „Какъ? . . . Дочь мою?„ — Да, сударыня; грудь ея начинаетъ слабѣть, и первое лѣкарство,

которое я ей пропишу, будетъ состоять въ томъ, чтобы она восемь мѣсяцовъ прожила въ коровьемъ хлѣвѣ (*) — „Да у меня самой есть хлѣвы.„ — Нѣтъ, сударыня; я возмусь излѣчить ее только съ тѣмъ условіемъ, чтобы она жила въ моемъ домѣ и была подъ смотрѣніемъ моей жены. — „Однакожъ, государь мой, вы конечно позволите, чтобы надзирательница и горничная ея дѣвка съ нею къ вамъ поѣхали. „ . . . — Нѣтъ, сударыня; да естьли вы ввѣрите ее мнѣ на восемь мѣсяцовъ, такъ надобно еще вамъ согласиться и на то, чтобы во все это время съ нею не видаться, потому что я хочу быть полнымъ повелителемъ дочери вашей и не намѣренъ терпѣть никакого противорѣчія. При сихъ словахъ закричала Мелита, что такая жертва превосходитъ силы ея. Она называла Доктора свирѣпымъ и упрямымъ; но онъ не хотѣлъ перемѣнить рѣшенія своего, и оставилъ ее не тронувшись, какъ казалось, ея упреками. Между тѣмъ Мелита скоро одумалась, вспомнивши, что всѣ Медики отказались отъ Дельфины,

(*) Сіе лѣкарство отъ груди очень извѣстно, и часто употребляемо было съ успѣхомъ.

ны, и что Нѣмецкой Докторъ отвѣчалъ за ея жизнь. Она тотчасъ за нимъ послала. Докторъ пришелъ, а Мелита отдала ему дочь свою, хотя и не безъ пролитія многихъ слезъ. Я не въ состояніи описать вамъ горесть и досаду Дельфины, когда сказали ей, что она поѣдетъ одна съ женою Доктора, за которою онъ послалъ, къ нимъ въ деревню.

Сперва не осмѣлились сказать ей ни того, что она оставляетъ городъ на восемь мѣсяцовъ, ниже того, что будетъ жить въ хлѣвѣ. Но не смотря на сію предосторожность, впала она въ великое отчаяніе, и силою надобно ее было посадить въ коляску къ Докторшѣ, которая взяла ее на руки, посадила къ себѣ на колѣни, и велѣла кучеру ѣхать, чему тотчасъ онъ и повиновался.

О бѣдная Дельфина! сказала Катерина, у которой въ глазахъ слезы навернулись: какъ ее жаль! она покидаетъ мать свою на восемь мѣсяцовъ! . . . Печаль ея была естественна, говорила Госпожа Добролюбова; однакожь всякая излишность дурна, и законъ съ разсудкомъ должны всегда предохранять насъ отъ отчаянія. Но болѣе всего обвиняло Дельфину

ну сердце ея и то не простительное презрѣніе, съ которымъ обошлась она съ нею Докторшею; ибо она не удостоивала ее даже и отвѣта.

Около шести часовъ вечера пріѣхали въ не большую докторскую деревеньку, которая отъ города была въ тритцати верстахъ, и вошли въ низенькой домикъ. Представте себѣ свирѣпую досаду повелительной и гордой Дельфины, когда повели ее въ опредѣленную для нее *комнату*. „Куда вы меня ведете? закричала она. Что? въ хлѣвъ? Какая скверность! какой несносной духъ! Выведите меня отсюда.„ —— Этотъ духъ, сударыня, отвѣчала съ тихостію Докторша, очень здоровъ; а особливо для васъ. . . —— „Какой вздоръ! пойдемъ отсюда, говорю. . . Поведите меня въ ту горницу, которая будетъ моею спальною.„ . . —— Вы спать будете въ этомъ хлѣвѣ, сударыня. . . —— „Какъ? Здѣсь?„ . . . —— Точно такъ; вотъ ваша постеля, а вотъ моя: потому что я отъ васъ отходить не буду . . . —— „Я, я буду спать здѣсь? въ хлѣвѣ? въ скверномъ шалашѣ? на такой постелѣ?„ . . —— Хотя эта постеля и не очень мягка, однако же хороша . . . —— „Вы конечно

но шутите.„ . . — Никакъ, сударыня: я вамъ говорю точную правду. Этотъ духъ, которой, къ нещастью, вамъ не нравится, очень полезенъ въ вашемъ состояніи; онъ вамъ возвратитъ здоровье. Для того-то точно мужъ мой и положилъ, чтобы вы въ хлѣвѣ провели большую часть того времени, которое у насъ проживете.

Докторша могла бы говорить гораздо болѣе, потому что Дельфина не въ состояніи была перервать ее. Бѣдная дѣвушка, задыхаясь отъ сердца, упала на постелю свою, не могши выговорить ни одного слова. По красному ея лицу и распухлой шеѣ увидѣла Докторша, что она давится. Она сняла у нее съ шеи перевязку и растегнула шнурованье. Дельфина отдохнула, но облегченіе свое употребила на то, чтобы кричать во все горло, такъ, что всякой бы иной человѣкъ, безъ хладнокровія Докторшина, пришелъ въ ужасъ; но она наблюдала въ семъ случаѣ глубокое молчаніе. Наконецъ черезъ четверть часа, видя, что Дельфина не унималась, сказала она ей: я взялась, сударыня, имѣть смотрѣніе за дѣвушкою больною, а не за бѣшеною; и такъ простите: я приду тогда, когда этотъ припадокъ

падокъ совсѣмъ пройдетъ... — „Какъ? вы меня одну оставляете?„... — Нѣтъ, съ вами останется моя дѣвка... — „Дѣвка?„ .. — Да, дѣвка очень хорошая, смирная... Марья! Марья!... Марья тотчасъ вошла, Докторша вышла изъ хлѣва, а Дельфина съ глазу на глазъ осталась съ большою и толстою Нѣмкою, которая кромѣ природнаго языка своего ни по каковски не говорила.

Какъ скоро Дельфина ее увидѣла, тотчасъ бросилась къ дверямъ, чтобы выбѣжать вонъ. Марья уничтожила ея намѣреніе, заперши двери и положивши ключь въ карманъ. Дельфина съ досадою требовала у нее ключа. Она не могла отвѣчать, потому что не знала языка Дельфинина; однако же смѣялась злобнымъ ея тѣлодвиженіямъ, и посмотрѣвши нѣсколько времени на маленькую, смѣшную и комическую ея фигуру, спокойно сѣла и стала вязять чулокъ. Такое хладнокровіе увеличило досаду Дельфины. Лицо у ней горѣло, а глаза блистали; приближившись къ дѣвкѣ, осыпала она ее тысячью ругательствами. Марья въ изумленіи приподняла голову, посмотрѣла на нее, пожала плѣчами и продолжала работу

работу свою. Такая презрительная ужимка совершенно взбѣсила гордую Дельфину; озлобясь и забывши себя, не могла она найти словъ для изображенія того, что чувствовала; она стояла подлѣ дѣвки, но дѣвка спокойно сидѣла, на нее не смотрѣла, и дѣлала свое дѣло. Дельфина, потеряявшая совсѣмъ разумъ, отступила назадъ, подняла руку и дала нѣмкѣ такую пощечину, которая еще болѣе зарумянило румяную ея щеку. При такомъ нечаянномъ нападеніи она нѣсколко позамѣшалась, но тотчасъ рѣшилась, что дѣлать: положила свой чулокъ, схватила Дельфину и связала ей руки. Дельфина кричала и билась, но руки были у нее опняты. Тутъ начала она чувствовать, что противъ силы дѣлать нечего. Хотя въ сердцѣ и злобилась, однако же кричать перестала и сѣла на стулъ, ожидая возвращенія докторши, и надѣялся, что она согласится прогнать отъ нее безсловесную и толстую дѣвку.

Госпожа Правосудова перервала тутъ повѣсть дочери своей, сказавши, что десятой часъ уже въ половинѣ; дѣтямъ было очень непріятно итти спать, не дослушавши конца Дельфининой исторіи. На другой день ни о чемъ другомъ

онѣ

онѣ не говорили, а вѣ вечеру Госпожа Добролюбова начала разсказывать такимѣ образомѣ.

Мы оставили Дельфину сѣ связанными руками и одну сѣ дѣвкой, вѣ ожиданіи Докторши, которая наконецѣ и пришла, приведши сѣ собою любезнѣйшую свою дочь, Генріетту, лѣтѣ тринатцати. Какѣ скоро Дельфина ее увидѣла, тотчасѣ кѣ ней бросилась, и показывая ей свои руки, жаловалась на грубость дѣвки ея; однако же забыла она сказать о пощечинѣ. Докторша обернулась кѣ Марьи, и требовала у нее отвѣта, которая и оправдала себя двумя словами, отвѣчал, кѣ великому ужасу Дельфины, по-нѣмѣцки. Докторша стала выговаривать Дельфинѣ за необузданность ея. Видите, сударыня, продолжала она, до чего доводитѣ насѣ гордость и сердце. Вы по зло употребили то преимущество, которое надѣ этою дѣвкою даетѣ вамѣ родѣ вашѣ, и вы принудили ее позабыть все почтеніе, которое она кѣ вамѣ имѣть должна. Естьли вы хотите, чтобы такіе люди никогда не забывали надлежащаго кѣ вамѣ уваженія, то поступайте сѣ ними всегда ласково и человѣколюбиво. Говоря сіе, развязывала Докторша Дельфинины

руки

руки, которая съ удивленіемъ слушала столь новой для себя языкъ. Хотя такое благоразумное наставленіе болѣе ее усмирило, нежели тронуло, однако же не могла она не чувствовать справедливости онаго; но будучи испорчена лицемѣріемъ и лестію, была она еще не въ состояніи любить благоразуміе и правду. Докторша представила Дельфинѣ дочь свою, которую приняла она довольно холодно. Скоро готовъ былъ ужинъ. Въ десять часовъ раздѣла Марья печальную Дельфину. Она уложила ее на постелю, и утомленная Дельфина узнала по опыту, что и на жесткой постелѣ въ хлѣвѣ можно спать очень спокойно.

На другой день поутру пришелъ Докторъ посмотрѣть Дельфину, и приказалъ ей всегда часа полтора передъ завтракомъ прогуливаться. Такое приказаніе показалось Дельфинѣ очень жестокимъ: она противорѣчила, но наконецъ надобно было повиноваться. Ее провели въ пространной садъ. Хотя погода была тогда самая лучшая, какая только въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ быть можетъ, однако же Дельфина жаловалась на холодъ и непогоду, увѣряла, что у нее болятъ ноги, и во все время прогулки

плакала; однако же она шла. Ее отвели опять въ хлѣвъ, гдѣ ѣла она съ такимъ вкусомъ, съ какимъ уже она съ годъ не ѣдала. Послѣ завтрака отперла она уборной свой ларчикъ, думая, что Докторша и дочь ея будутъ имѣть къ ней великое почтеніе, когда увидятъ всѣ ея сокровищи. Наполненная такимъ воображеніемъ, съ гордостію вынула Дельфина изъ ларчика прекрасное жемчужное ожерелье и повязала на шею, надѣла изумрудныя серьги, и воткнула въ голову брилліантовую звѣзду. Потомъ сѣла она чопорно противъ Генріетты, которая подлѣ матери своей что-то шила. Генріетта подняла глаза, когда Дельфина противъ нее сѣла, и холодно на нее посмотрѣвши, продолжала шить. Дельфина, удивленная слабымъ дѣйствіемъ своего наряда и горѣвшая жаланіемъ привлечь къ себѣ вниманіе Генріетты, вздумала потчивать ее конфектами, для того только, что коробочка, въ которой онѣ лежали, была сдѣлана изъ чистаго хрусталя и по краямъ осыпана маленькими брилліантами. Генріетта хотя и взяла нѣсколько сахарныхъ кусочковъ, однако же коробочку хвалить совсѣмъ не думала. Дельфина не могла утерпѣть, что

бы

бы не спросить у нее, *какова кажется ей коробочка*? Кажется, что она очень тяжела, отвѣчала Генріетта: соломенная гораздо лучше. —— „Соломенная?„ —— Да, такая, какъ у меня: посмотрите, сударыня, какъ она хороша. —— „Да знаете ли вы ея цѣну?„ —— Что за нужда до цѣны! лишь бы только хороша была. —— „А работа?„ —— Ваша коробочка работою лучше; въ лавкѣ покажется она красивѣе моей, а моя за то въ карманѣ лучше. —— „Да развѣ вы совсѣмъ не смотрите на то, что прекрасно отдѣлано?„ —— Не смотрю, естьли такая вещь неловка въ употребленіи. —— „А бриллианты любите ли вы?„ —— Мнѣ кажется, что молодой дѣвушкѣ лучше пристало сплетенной изъ цвѣтовъ вѣнокъ, нежели бриллиантовая нитка. А когда состарѣешься, примолвила Докторша, то нарядъ уже не поможетъ. —— При сихъ словахъ Дельфина задумалась. Она почувствовала въ себѣ нѣкоторую печаль, какой прежде никогда не чувствовала. Между тѣмъ Докторша произвела въ ней словами своими такое дѣйствіе, что она уже могла себя удерживать; а какъ не хотѣлось ей показать свою досаду, то и рѣшилась она молчать. Чрезъ нѣ-

сколько минутъ сказала Докторша Дельфинѣ: естьли вы любите коробочки, сударыня, такъ я вамъ покажу хорошія. Ахъ! перервала слова ея Генріетта: у матушки есть самыя прекрасныя коробочки. У нее есть и Дендриты. „Дендриты? спросила Дельфина: что такое дендриты?„ — Такъ называютъ, отвѣчала Генріетта, тѣ камни, на которыхъ нечаянность и игра природы изобразила растѣнія или животныхъ. Послѣ сего коротказаго изъясненія Генріетта замолчала, а Дельфина погрузилась опять въ прежнюю свою горесть. Въ первой еще разъ въ жизни своей она нѣсколько разсуждала. Генріетта, говорила она сама съ собою, родилася отъ лѣкаря; нѣтъ у нее ни дорогихъ камней, ни игрушекъ; она никогда не бываетъ въ праздности; она безпрестанно занимается работою: отъ чего же кажется она веселою и спокойною? отъ чего кажется она щастливою, а я съ самаго начала жизни моей никогда довольна не бывала?

Такое размышленіе заставило Дельфину вздохнуть. Она казалась себѣ жалкою, хотя было ей тогда и не такъ скучно, какъ въ городѣ. Разговоры ея съ Докторшею и Генріеттою были для нее

пріятны. Невольнымъ образомъ возбудилось въ ней почтеніе къ первой, а къ молодой Генріеттѣ почувствовала она въ сердцѣ своемъ нѣжнѣйшую склонность.

Около вечера вздумалось ей спросить о своихъ куклахъ и игрушкахъ. Докторша отвѣчала ей, что ихъ забыли въ городѣ, но что черезъ четыре или пять дней она ихъ получить можетъ. Дельфина, не смотря на свое къ ней уваженіе, была тѣмъ не довольна; но Генріетта обѣщала ей сыскать такую вещь, которая съ пріятностію займетъ ее цѣлой вечеръ. Она вышла изъ хлѣва, и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ Марьею, которая несла связку Эстамповъ, представлявшихъ разныя Турецкія моды. Генріетта такъ хорошо умѣла показывать и изъяснять Эстампы, что Дельфина дѣйствительно занималась ими съ великимъ удовольствіемъ. Раздѣваясь, обняла она мать и дочь, сказавши послѣдней: я надѣюсь, что вы завтра мнѣ опять что нибудь покажите.

Дельфина безъ всякаго упрямства легла на постелю; она спала совершенно покойно, а проснувшись, позвала къ себѣ Генріетту, которая тотчасъ и вошла къ ней, бывши уже совсѣмъ одѣта.

Увидѣвши, что Дельфина протянула къ ней руки, бросилась она къ ней на шею. Дельфина тотчасъ встала. Не надобно было принуждать ее къ прогулкѣ; взявши за руку Генріетту, пошла она съ радостію изъ хлѣва. Когда онѣ пришли въ садъ, Генріетта стала бѣгать; сперва удивлялась она ея проворству, а потомъ и сама начала бѣгать съ нею. Генріетта увидѣла бабочку, которая была вся въ розовыхъ и черныхъ полосочкахъ. Ей захотѣлось поймать ее: Дельфина согласилась. Дѣвушки пустились бѣжать; Генріетта, будучи очень легка, въ одну секунду опередила Дельфину, и взяла на себя перехватить у бабочки дорогу, естьли Дельфинѣ не удастся поймать ее на травкѣ, на которой она сидѣла. Дельфина къ самомъ дѣлѣ неосторожно къ ней подбѣгала, такъ что бабочка слетѣла. Онѣ гнались за нею до тѣхъ поръ, какъ она сѣла наконецъ на розовомъ кусту. Дельфина приближалась уже осторожнѣе, руки подняла вверхъ, голову выставила впередъ, ноги чуть передвигала —— наконецъ подошла она къ самому кусту. Сердце у нее билось; она старалась не дышать, чтю бы не привести въ движеніе листочковъ;

она

она протянула трепещущую руку, думая, что добыча уже ея —— но бабочка улетѣла, проскользнувши у Дельфины между пальцевъ, такъ что и слѣды полета своего тутъ оставила.

Дельфина вздохнула, увидѣвши у себя на рукѣ нѣкоторую часть той блестящей пыли, которая украшала бабочкины крылья. Хотя она и такъ уже устала, однако снова опять погналася за бабочкою. Наконецъ привела она ихъ съ Генріеттою ко рву, которой отдѣлялъ садъ отъ превеликой рощи. Она перелетѣла туда. Генріетта перескочила тотчасъ черезъ ровъ. Дельфина, которая не умѣла прыгать, должна была остановиться. Между тѣмъ, какъ она о томъ грустила, Генріетта догнала бабочку, и закричавши въ радости: *поймала! поймала!* перескочила въ туже минуту назадъ, держа тихонько бабочку за кончики крыльевъ; какъ она ни мошала своими ножками и какъ ни старалась получить свободу, однако же вырваться не могла.

„Ахъ какъ это весело! „вскричала Катерина: „какъ не терпѣливо дожидаюсь я весны, что бы также ловить бабочекъ! „

— Такъ бы ты желала, спросила Госпожа Правосудова, что бы зима уже миновалась? — „Желала бы, бабушка; мы бы увидѣли бабочекъ съ розовыми крыльями„ — За то не имѣли бы вы уже удовольствія кататься на пруду, возить санки свои по льду и играть въ снѣжки. — „И то правда; мнѣ бы жаль было съ эшимъ разстаться „ — Ты не будешь жалѣть, естьли до конца зимы станешь пользоваться ея удовольствіями. Все расположено наилучшимъ образомъ; естьли бы во весь годъ видѣли мы одни цвѣты, одну зелень, однѣхъ розовыхъ бабочекъ: то на все бы это стали мы наконецъ смотрѣть равнодушно. Помните, дѣти, что кто хочетъ быть щастливымъ, тому надобно заниматься болѣе тѣмъ добромъ, которое имѣетъ, нежели тѣмъ, которое еще впредь имѣть надѣется. Истребите же свою нетерпѣливость, а желанія свои умѣряйте: естьли не будетъ въ васъ умѣренности, то вы никогда и ни въ чемъ не найдете истиннаго удовольствія. Ожиданіе весны произведетъ въ васъ отвращеніе отъ зимы, а воображеніе осенніхъ плодовъ отниметъ пріятность у цвѣтовъ и другихъ произведеній лѣта. И такъ никакое время въ году не будетъ васъ

прель-

прельщать; въ такомъ же странномъ расположеніи разума не найдешь удовольствія ни въ снѣжныхъ кубаряхъ, ни въ бѣганьи за бабочками. —— „Правда, бабушка, правда; теперь даю вамъ слово, что никогда уже небуду съ нетерпѣніемъ ожидать весны. „

Въ дядюшкиномъ саду видалъ я бабочекъ, сказалъ Петръ, но ни одной не могъ поймать для того, что онѣ летаютъ не прямо, а все вертятся. —— „Правда что онѣ летаютъ совсѣмъ особливымъ образомъ, отвѣчала Госпожа Добролюбова: то поднимаются, то опускаются; то въ лѣво повертываются, то въ право. А причина этому та, что онѣ не могутъ разбивать воздухъ обоими крылышками вмѣстѣ; отъ чего, можетъ быть, одно крыло машетъ не такъ сильно, какъ другое. Такой полетъ для нихъ выгоденъ; потому что онъ спасаетъ ихъ отъ птицъ, которыя за ними гоняются: птица летитъ прямо, а бабочка виляетъ изъ стороны въ сторону и всегда отъ нее увертывается. „ —— А гдѣ, матушка, самыя лучшія бабочки? спросила Елисавета. „ Китайскія и Американскія бабочки, а особливо на Амазонской рѣкѣ, болѣе прочихъ достойны примѣчанія по своей величинѣ, прекрасному

цвѣту и складу. (*) Въ Китаѣ посылаютъ самыхъ лучшихъ бабочекъ ко Двору Императора. Ими украшаютъ Дворецъ. Для ловли ихъ употребляютъ маленькую шел-

---

(*) Всякая бабочка была прежде червячкомъ, превратившимся въ Кризалиду или Нимфу, а наконецъ уже въ бабочку. Часто мѣшаютъ Кризалидъ съ Нимфами, хотя онѣ въ нѣкоторомъ отношеніи и различны. Нимфами называютъ собственно то состояніе насѣкомыхъ, когда онѣ бываютъ покрыты прозрачною, очень тонкою и гибкою кожицею, сквозь которую видѣнъ уже весь остовъ будущаго насѣкомаго. Всѣ мухи проходятъ состояніе сіе, въ которомъ онѣ съ мѣста на мѣсто передвигаются и собираютъ для себя пищу. На Кризалидахъ кожа гораздо толще, и онѣ не имѣютъ продолжительнаго движенія.

Физики означаютъ словомъ *Ларвы* тѣхъ насѣкомыхъ, которыя находятся въ первомъ своемъ состояніи, выползши изъ яйца.

Въ Миѳологіи, по суевѣрію язычниковъ, *Ларвы* были души злыхъ людей, которыя повсюду бродили въ гнусныхъ видахъ; мнимыхъ сихъ нощныхъ привидѣній называли они еще и другимъ именемъ *Lemures*,

шелковую сѣточку (*). Сказываютъ, что любопытство заставляетъ нѣкоторыхъ Китайцовъ примѣчать жизнь насѣкомыхъ этова рода (**). Они берутъ тѣхъ червячковъ, которымъ уже надобно покрыться кожицею, запираютъ ихъ множество вмѣстѣ въ коробочку, наполненную маленькими прутиками, и услышавши біеніе ихъ крылошекъ, выпускаютъ ихъ въ такую комнату, въ которой стѣны составлены изъ стеколъ, и которая вся укладена цвѣтами. „ — — Тутъ всѣ дѣти вдругъ начали просить позволенія подражать Китайцамъ: *примѣчать родъ жизни бабочекъ*, сдѣлать шелковыя сѣточки, стекляныя комнаты и проч. Мать ихъ обѣщала имъ доставить сіе удовольствіе, то есть, снабдить ихъ къ тому всѣмъ нужнымъ, только съ тѣмъ дого-

(*) Сія сѣточка, говоритъ Г. Бомаръ, имѣетъ въ ширину восемь дюймовъ; она повѣшена на проволокѣ съ легкою деревянною рукояткою.

(**) Вообще называютъ насѣкомыми тѣхъ животныхъ, которыхъ тѣла состоятъ изъ колецъ и насѣчекъ. Но онѣ различаются и многими другими знаками. Одинъ изъ первыхъ есть тотъ, что у нихъ нѣтъ костей.

договоромъ, что бы онѣ все сами дѣлали, и чтобы въ семъ случаѣ принимали только отъ другихъ совѣты. На договоръ сей дано было согласіе съ величайшимъ удовольствіемъ.

Дѣти просили Гжу. Добролюбову продолжать исторію Дельфины. Она исполнила ихъ прозьбу. Генріетта и Дельфина, сказала она, остались у насъ въ саду. Около девяти часовъ позволила имъ Докторша вмѣстѣ завтракать въ комнатѣ у Генріетты. Дельфина нашла тутъ все новые для себя предметы : тутъ были высушенные цвѣты подъ стеклами, раковины, бабочки, изображавшія прекрасныя картинки, и проч. На вопросы Дельфинины отвѣчала Генріетта съ обыкновенною своею пріятностію. Она показывала ей все въ подробности, и сказывала, что раковинъ раздѣляютъ на три степени (*), и что сіи три степени составляютъ двацать семь семействъ, которыя заключаютъ въ себѣ всѣ различные роды извѣстныхъ раковинъ. Дельфина слушала Генріетту съ великимъ удив-

(*) На одночерепныя, или состоящія изъ одной части, на двучерепныя, или состоящія изъ двухъ частей, и на многочерепныя, или состоящія изъ многихъ частей.

удивленіемъ и любопытствомъ. „Какъ много знаете вы!„ вдругъ вскричала она. Кто? я? говорила Генріетта: нѣтъ, я еще ничего не знаю; а что и знаю, такъ знаю безпорядочно и неосновательно. Однакожь мнѣ очень хочется учиться, и я очень люблю читать. — „Читать? это очень странно.„ Странно? а мнѣ кажется, что всякой читать любитъ. — „Этова я не думала.„ — Естьли угодно вамъ, такъ берите у меня книги. — „Хорошо, пока еще не привезутъ моихъ игрушекъ.„ — Я вамъ принесу очень хорошую книжку, переведенную съ Нѣмецкаго языка. — „Съ вашего языка?„ — Да, сударыня. — „Я не могу увѣрить себя, что вы Нѣмка. Нашимъ языкомъ говорите вы чрезвычайно хорошо. Вы старѣе меня только однимъ годомъ, а знаете отмѣнно много.„ Увѣряю васъ, что я нахожу себя очень еще несвѣдущею; однако же я много читала, иногда одна, а иногда съ матушкою. Я никогда не бываю въ праздности, и года уже два совсѣмъ за куклы не принималась. — Генріетта вынула изъ маленькой своей библіотеки книжку и подала ее Дельфинѣ, которая подарокъ сей приняла съ довольнымъ равнодушіемъ.

Док-

Докторша проводила ее опять въ хлѣвъ и оставила одну подъ надзираніемъ Марьи, сказавши ей, что возвратится часа черезъ два, или черезъ три.

Тутъ Госпожа Добролюбова посмотрѣла на часы, встала, и послала дѣтей ложиться на постелю, хотя онѣ и никакъ спать не хотѣли, будучи увеселены повѣствованіемъ ея. Надругой день Елисавета и Катерина неотступно просили Анну выучить ихъ вязать филе, чтобы къ Апрѣлю мѣсяцу вывязать сѣточку, которою бы можно было переловить въ селѣ Уединенномъ всѣхъ бабочекъ. Петръ съ своей стороны старался узнать подробно, какимъ бы образомъ сдѣлать прочно и безубыточно стеклянную комнашу. Иванъ, слуга его, далъ ему въ томъ самыя лучшія наставленія, какихъ онъ только пожелать могъ. Студентъ подарилъ ему *Зрѣлище Природы*, и послѣобѣднее упражненіе состояло въ чтеніи сей книги. Однако же ничто немогло ослабить желанія знать конецъ Дельфининой исторіи, и въ обыкновенное время Госпожа Добролюбова начала разсказывать.

Дельфина, будучи одна съ Марьею и безъ игрушекъ, вздумала искать въ книгѣ лѣкарства отъ скуки. Она развернула

нула ее съ великимъ равнодушіемъ и сѣла читать. Упражненіе сіе очень скоро показалось ей пріятнымъ. Книга, которую она читала, была писана собственно для дѣтей возраста ея. Она съ изумленіемъ увидѣла, что чтеніе можетъ занимать мѣсто множества другихъ забавъ. Размышляя о сей новости, услышала она у дверей хлѣва стукъ. Марья отворила двери, а Дельфика увидѣла старую крестьянку, которую вела дѣвушка лѣтъ пятнатцати или шестнатцати. Не ты ли, сударыня, Генріетта? спросила у Дельфины дѣвушка. — „Нѣтъ, душинька; однакожь она скоро сюда придетъ.„ Старуха стала просить, что бы ей позволили тутъ дождаться Генріетты, сказавши, что ей необходимо надобно говорить съ нею. Въ сію минуту Дельфина примѣтила, что старуха была слѣпа; отъ чего и пришло ей въ голову спросить у нее, не за тѣмъ ли она пришла, чтобы посовѣтоваться съ Докторомъ въ разсужденіи своей болѣзни. „Сама бы собою я никогда не пришла сюда: за мною посылала Генріетта.„ — Какъ это? — Тутъ старуха разсказала ей, что она живетъ отъ Докторовой деревни въ верстѣ, и что уже она слѣпа три года. „По тому

тому болѣе тяжела мнѣ эта болѣзнь, говорила она, что внука моя, которая меня сюда привела, была любима зажиточнымъ молодымъ крестьяниномъ изъ здѣшней деревни, но не пошла за него для того, что бывши замужемъ и заботившись о домѣ, не надѣялась она имѣть времени ходить за своею слѣпою бабушкою, сотовариществовать ей, служить и повсюду водить ее, и что она не хотѣла ввѣрить ее никому другому. „ Дѣвушка вошла сама въ рѣчь, говоря, что мысли ея въ семъ случаѣ очень справедливы; потому что лишась отца и матери въ самомъ еще своемъ ребячествѣ, была она воспитана бабушкою. „ Для того-то не хочетъ этотъ милой ребенокъ меня и покинуть, сказала старуха. Генріетта все про насъ узнала и прислала за мною съ тѣмъ, чтобы попросить лѣкарства у батюшки ея, которой многихъ людей сдѣлалъ съ глазами, хотя они прежде не видали ни синяго волоса. „

Въ туже самую минуту вошла Генріетта. Съ величайшею нѣжностію обняла она и старуху и дѣвушку, дѣлала имъ разные вопросы, принимая искренное участіе въ судьбѣ ихъ, и отвѣты ихъ слушала съ чувствительностію. Наконецъ

взяла

взяла она старуху за руку, и сказала, чтобы она шла съ нею къ отцу ея, которой только что пріѣхалъ изъ города. — Она принудила старуху опереться о плѣчо свое, а другою рукою взявши ея внуку, пошла съ ними изъ хлѣва.

Такое явленіе произвело сильное впечатлѣніе въ Дельфинѣ. Никогда еще Генріетта не была въ глазахъ ея такъ любезна, такъ разумна. Съ восхищеніемъ приводила она себѣ на мысль разговоръ ея съ крестьянками, а особливо тогдашній видъ лица ея. Такое воспоминаніе, представляя ей Генріетту въ прекраснѣйшемъ образѣ, умножило ея къ ней любовь и вселило въ нее желаніе быть ей подобною: желаніе, котораго она прежде еще не чувствовала.

Черезъ четверть часа Генріетта возвратилась, будучи внѣ себя отъ радости. „Благодарю Бога, сказала она Дельфинѣ, что я вздумала послать за этою женщиною! батюшка надѣется возвратить ей зрѣніе. Черезъ восемь дней хочетъ онъ снять унее съ глазъ бѣльма, и по моей прозьбѣ продержитъ ее здѣсь до того времени, какъ она совсѣмъ будетъ здорова. Подумайте, сударыня, какъ я щастлива! когда старуха получитъ зрѣніе, внукъ ея можно будетъ

выпши за того богатаго крестьянина, которой за нее сватался; бабушкѣ не будетъ уже нужды вѣтомъ, чтобы внука ее водила. Любовь этой добродѣтельной дѣвушки къ воспитательницѣ своей не заставитъ уже ее отказываться отъ самаго выгоднаго для нее замужства.„ —— Чувствую, сударыня! съ жаромъ произнесла Дельфина: чувствую, какъ вы щастливы, и сколько вы достойны быть всегда щастливою!.. Ахъ, дражайшая Генріетта!...

Приходъ Доктора съ женою перервалъ разговоръ. Докторъ по обыкновенію своему спросилъ у больной о состояніи ея здоровья. Мнѣ гораздо лучше, отвѣчала она: я только лишь чувствую нѣкоторую усталость отъ давишняго бѣганья; однакожъ эта усталость не наводитъ на меня того унынія, съ которымъ возвращалась я въ городѣ съ баловъ, или изъ театра. Для меня это никакъ не чудно, сказалъ Докторъ съ усмѣшкою: городскіе прыжки производятъ лихорадку, а деревенскіе, вмѣсто всякой опасности, производятъ аппетитъ, сонъ и тотъ здоровой румянецъ, которой покрываетъ щеки у Генріетты —— Докторъ пощупалъ у Дельфины пульсъ, и велѣлъ ей исполнять прежнія предписанія. Въ

Въ тотъ же день получила Дельфина письмо отъ матери своей. Она показала его Генріеттѣ, которая, погодя не много, пошла и принесла ей чернильницу и бумагу. Вы можете теперь отвѣчать вашей матушкѣ, сказала она Дельфинѣ. Дельфина закраснѣлась и потупила глаза къ землѣ, сказавши: да вить я, къ нещастію своему, и писать не умѣю. Какъ! совсѣмъ не умѣете? спросила Генріетта. — „Я пишу только однѣ большія буквы, да и все тутъ.„ — Генріетта, увидѣвши, что такое признаніе очень усмирило Дельфину, почувствовала къ ней жалость, и сказала: не удивительно, что при болѣзни вашей воспитывали васъ не такъ, какъ бы должно было; но будучи теперь въ лучшемъ состояніи, можете вы наградить потерянное время. — „Ахъ! какъ бы я была рада, естьли бы здѣсь кто нибудь могъ меня учить писать!„ — Я пишу не совсѣмъ худо; и естьли вы позволите, то я готова быть вашею учительницею. — — Вмѣсто отвѣта Дельфина бросилась къ Генріеттѣ на шею; уговорились, чтобы въ слѣдующій же день быть первому уроку.

Дельфина начала стыдиться чрезвычайнаго своего невѣжества. Она полюби-

ла Генріетту и удивлялась ей, а сія употребляла всю свою надѣ нею власть только на то, чтобы ее чѣмъ нибудь занимать и научать; она представляла ей такіе хорошіе примѣры, и казалась столь щастливою, что Дельфина не могла противиться желанію ей подражать. Сверьхъ того находила она великое удовольствіе въ разговорахъ съ нею и съ Докторшею: удовольствіе, которое со дня на день лишь только умножалось. Иногда изъясняла ей Докторша Ботанику или Минералогію (*), иногда разсказывала примѣчанія до-

(*) Ботаника есть часть Натуральной Исторіи, которая имѣетъ предметомъ познаніе всего Царства Растѣній. Наука сія занимается также и травами, равно какъ и всемъ тѣмъ, что имѣетъ непосредственное сношеніе съ тѣлами организованными. Она раздѣляется на три главныя части: одна часть касается до наименованія травъ, другая до ихъ питанія, а третія до ихъ свойствъ. Нѣкоторые примѣчатели полагаютъ отъ 18 до 20000 родовъ растѣній, щитая всѣ тѣ, которыя найдены были въ старомъ и новомъ мірѣ. Думаютъ, что неизвѣстныхъ растѣній находится около 25000 родовъ. Что-

достойные случаи изъ Исторіи; иногда же говорила съ нею о Германіи, о полез-

 ныхъ

Чтобы получить въ короткое время ясное понятіе о Ботаникѣ, надобно читать Французскую книгу, подъ заглавіемъ: les Démonſtrations élémentaires de Botanique à l'uſage de l'Ecole Royale Veterinaire 2 Vol.

Натуральная Исторія есть Исторія всѣхъ вещей, вселенную составляющихъ: исторія неба, атмосферы, земли и всѣхъ феноменъ въ мірѣ; даже и самая исторія человѣка принадлежитъ къ Исторіи Натуральной,

Слово Минералъ означаетъ обыкновенно все то, что вынимается изъ земли. Натуральную Исторію раздѣляютъ на три части, которыя называютъ Царствами: Царствомъ Минеральнымъ, Царствомъ Растѣній и Царствомъ Животныхъ. Зоологіею называютъ ту науку, которая сообщаетъ познаніе о животныхъ. Наука сія также раздѣляется на столько частей, сколько есть родовъ животныхъ, а именно: на Антропологію или исторію человѣка, Тетропологію или исторію четвероногихъ, Орнитологію или исторію птицъ, Амфибіологію или исторію Амфибій, Ихтіологію или исторію рыбъ, Энтомологію

ныхъ заведеніяхъ и рѣдкостяхъ въ Вѣнѣ; о великолѣпномъ собраніи картинъ въ Дрезденѣ и Диссельдорфѣ; о славныхъ садахъ въ Нейвалдекѣ, Верлицѣ и Швецингенѣ, до котораго отъ Мангейма 4 часа ѣзды, гдѣ находятся прекрасныя бани, великолѣпныя развалины водянаго замка и храма Аполлонова, славная мечеть

гію или исторію Насѣкомыхъ, Зоофитологію или исторію Зоофитовъ. Зоофитами называютъ морскія шѣла, которыя имѣютъ натуру или естество живошнаго, а образъ растѣнія; для того-то называютъ ихъ животными растѣніями или растительными животными.

Кто хочетъ читать Натуральную Исторію, тому нужно знать значеніе всѣхъ сихъ различныхъ именъ. Но тотъ будетъ великимъ педантомъ, кто станетъ употреблять ихъ въ разговорахъ: на прим. очень бы смѣшно было, естьли бы кто нибудь сказалъ, что онъ занимается Тетраподологіею или Ихтіологіею, вмѣсто того, чтобы сказать: я занимаюсь исторіею четвероногихъ животныхъ, или исторіею рыбъ; ибо надобно говорить вразумительно для всѣхъ, естьли не хочешь показать невѣжества своего въ наукѣ жить и своего малоразумія.

четь и великое множество рѣдкихъ деревъевъ. Она описывала ей Реинсбергскіе сады въ Пруссіи и прекрасный храмъ дружбы, созданный Героемъ и великимъ Королемъ, и находящійся среди садовъ въ Сан-суси. Сей примѣчанія достойный памятникъ сдѣланной изъ мрамора, заключаетъ въ себѣ Мавзолею Графини Барейтской, сестры Королевской, и основанъ на великолѣпныхъ столпахъ, на которыхъ начертаны имена славнѣйшихъ друзей древности: Тезея и Пиритона, Ореста и Пилада, Эпаминонда и Пелопида, Цицерона и Аттика, и прочихъ Героевъ, достойныхъ жить всегда въ памяти людей: ибо они были и велики и чувствительны, и щастіемъ своимъ, своею славою и честію обязаны единственно добродѣтели и пріятностямъ дружбы. — Дельфина слушала все сіе съ великимъ вниманіемъ. Непримѣтнымъ образомъ почувствовала она великую привязанность къ Докторшѣ, начала понимать цѣну ея наставленій и просить сама объ оныхъ; она повиновалась ей добровольно, любила ей угождать и ощущала великую радость, когда Докторша бывала ею довольна.

Между тѣмъ и Генріетта и Дельфина несказанно радовались приближенію

того дня, въ которой надлежало снять бѣльма съ глазъ старой крестьянки. Богатой поселянинъ, болѣе еще прежняго влюбленной во внуку ея, приходилъ просить Генріетту и Докторшу о покровительствѣ въ разсужденіи своей любви. Отговорка ея, ясно показавшая любовь ея къ бабушкѣ своей, представила ее въ глазахъ его гораздо еще прелестнѣйшею. Докторша говорила съ нею, и она призналась, что *молодой поселянинъ достоинъ всякаго почтенія.*

„Однакожъ я надѣюсь, сказала Катерина, что она не согласится итти за мужъ, естьли бабушкѣ ея не возвратитъ Докторъ зрѣнія„ — Ты надѣешься? спросила Госпожа Добролюбова: по себѣ ли ты судишь о ней? — О нѣтъ, матушка! отвѣчала Катерина; тогда бы надобно было мнѣ сказать, что *я увѣрена.„* — Госпожа Правосудова протянула къ Катеринѣ руку; она вскочила и бросилась обнимать свою бабушку, а по томъ мать. — Нѣсколько секундъ помолчавши, Госпожа Добролюбова продолжала повѣсть свою.

Молодая крестьянка рѣшительно обѣщалась выйти замужъ за вѣрнаго своего любовника, естьли бабушка станетъ по пре-

прежнему видѣть, и естьли онъ согласишся взять ее къ себѣ въ домъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ согласился онъ на предложенное условіе; будучи исполненъ къ дѣвушкѣ истиннаго почтенія и нѣжнѣйшей любви, ожидалъ онъ назначеннаго для операціи дня со страхомъ и надеждою, съ беспокойствомъ и нетерпѣніемъ.

Наконецъ сей день насталъ. Дельфина получила позволеніе быть въ числѣ зрителей. Около обѣда пошла Генріетта за старухою и привела ее къ Доктору въ кабинетъ. Въ чувствительнѣйшихъ выраженіяхъ изъявляла она благодарность молодой своей благодѣтельницѣ, и пожимая ея руку, сказала, что естьли Богъ возвратитъ ей зрѣніе, то она съ такимъ же почти удовольствіемъ будетъ смотрѣть на Генріетту, съ какимъ и на внуку свою. Докторъ велѣлъ всѣмъ молчать. Добродушная старуха сѣла на кресла, желая, чтобы внука ея и Генріетта подлѣ нее были. Пламенной любовникъ блѣднелъ и трепеталъ, стоя подлѣ стола, а внука закрывши лицо свое передникомъ, чтобы не видѣть операціи, взяла бабушкину руку и омывала ее слезами своими. Докторша и Дельфина, сидя

отъ нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи, съ чувствительностію смотрѣли на картину сію. Докторъ началъ операцію, и старуха мужественно ее вытерпѣла. *Все сдѣлано*, сказалъ Докторъ. Въ ту же секунду старуха закричала: Боже мой! я опять вижу! - - - я вижу тебя, любезная дочь! . . . гдѣ же Генріетта? —— Внука ея, проливая слезы, бросилась къ ней въ объятія. Генріетта въ восхищеніи стала ее обнимать, а молодой поселянинъ кинулся къ ногамъ своей возлюбленной, сказавши: *теперь ты моя.* —— При семъ трогательномъ зрѣлищѣ Дельфина, будучи внѣ себя, вдругъ вскочила, бросилась къ Генріеттѣ и одними только слезами могла изъявить тѣ сладчайшія ощущенія, которыя исполняли ея душу.

Петръ, проливая слезы, сказалъ: я увѣренъ, что Дельфина будетъ съ этова времени не хуже Генріетты. Ты не обманываешься, продолжала Госпожа Добролюбова: Дельфина уже узнала, что рожденіе и дорогіе камни не могутъ насъ сдѣлать щастливыми, но что только одно доброе сердце доставляетъ намъ благополучіе въ жизни. Будучи свидѣтельницею невинной радости Генріетты, видя усерднѣйшую благодарность, которую приносили

сили ей старуха и чета любящихся, и читая въ глазахъ Доктора и жены его то щастіе, которое доставляла имъ дочь, столь достойная ихъ нѣжности, завидовала Дельфина благополучію подруги своей, чувствуя при томъ въ сердцѣ своемъ и умноженіе къ ней любви. Послѣ сихъ первыхъ безпокойныхъ и трогательныхъ минутъ просилъ Докторъ вылѣченную имъ старуху, чтобы она назначила день свадьбы; послѣ чего и положено было, чтобы черезъ три недѣли щастливые любовники содѣлались щастливыми супругами. Докторъ и жена его взяли на себя готовить для невѣсты приданое, а Генріетта просила позволенія подарить ей кусокъ хорошаго полотна, которой она за день передъ тѣмъ получила въ подарокъ отъ машери своей. Во весь день Дельфина не слыхала ничего, кромѣ похвалъ Генріеттѣ. Старуха называла ее *милою своею благодѣтельницею.* Благодаря Доктора, всегда приговаривала она сіи слова: *Генріетта сдѣлала меня щастливою; она присылала за мною; она была причиною того, что меня приняли въ здѣшнемъ домѣ; она навѣдывается о всѣхъ страждущихъ; она узнаетъ ихъ, посылаетъ за ними и дѣлаетъ ихъ щастливыми.*

живыми. — Между тѣмъ внука ея цѣловала у Генріетты руки. Женихъ не смѣлъ говорить, но глаза его возведены были на небо; взоры его изъявляли живѣйшую благодарность. Всѣ люди въ домѣ превозносили молодую свою Госпожу похвалами и разсказывали другъ другу множество разныхъ добрыхъ дѣлъ ея. Родители Генріеттины не могли нарадоваться своею дочерью. Всѣ похвалы принимала она со скромностію и чувствительностію, относя ихъ къ матери своей. Она говорила ей: безъ васъ, безъ нѣжныхъ попеченій вашихъ не могла бы я имѣть такого удовольствія. Ахъ, матушка! искорените всѣ тѣ пороки, которые еще остались въ сердцѣ моемъ, чтобы я была достойна моей родительницы и могла бы ее сдѣлать совершенно щастливою!

Такія рѣчи не безъ пользы доходили до ушей Дельфининыхъ. Оставшись вечеромъ одна съ Докторшею въ хлѣвѣ, сѣла она къ ней на колѣни и посмотрѣвши на нее съ нѣжностію, сказала: ахъ, сударыня! какъ могли вы до этова часа терпѣть меня, меня, совсѣмъ непохожую на Генріетту! какою негодною должна была я казаться вамъ! — Довольно уже и того, говорила Докторша,

что

что вы чувствуете недостатки свои; сверхъ того, съ нѣкотораго времени ведете вы себя гораздо лучше прежняго: всѣ примѣчаютъ въ васъ хорошую перемѣну. Какъ еще далека я отъ любезнѣйшей Генріетты! перервала слова ея Дельфина: вчера еще нетерпѣливостію своею заставила я васъ два или три раза пожимать плѣчами. Даже и нынѣ сердилась я на Маріанну и очень желала того, чтобы вы Марью побранили —— Ахъ! я еще позабыла просить у Марьи прощенія за пощечину, которую я, къ нещастію своему, дала ей по пріѣздѣ сюда. Какъ ее жаль! Она такъ мила, чтобы рукѣ моей и подняться на нее было не должно. Ахъ, сударыня! позовите ее: пусть узнаетъ она, какъ я раскаяваюсь. —— Докторша призвала Марью. Дельфина подошла къ ней съ самымъ покорнымъ видомъ, прося Доктору переводить ей то, что она говорить станетъ; послѣ чего и начала она искренно и чувствительно извинятьсся. Съ восхитительной пріятностію кончила Дельфина рѣчь свою слѣдующими словами: естьли ты, душа моя, простишь меня, то позволь мнѣ поцѣловать ту щеку, по которой я тебя въ бѣшенствѣ своемъ ударила. Докторша перево-

дила

дила на Нѣмецкой языкѣ всѣ слова ея. Марья, будучи чувствительно тронута, не смѣла изъ почтенія подойти къ Дельфинѣ; однакожь она сама къ ней бросилась и обняла ее отъ всего сердца, чувствуя, что такимъ поступкомъ поправляетъ она прежнее свое худое дѣло. Марья пошла вонъ, осушая глаза свои, которые у нее наполнены были слезами, и сказавши по Нѣмецки, что Дельфина была *самая любезная дѣвушка*. Когда она ушла, Дельфина отперла ларчикъ свой и вынула кисейной платокъ, говоря, что она назначила его въ подарокъ Марьѣ. Для чего же, спросила Докторша, вы его теперь не подарили ей? Она бы подумала, отвѣчала Дельфина, что я подаркомъ хочу ей заплатить за почещину; вмѣсто удовольствія, сдѣлалъ бы онъ ей обиду. Я думаю, что деньгами никакой дурной поступокъ загладить не можно. Простила ли бы мнѣ Марья съ такимъ чистосердечіемъ, естьли бы я видомъ своимъ показала ей, что прощеніе хочу получить отъ нее за деньги? —— Вы очень хорошо разсуждаете, сказала Докторша: вы доказываете тонкость свою. Думайте такъ всегда: такимъ образомъ щедрость ваша будетъ для всѣхъ гораздо драгоцѣннѣе,

нѣе, да и всѣ дѣла ваши будутъ вообще вдвое лучше.

Тутъ пришли сказать, что Мелита прислала къ Дельфинѣ нарочнаго Онъ принесъ ей письмо, въ которомъ просила Мелита дочь свою увѣдомлять ее о всемъ томъ, чего ей только захочется, и описать къ ней, какія игрушки будутъ для нее пріятнѣе. Прочитавши письмо, Дельфина вздохнула, и прося Докторшу написать за нее письмо къ матери ея, сказывала ей слѣдующее:

„Благодарю васъ, матуша, за вашу „милость; а что касается до игрушекъ, „то я ихъ уже не люблю. Однакожь волю „вашу я исполню и скажу вамъ, что бы „теперь могло мнѣ сдѣлать великое „удовольствіе. Здѣсь есть бѣдная кре„стьянка, старуха очень добродушная; „правда, что внука ея выходитъ за „мужъ за богатаго крестьянина: но какъ „деньги будутъ у мужа, то онъ, можетъ „быть, и не дастъ бабушкѣ того, чѣмъ „бы внукѣ захотѣлось наградить ее; „по крайней мѣрѣ я боюсь этова, а мнѣ „хочется, чтобы старуха не имѣла ни „въ чемъ недостатка. Я ее люблю не „за то только, что она праводушна, но „за то, что она мать; чувствую, что

„добро-

„ добросердечную мать предпочла бы я
„ всякой иной добросердечной женщинѣ.
„ Милая моя хозяйка и надзирательница
„ говоритъ, что пятьдесятъ рублей еже-
„ годнаго дохода сдѣлаютъ бѣдную ста-
„ руху щастливою. И такъ прошу васъ,
„ машушка, прислать мнѣ вмѣсто обѣщан-
„ ныхъ игрушекъ пятьдесятъ рублей,
„ которые я тотъ же часъ отдамъ
„ добринькой старушкѣ. Мнѣ бы хотѣлось
„ подарить ей еще кусокъ бѣлаго тканья,
„ изъ котораго бы могла она сдѣлать
„ себѣ къ внукиной свадьбѣ новое платье.
„ Простите, машутка! желаю вамъ
„ покойной ночи. Здоровье мое со дня
„ на день поправляется. Хозяйка моя
„ чрезвычайно меня любитъ, и я почла
„ бы себя теперь очень благополучною,
„ естьли бы не лишена была щастія ви-
„ дѣть любезную мою машушку. По
„ крайней мѣрѣ портретъ ея никогда не
„ выходитъ изъ рукъ моихъ. Всякой
„ день я его цѣлую, желая ему и *добра-*
„ *го утра* и *добраго вечера*. Сердце у меня
„ всегда отъ грусти сжимается, когда я
„ вспомню, сколько верстъ раздѣляетъ
„ меня съ вами; что мнѣ всегда на
„ мысль приходитъ, когда я цѣлую
„ портретъ вашъ. Естьли бы не это,

такъ

„такъ бы мнѣ было здѣсь очень весело: „здѣшняя деревенька наполнена пріятно„стями, а говорятъ, что въ нынѣшній годъ „и вишенъ родится множество. Скажите, „матушка, нянѣ моей, что я выкармливаю „для нее скворца, хотя ей и угодно было „написать къ Докторшѣ нашей, что она „увѣрена, будто бы *я уже разъ десять „схватывалась браниться съ Генріеттою.* „Это было мнѣ очень прискорбно. Ахъ „естьли бы вы знали, матушка, какое злое „надобно имѣть сердце, чтобы браниться„ся съ Генріеттою! — Впрочемъ я на„дѣюсь, что и во всю уже жизнь свою „не захочу ни съ кѣмъ браниться. — „Простите, матушка! отъ всего сердца „обнимаетъ васъ дочь ваша

Дельфина.

На третій день по утру получила Дельфина самой пріятной отвѣтъ отъ своей матери, и вмѣсто пятидесяти рублевъ сто, съ обѣщаніемъ присылать старухѣ такое число денегъ ежегодно; новое платье къ свадьбѣ также забыто не было.

Дельфина, будучи внѣ себя отъ радости, тотчасъ побѣжала съ подаркомъ своимъ къ старухѣ, и щастіе ея сдѣлала совершеннымъ. Бабушкина и внукина благо-

дарность, похвалы Докторшины и нѣжныя ласки Генріетты, вліяли въ Дельфину такое удовольствіе, о которомъ до того времени имѣла она очень еще несовершенное понятіе; потому что не льзя знать такое непорочное удовольствіе во всемъ его пространствѣ, естьли самъ никогда не наслаждался онымъ. Возможно ли, говорила Дельфина, возможно ли, чтобы сто рублевъ ежегоднаго дохода могли составить чье нибудь щастіе? Этова мнѣ никогда и на мысль не приходило. За хрустальную мою коробочку заплачено гораздо болѣе денегъ. —— А утѣшаетъ ли она васъ? спросила Докторша. Ничего, отвѣчала Дельфина: роза дѣлаетъ нынѣ мнѣ гораздо болѣе удовольствія. Теперь я совсѣмъ не могу понимать того, какъ можно покупать бриллианты и другія мѣлочи, когда самымъ небольшимъ числомъ денегъ можно извлечь навсегда изъ бѣдности нещаснаго, лишеннаго всякой помощи; я ненавижу теперь всѣ свои дорогіе камни.

Чрезъ два дни послѣ сего разговора молодой поселянинъ женился на добродѣтельной дѣвушкѣ. Свадьба была у Доктора въ домѣ. Столы накрыты были въ саду, подъ тѣнію большихъ вѣтьвистыхъ

стыхъ вязовыхъ деревъ, которыя безъ всякой соразмѣрности росли на зеленомъ лугу, покрытомъ полевымъ пшеномъ и фіалками. Человѣкъ тридцать изъ поселянъ сидѣло за столами, а Докторша была на пиру у молодыхъ супруговъ хозяйкою. Послѣ обѣда начались пляски, и продолжались до самаго вечера. Городскіе балы никогда въ самомъ дѣлѣ меня не веселили, сказала Докторшѣ Дельфина, бравшая участіе во всеобщей радости: но теперь кажутся они мнѣ совсѣмъ скучными. Увѣряю васъ, сударыня, отвѣчала ей Докторша, что истинное удовольствіе всего скорѣе найти можно въ сельской жизни; а насладившись ею, увидишь, что всѣ утомительныя и шумныя городскія забавы имѣютъ для благоразумнаго человѣка немного пріятностей.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ деревня показалась Дельфинѣ гораздо еще прелестнѣе. Она по нѣскольку часовъ гуляла по полямъ, а иногда съ Докторшею и Генріеттою прохаживалась при сіяніи луны. Нашедши удовольствіе въ работѣ, никогда не чувствовала она скуки. Она читала, писала, трудилась и училась у Генріетты рисовать цвѣты и сушить растѣнія, прося ее сказывать себѣ имена и свой-

ства ихъ. Она употребляла на благодѣянія гѣ деньги, которыя помѣсячно присылала къ ней Мелита для ея удовольствія. Будучи любима всѣми окружавшими ее и довольна сама собою, всякой день, казалося, щастіе ея умножалось. Не видно уже было на лицѣ ея тѣхъ признаковъ скуки и унынія, которыя столь долгое время затмѣвали ея прелести. Глаза ея стали живы и блистательны; краска розы покрыла ея щеки. А привыкнувши много ходить, бѣгать и прыгать, въ четыре мѣсяца пріобрѣла она такую пріятную легкость, которой бы не могли ей дать и всѣ городскіе танцмейстеры.

Въ Августѣ позволилъ ей Докторъ выпити изъ хлѣва. Ей отвели маленькую горницу, прекрасно убранную и приготовленную точно для нее. Дельфина радовалась, перешедши жить въ такую хорошую комнату. Изъ оконъ видна была пространная долина; пріятность вида и чистота комнатныхъ приборовъ приводили ее въ восхищеніе. Растолкуйте мнѣ, говорила она Докторшѣ, для чего маленькая эта горница кажется мнѣ такою прекрасною? и для чего такъ скучны были для меня комнаты, въ которыхъ я

жила

жила въ городѣ, хотя онѣ гораздо пространнѣе и гораздо великолѣпнѣе теперешней моей горницы? Вопервыхъ для того, отвѣчала Докторша, что городскія комнаты ваши окнами были въ такой садъ, въ которомъ искусство совсѣмъ не подражало природѣ; въ которомъ все расстетъ по принужденію; мнимая красота его не могла долго веселить васъ: чѣмъ болѣе вы его разсматривали, тѣмъ менѣе находили въ немъ пріятностей, а наконецъ сталъ онъ вселять въ васъ уныніе. Вовторыхъ для того, что пріѣхавши сюда, извѣстны были вамъ однѣ только ложныя забавы, то есть тѣ только, которыя можетъ доставлять тщеславіе, пышность и другія пружины городской жизни; а какъ онѣ состоятъ въ одномъ воображеніи, то и могутъ скоро наскучить. Онѣ уже вамъ и наскучили: не имѣя же понятія о истинныхъ увеселеніяхъ, скука ваша болѣе и болѣе увеличивалась; таково было ваше положеніе. Вы жили въ такомъ изобиліи, что не умѣли цѣнить тѣхъ пріятностей, которыя доставляетъ намъ умѣренность въ наслажденіи; ни что не приносило вамъ удовольствія, потому что удовлетворяли всякому вашему желанію. Самыя пріят-

ныя вещи будутъ непріятны, даже и отвратительны, естьли станешь употреблять ихъ безъ всякой мѣры: я вамъ покажу это примѣромъ. Вы любите цвѣты; срывая фіалку, чувствуете вы великое удовольствіе. Для чего этотъ цвѣточикъ болѣе другихъ нравится вамъ, равно какъ и всѣмъ молодымъ людямъ? Для того, что фіалка скрывается подъ листочками; для того, что она рѣже василька; для того, что ее искать надобно. Естьли бы поля были усѣяны фіалками; естьли бы на всякомъ шагу находили вы ихъ, то конечно бы престали вы ихъ любить; вы бы ихъ также не стали уважать, какъ и подорожникъ. Произведенія искусства безъ всякаго сомнѣнія должны уступить первенство произведеніямъ природы; онѣ еще скорѣе наскучить могутъ. Но при всемъ томъ и онѣ имѣютъ свою пріятность; и онѣ могутъ приносить удовольствіе, естьли будешь соблюдать умѣренность. Естьли весь домъ свой наполните вы фарфоромъ, фарфоръ скоро не будетъ веселить васъ; естьли всякой день будете вы въ театръ, театръ вамъ наскучитъ; естьли вы будете долго сидѣть за столомъ и всякой день вымышлять самыя вкусныя кушанія, ско-

скоро не будете чувствовать пріятности ихъ. Вотъ слѣдствіе всякаго злоупотребленія. Стараяся совершенно удовольствовать вкусъ свой, скоро его лишишься. И такъ помните, что чрезмѣрное наслажденіе погубляетъ щастіе наше. Помните, что излишняя пышность ослѣпляетъ только однихъ глупцевъ и не доставляетъ никакого истиннаго наслажденія; пышность всего отвратительнѣе. Брилліантовыя серги растягиваютъ уши; вышитое золотомъ платье пригнѣтаетъ насъ къ землѣ и царапаетъ руки. Дорогіе камни и великолѣпное платье причиняютъ множество заботъ: боимся изломать дорогую коробочку, боимся изорвать пышной карядъ. Естьли бы вчера былъ на васъ передникъ богатой, вы бы конечно не осмѣлились ишти за полевыми розами въ средину терновыхъ кустовъ, за которые зацѣплялись вы платьемъ, и прогулка ваша не столько бы для васъ была пріятна. Пышность въ домовыхъ приборахъ также налагаетъ на нѣсъ принужденіе. Что касается до меня, то я скорѣе бы согласилась жить всегда въ томъ хлѣвѣ, изъ котораго вы теперь вышли, нежели въ такихъ великолѣпныхъ комнатахъ, въ которыхъ надобно ходить и садиться съ осторожностію, чтобы

не разбить какой нибудь мраморной доски, не содрать блистающей позолоты, или не уронить чайнаго столика съ фарфоромъ. Какъ жалки тѣ люди, которые дѣлаютъ себя рабами богатства своего! Любочестіе могло бы показать имъ лучшія средства къ пріобрѣтенію почтенія, естьли бы они размышлять захотѣли. Вмѣсто того, что бы выдумывать случаи къ пышности, для чего не дѣлаютъ они добрыхъ дѣлъ? — Безъ сомнѣнія, перервала Дельфина рѣчь ея: таковымъ образомъ заставили бы они всѣхъ уважать себя. А сверьхъ того можно ли не чувствовать великаго удовольствія въ благодѣяніи? Есть ли такая жестокая душа, которая была бы нечувствительна къ щастію другихъ? — Такая ужасная жестокость противна естеству человѣка, отвѣчала Докторша; но естьли предашься только мечтамъ своимъ и попустишь овладѣть собою пагубному тщеславію, то разумъ нашъ будетъ сжиматься, душа ожесточится и наконецъ совершенно испортишься. — Какъ бы я ни была богата, съ жаромъ сказала Дельфина, однакожь богатство никогда не испортитъ меня. Я буду умѣренна; буду помнить шу скуку, которую чувствова-

ла

ла я въ самомъ величайшемъ изобиліи; буду помнить, что мнѣ надобно было прожить четыре мѣсяца въ хлѣвѣ для узнанія подлинной цѣны того, къ чему я была привязана; а болѣе всего не стану забывать, что есть нещастные, и что подавая имъ помощь, наслаждаешься самымъ величайшимъ удовольствіемъ, какимъ только въ жизни нашей наслаждаться можно.„

Разговоръ сей заключила Дельфина нѣжнѣйшимъ благодареніемъ Докторшѣ, которая въ самомъ дѣлѣ получила на оное вѣчное право, научивши ее разсуждать, мыслить и чувствовать. Дельфина пробыла еще два мѣсяца въ деревнѣ у Доктора, употребляя время сіе на совершенное исправленіе своего нрава и здоровья. Въ началѣ Октября имѣла она удовольствіе увидѣться съ своею матерію. Мелита съ восхищеніемъ бросилась къ ней на встрѣчу. Дочь ея такъ перемѣнилась, что она едва могла ее узнать: она противъ прежняго стала ростомъ гораздо выше, несравненно здоровѣе и цвѣтъ на лицѣ у ней былъ самой лучшій. Мелита, будучи внѣ себя отъ радости, не спускала съ нее глазъ своихъ, обнимала ее, хотѣла говорить, но языкъ ей не пови-

новался, и однѣ только слезы изъявляли чувства ея. Нѣсколько минутъ въ молчаніи наслаждалась Докторша симъ пріятнѣйшимъ зрѣлищемъ. Наконецъ сказала она: отъ васъ взяла я Дельфину почти умирающую, но теперь возвращаю ее вамъ въ совершенномъ здоровьѣ; а всего важнѣе то, что возвращаю ее вамъ съ хорошимъ нравомъ: теперь она кротка, равнодушна, чувствительна, разсудительна, и щастіе ваше можетъ сдѣлать совершеннымъ. Однакожъ она такъ еще молода и такъ еще не утверждена въ добрѣ, что можетъ опять испортиться, естьли хотя мало будете вы на нее смотрѣть сквозь пальцы. А естьли хотите вы предупредить такое нещастіе, такъ вотъ вамъ предписаніе, которому вы слѣдовать должны; оно не слишкомъ жестоко, а необходимо. — Во всей точности буду слѣдовать ему, сказала Мелита: дайте мнѣ его только, сударыня! — Докторша подала ей бумагу; она развернула ее и читала:

Предписаніе Дельфинѣ.

„Шесть мѣсяцовъ въ году должна „она проводить въ деревнѣ; а когда бу-

„детъ

„детъ въ городѣ, должна очень рѣдко быть
„въ театрѣ. Ей надобно много ходить
„пѣшкомъ, даже и зимою. Завтракъ и
„полдникъ ея состоять долженъ только
„въ одномъ хлѣбѣ, исключая то время,
„въ которое плоды поспѣваютъ. Носить
„ей надобно самыя простыя платья; по-
„тому что онѣ покойны и легки, а про-
„чія нѣтъ.

„Для предохраненія ее отъ скуки,
„надлежитъ ей давать читать научи-
„тельныя и пріятныя книги, и ни на
„одну минуту не оставлять ее въ празд-
„ности. А когда по случаю придутъ къ
„ней въ голову какія нибудь печальныя
„мысли и она почувствуетъ грусть, то-
„гда надобно припомнить ей исторію той
„старухи, которой она оказала благо-
„дѣяніе. —— Слѣдуя сему предписанію,
„Дельфина будетъ здорова, весела и ща-
„стлива. „ ——

Мелита одобрила предписаніе сіе, обѣщалась во всемъ исполнять оное, и наичувствительнѣйшимъ образомъ благодарила Докторшу. Чрезъ годъ послѣ того купила она подмосквную деревню, отъ которой до деревни Докторовой было не болѣе двухъ верстъ. Дельфина во всю жизнь свою сохранила благодарность къ

До-

Докторшѣ, а къ любезной Генріеттѣ нѣжную дружбу. Сама она пріобрѣла отъ всѣхъ любовь и почтеніе, украсивши разумъ свой познаніями, а сердце добродѣтелями: она была разсудительна и благодѣтельна. Мелита избрала ей достойнаго супруга, которой почиталъ ее за неоцѣненной даръ Небесъ; они взаимно дѣлали другъ друга щастливыми. —

III.

Госпожа Добролюбова замолчала. Такъ уже кончилась исторія Дельфины! сказала со вздохомъ Катерина: какъ мнѣ жаль эшова! — Естьли бы Мелита, сказала Елисавета, была такъ умна, какъ Докторша: такъ бы Дельфина никогда не была лѣнива, упряма и сердита. Какъ щастливъ тотъ, у кого есть хорошая мать!

Говоря сіе, съ нѣжностію цѣловала Елисавета руки у своей родительницы. Послушайте, матушка, сказала Катерина: мнѣ не хотѣлось остановить васъ въ самомъ любопытномъ мѣстѣ исторіи вашей, а мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы изъяснили мнѣ ту глазную болѣзнь, которую называютъ бѣльмами. — Бѣльмо есть нѣкоторая темная густота, ко-

то-

торая, распространяяся въ глазахъ нашихъ, лишаетъ насъ зрѣнія (*).

По-

(*) Катаракта, или бѣльмо, есть помраченіе тѣхъ называемой хрустальной жидкости. Сія жидкость въ естественномъ своемъ состояніи бываетъ прозрачна. Лучи доходятъ черезъ нее до сѣточной кожицы, или той части глаза, на которой изображаются предметы посредствомъ лучей свѣта, исходящихъ изъ каждой точки всякой вещи. Когда упомянутая жидкость до нѣкоторой степени загустѣетъ, тогда уже не льзя видѣть ясно. И такъ надобно стараться снять сію густоту, которая покрываетъ глазъ подобно илу, и помрачаетъ свѣтъ. Прежде прокалывали оную только иглою, но густота, оставаяся въ глазу, производила опять прежнюю болѣзнь; нынѣ уже ее обыкновенно снимаютъ. Лѣтъ за сорокъ передъ симъ, способъ излѣченія сего нашелъ Г. Давіель, славной Врачь. Мѣсто снятой густоты занимаетъ окружающая ее стеклянная жидкость, замѣняющая ту прозрачную и хрустальную жидкость, которая превратилась въ оную густо-

Послѣ сихъ словъ Г. Добролюбова встала. Тогда было гораздо позже обыкновеннаго, но дѣтямъ показался вечеръ гораздо короче; онѣ съ неудовольствіемъ пошли спать, и во всю ночь видѣли во снѣ Дельфину.

На

стому. Операція сія никакъ не мучительна, и можетъ кончиться менѣе, нежели въ минуту. Обыкновенно больной начинаетъ видѣть въ самое же то мгновеніе ока, въ которое густота снимется; послѣ сего завязываютъ ему глаза и предписываютъ только одну легкую и освѣжающую пищу. Естьли въ глазу не будетъ никакой боли, то постепенно открываютъ ему свѣтъ, и недѣли черезъ три приходитъ онъ въ прежнее состояніе.

Слово Катаракта употребляется также и въ Географіи, гдѣ оно значитъ рѣчной водопадъ, происходящій отъ чрезвычайной крутизны того мѣста, черезъ которое течетъ вода; или отъ камней, которые задерживаютъ обыкновенное ея теченіе. Древніе называли сіи водопады Catadupes. Рѣка Рейнъ имѣетъ два Катаракта, или водопада: одинъ въ Билефель-

На другой день сказалъ Петру слуга его Иванъ, что онъ вычислилъ уже, сколько будетъ стоить покупка всѣхъ принадлежностей для стеклянной комнаты; и что издержки сіи не превзойдутъ десяти рублевъ. Это удовольствіе стало бы дорого, сказалъ Петръ: можно веселиться и тѣмъ, что гораздо дешевле; я постараюсь и сестръ своихъ оправдить отъ этой

фельдѣ, а другой въ Лаутернѣ, близъ Шифгаузена. Рилъ имѣетъ ихъ большее число, изъ которыхъ два съ ужаснымъ шумомъ между двухъ горъ свергаются. Рѣка Вологда имѣетъ также два водопада въ Задигѣ. Заира, рѣка въ Конго, начинается сильнымъ водопадомъ. Въ Новомъ Іоркѣ, разстояніемъ на три Французскія мили отъ Албаніи, есть такой водопадъ, котораго вышина простирается почти до пятидесяти футовъ. Верискій Каскадъ въ Италіи есть одинъ изъ самыхъ высокихъ; ибо тамошніе жители утверждаютъ, что онъ вышиною въ четыреста футовъ. Славной водопадъ рѣки Ніагары въ Канадѣ вышиною только во сто пятьдесятъ шесть футовъ; но широта его простирается болѣе, нежели на четверть Французской мили.

этой выдумки. Въ самомъ дѣлѣ пошелъ онъ въ ту же минуту къ нимъ въ комнату. Я пришелъ, сказалъ онъ, подашь вамъ случай доказать матушкѣ, что она не даромъ разсказала намъ исторію Дельфины — „Какъ же, братецъ?„ — и что мы воспользовались наставленіемъ Докторши: помните ли слова ея, что не всѣ свои желанія исполнять надобно? — „Очень помню.„ — А наша стеклянная комната будетъ стоить десять рублевъ — „Десять рублевъ?„ Точно; а ихъ бы можно было употребить на доброе дѣло. — „Не льзя ли назначить ихъ какому нибудь бѣдному на ежегодное содержаніе?„ — Годъ ими не проживешь, однако же ими можно помочь бѣдной семьѣ. — „Такъ пойдемъ же, братецъ, сказать, что стеклянная комната намъ уже не надобна. — Естьли бы я это напередъ знала, такъ бы не стала трудиться надъ сѣточкою.„ — Будемъ чѣмъ нибудь другимъ веселиться; мы переймемъ у Генріетты: станемъ сушить цвѣты, растѣнія; станемъ учиться Ботаникѣ, Агрикультурѣ. Мы попросимъ у матушки денегъ на раздачу нищимъ. —

Матушка не такъ богата, какъ Мелита; да и сюда пріѣхала она для хозяй-

зяйства; ей не льзя раздавать много денегъ — однакожъ вы знаете, какъ она милосерда къ нищимъ. — „Намъ надобно отыскать какую нибудь бѣдную добрую старушку; а какъ бы мы рады были, естьли бы удалось найти слѣпую! Мы бы послали въ городъ за лѣкаремъ и велѣли бы ему снять у нее съ глазъ бѣльма.„ — Хорошо, однакожъ надобно, чтобы удовольствія наши не стоили матушкѣ ничего; потому что она не могла бы намъ въ одно время давать деньги и на пустыя выдумки и на операціи. — „Это правда; все вдругъ не льзя.„

Послѣ сего совѣта дѣти пошли къ Г. Добролюбовой и увѣдомили ее о рѣшеніи своемъ. Она обняла ихъ и похвалила добрыя ихъ сердца. Сохраните навсегда такія чувства, дражайшія дѣти, сказала она имъ: онѣ содѣлаютъ и ваше и мое щастіе А чтобы чѣмъ нибудь теперь наградить васъ, то обѣщаюсь по желанію вашему найти вамъ случай для издержки тѣхъ десяти рублевъ, которыхъ бы стоила стеклянная комната. — Ахъ, матушка! сказала Катерина: дайте намъ еще слово разсказывать исторіи, всякой вечеръ, а не *иногда*, какъ вы сперва сказали. — Хорошо, отвѣчала Г. Добролюбова: я со-

глашаюсь на это съ тѣмъ договоромъ, чтобы вы не подавали мнѣ никакой причины къ неудовольствію; а кто изъ васъ не будетъ днемъ умницею, тому вечеромъ сказки не слушать. — „Ахъ! это наказаніе ужъ слишкомъ велико, матушка. — Однакожь братъ и сестра, кажется, на договоръ согласны. — „Да вить имъ менѣе страха: я ихъ и моложе и безразсуднѣе.„ — За то я на тебѣ не такъ и взыскиваю. — „Правда, матушка, отвѣчала Катерина: вы очень справедливы, однакожь все еще боюсь я, чтобы когда нибудь не итти мнѣ спать безъ сказки.„

Въ то же утро пошелъ Петръ съ Студентомъ прогуливаться. Подошедши къ одной избѣ, увидѣли они, что мальчикъ бьетъ другаго мальчика, которой былъ его и выше ростомъ и старѣе лѣтами, и которой старался только отводить удары, не думая никакъ самъ драться. Петръ подошелъ къ сему послѣднему. Не братъ ли это твой? спросилъ онъ у него. Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ мальчикъ: это сынъ сосѣда нашего. Онъ очень сердитъ, сказалъ Петръ: да для чего же ты не бьешь его самъ? — „Не льзя, сударь: я гораздо его сильнѣе.„

нѣе.„ (*) ПетрЪ посмотрѣлЪ на Студента и сказалЪ ему тихо: ВотЪ великодушной мальчикЪ! надобно узнать, не въ бѣдности ли живетЪ семья его. —— Сколько тебѣ лѣтЪ? спросилЪ СтудентЪ у мальчика. —— „Восемь, сударь.„ — КакЪ тебя зовутЪ? — „НиколаемЪ.„ — Живы ли у тебя отецЪ и мать? —— „Слава Богу, живы; у меня есть еще и маленькой братишка, Андрей, которой меня тремя годами моложе. ВонЪ тамЪ и домЪ нашЪ.„ — СдѣлайтеЪ мнѣ одолженіе, сказалЪ ПетрЪ Своемыслову, согласитесь войти кЪ нимЪ въ избу. Своемысловъ согласился, а Николай побѣжалЪ передЪ ними указывать дорогу. Вошедши въ избу, СтудентЪ началЪ разговаривать съ матерію мальчиковою, которая передЪ нимЪ осыпала похвалами сына своего. ОнЪ еще никогда не наводилЪ на меня грусти, сказала она, и хорошимЪ своимЪ поведеніемЪ такЪ полюбился нашему Священнику, что онЪ сталЪ имѣть о немЪ особливое стараніе и взялЪ на себя трудЪ

 учить

(*) Сочинитель въ самомЪ дѣлѣ имѣлЪ удовольствіе слышать отвѣтЪ сей отъ одного осьмилѣтняго мальчика, которому теперь пятнадцатой годЪ, естьли онЪ не умеръ.

учить его читать и писать. Въ самомъ дѣлѣ мальчикъ сей никакъ не похожъ былъ на крестьянскаго мальчика; лице было у него такое привлекательное, что заставляло всякаго его любить. Мать разсказывала множество добрыхъ дѣлъ его; она много наговорила о дружбѣ его съ маленькимъ братомъ, хотя сей послѣдній, примолвила она, и дѣлаетъ иногда не большія проказы.

Петръ взялъ съ мальчика обѣщаніе притти къ себѣ въ домъ, и вышедши изъ избы, продолжалъ прогулку свою. Почувствовали ли вы, спросилъ у него Студентъ, всю ту великость, которая заключалась въ отвѣтѣ этова мальчика, когда его другой мальчикъ билъ? Мнѣ *не льзя* платить ему тѣмъ же, отвѣчалъ онъ вамъ: *я гораздо его сильнѣе.* — Какъ не почувствовать! сказалъ Петръ: онъ сжалился надъ безсиліемъ злаго мальчишки. А сжалившись надъ безсиліемъ, простилъ онъ и дерзость его, примолвилъ Студентъ. — „Николай поступаетъ подобно нашей большей Датской собакѣ, которая никогда не огрызается на постельную матушкину собачку, какъ бы она ее ни кусала.„ — Такое великодушіе есть добродѣтель столь естественная,

ная, что ее находятъ въ самыхъ непросвѣщенныхъ народахъ, даже и въ самыхъ худыхъ людяхъ изъ нихъ. Во всеобщемъ повѣствованіи о путешествіяхъ (*) находимъ мы, что въ Малабарѣ сотоварищество младенца изъ роду Наировъ (**) приводитъ путешественника въ большую безопасность, нежели защита нѣсколькихъ храбрыхъ воиновъ изъ того же рода: потому что тамошніе разбойники никогда не нападаютъ на безоружныхъ и имѣютъ великое уваженіе къ слабости и юности. Подумайте послѣ такихъ примѣровъ, какъ низокъ тотъ человѣкъ, которой не имѣетъ столь естественной добродѣтели, вѣдомой крестьянскимъ дѣтямъ, звѣрямъ и самымъ разбойникамъ. По справедливости почитаютъ того чудовищемъ, кто злоупотребляетъ силу свою, притѣсняя слабаго; потому что въ самомъ дѣлѣ онъ убійца --- „Убійца?„ --- Конечно. --- Скажите мнѣ, не будетъ ли убійцею тотъ человѣкъ, которой со шпа-

 гою

(*) L' hiſtoire générale des voyages, abregée par M. de la Harpe, tome 5, page 130. Книга сія переведена уже и на нашъ языкъ подъ титуломъ Исторія о странствіяхъ и проч.

(*) Родъ Наировъ есть родъ благородныхъ.

гою нападаетъ на другаго, имѣющаго въ рукахъ у себя только одну палку? ---- „Оружію, безъ сомнѣнія, надобно быть одинакому.„ --- А естьли я теперь и съ одними кулаками брошусь на васъ, такъ ровной ли будетъ бой? ---- „О нѣтъ! вашъ кулакъ будетъ гораздо потяжелѣ моего.„ --- Вы бы не могли меня ранить, а я легко бы могъ убить васъ до смерти: естьли бы я сталъ съ вами драться, такъ развѣ бы я не былъ убійцею, устремляя всю свою силу на слабаго? -- „Правда.„ --- А что бы подумали вы о такомъ богатомъ и знатномъ человѣкѣ, которой бы богатство и знатность свою захотѣлъ употреблять на притѣсненіе бѣдныхъ людей? --- „Думаю, что онъ бы столько же почти былъ низокъ и злобенъ, какъ и тотъ, которой бы захотѣлъ драться съ беззащитнымъ.„ --- Когда вы, будучи уже совершеннымъ человѣкомъ, станете поступать жестоко съ подчиненными, то вить можно будетъ тогда поступки ваши назвать подлыми? -- „Конечно; я чувствую, что тѣ не имѣютъ ни великодушія, ниже человѣколюбія, которые при силѣ и знатности своей не хотятъ быть тихими, терпѣливыми и снисходительными.„ --- И такъ на подвласт-

властныхъ себѣ ничего такого взыскивать не надобно, чего отъ него ио справедливости не можно требовать; намъ должно дѣлать ихъ щастливыми, или въ противномъ случаѣ мы будемъ тиранами.

Разговаривая такимъ образомъ, Студентъ съ ученикомъ своимъ возвратились домой, въ самое то время, какъ шли садиться за столъ. Они нашли тутъ одного не молодаго дворянина изъ сосѣдственной деревни, которой имъ былъ незнакомъ и котораго Г. Добролюбова удержала у себя обѣдать. Сей человѣкъ назывался Господиномъ Чудинымъ, былъ слишкомъ пятидесяти лѣтъ и видъ имѣлъ очень непривлекательной. На носу сидѣла у него большая бородавка, брови были самыя густыя, а круглой и черной парикъ надѣтъ былъ у него на головѣ такъ, какъ колпакъ, и закрывалъ почти весь лобъ. Сверьхъ того онъ еще заикался и былъ очень разсѣянъ. Такой образъ показался Катеринѣ столь чуденъ, что она съ него глазъ не спускала. Всякое слово Господина Чудина смѣшило ее. Однакожь страхъ досадить матери заставлялъ ее удерживаться, и во весь обѣдъ вела она еще себя благопристойно.

Вставши изъ за-стола, Своемысловъ провѣдалъ, что Г. Чудинъ играетъ въ шашки. Послѣ открытія сего немедленно предложилъ онъ ему сыграть нѣсколько игоръ. Студентъ, почитавши себя за игрока второй степени, вздумалъ передъ уѣзднымъ дворяниномъ выдать себя за игрока изъ первой; почему Г. Чудинъ съ величайшимъ смиреніемъ и попросилъ у него впередъ слона. Г. Правосудова и Добролюбова сѣли въ другомъ углу комнаты за пяльцы, а Катерина поставила себѣ стулъ подлѣ Своемыслова, чтобы сидѣть прямо противъ Чудина и разсматривать его. Игра началася; игроки съ обѣихъ сторонъ показывали великое вниманіе и были въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ Г. Чудинъ съ великимъ равнодушіемъ смѣшалъ всѣ шашки. Студентъ улыбнулся, приписывая такой неожиданной поступокъ задумчивости. Что вы дѣлаете? закричалъ онъ. Вы ошиблись, сказалъ Чудинъ: не мнѣ отъ васъ, а вамъ отъ меня надобно взять слона. Начнемъ снова. --- Своемысловъ удивился, а Катерина захохотала.

Начали играть другую игру. Студентъ принужденъ былъ взять впередъ слона, уступленнаго имъ прежде Чудину, ко-

которой ему и далъ матъ, ступивши не болѣе десяти разъ. Побѣжденной Студентъ утверждалъ, что противникъ его принадлежитъ къ первой степени, а Г. Чудинъ увѣрялъ, что онъ не принадлежитъ и ко второй.

Во время сего сраженія Катерина лукаво усмѣхалась, повторяя нѣсколько разъ, что *Г. Своемысловъ не такъ хорошо играетъ, какъ онъ всегда думалъ*: примѣчаніе, къ которому примѣшивала она нѣсколько колкихъ насмѣшекъ. Г. Добролюбова, сидѣвшая безпрестанно за работою, казалось, совсѣмъ ничего не примѣчала. Лишь только Г. Чудинъ всѣмъ откланялся и вышелъ за двери, Катерина подошла къ пяльцамъ и спросила Г. Правосудову, долга ли будетъ та исторія, которую она послѣ ужина разсказывать будетъ. На что это тебѣ? спросила Г. Правосудова: какова ни будетъ исторія, да ты ее не услышишь. --- „Почему, бабушка?„ --- Насмѣшливая дѣвушка не стоитъ того, чтобы брать участіе въ вечернихъ нашихъ забавахъ. --- „Да что я сдѣлала, бабушка?„ --- Послушай, Катерина, сказала Г. Добролюбова: естьли бы я равнаго себѣ человѣка вздумала колоть насмѣшками, то хорошо ли бы я поступила?

пила? Конечно бы не хорошо, а дурно и непристойно; могли бы другіе люди подумать, что я дурнаго свойства, и что у меня не много разума. А естьли бы захотѣла я сердить такого человѣка, которой выше меня --- человѣка, которой по лѣтамъ и знаніямъ своимъ имѣетъ право на мое почтеніе: тогда бы я еще была виновнѣе. Теперь скажи мнѣ, обязана ли ты почитать пріятеля твоихъ родителей, такого человѣка, которой совсѣмъ посвятилъ себя воспитанію твоего брата? Г. Своемысловъ имѣетъ право не только на одно почтеніе ваше, но естьли вы добросердечны, то вамъ его и любить надобно. --- „Да я его и такъ почитаю и люблю, матушка, сказала Катерина съ слезами.„ --- Однакожь ты смѣялась надъ нимъ, продолжала Г. Добролюбова, и всячески старалась разсердить его. Естьли бы онъ и въ самомъ дѣлѣ почиталъ себя совершеннымъ игрокомъ безъ всякой основательной причины, такъ развѣ уже тебѣ необходимо надобно пересмѣхать его? Можно ли добросердечному человѣку забавляться слабостями другихъ? Можно ли разсудительному человѣку быть столько злобну? А особливо, естьли предметомъ этова будетъ такой чело-

человѣкъ, котораго намъ любить надобно. --- Ахъ, матушка! закричала Катерина, заливаяся слезами: вижу теперь, что я совсѣмъ не кстати смѣялась, однакожъ смѣхъ мой былъ не отъ злобы. --- Въ самомъ дѣлѣ, матушка, примолвила Елисавета, сестрица не хотѣла сердить Г. Своемыслова: я сама тутъ была. --- Правда ли это, спросила Г. Добролюбова, пристально смотря на Елисавету: правда ли это и точно ли такъ думаешь ты? --- При сихъ словахъ Елисавета закраснѣлась, опустила глаза къ землѣ и ничего не отвѣчала. --- А ты, Катерина, увѣрена ли въ томъ, что смѣхъ твой былъ *не отъ злобы*? продолжала Г. Добролюбова: не забавляло ли тебя то замѣшательство, въ которое пришелъ Своемысловъ? и ты никакъ не хотѣла колоть его своими шутками? . . . Испытай себя, и послѣ отвѣчай мнѣ. --- „Матушка . . . Я не могу лгать . . . я увѣрена, что смѣхъ мой былъ умышленной . . . и недостойна слушать вечернія сказки.„ --- Однакожь ты все еще достойна нѣжности моей, сказала Г. Добролюбова, обнимая ее: потому что ты искренна. --- „Такъ уже я, матушка, никогда не буду слушать того, что вы по вечерамъ разсказывать

станете?„ --- Нѣтъ, восемь дней только должна ты будешь послѣ ужина оставлять насъ. --- „Ахъ, Боже мой! . . . Да по крайней мѣрѣ простите ли вы мнѣ?„ --- И теперь прощаю, будучи увѣрена, что въ проступкѣ дочери моей не участвовало ея сердце. --- „Конечно, матушка: это произошло только отъ малоразумія моего.„ --- Я сама такъ думаю, а раскаяніе твое заставляетъ меня надѣяться, что ты уже никогда не впадешь въ такой порокъ. Теперь подойди ко мнѣ ты, Елисавета; мнѣ надобно и тебѣ сдѣлать выговоръ. Для извиненія сестры своей говоришь ты противъ сердечнаго увѣренія . . . „Признаюсь, матушка, . . . однакожь„ . . . Правда, что причина, заставившая тебя сказать неправду, достойна нѣкотораго снисхожденія: однако же мы никогда не должны лгать. Для услуги сестрѣ позволено ли ослушаться приказанія моего, чтобы вы ни въ чемъ не противорѣчили истинѣ? --- „Нѣтъ, матушка.„ --- Ты не только меня не послушалась: ты не послушалась и Бога. --- „Боже мой!„ --- Точно такъ: потому что Богъ лгать не велѣлъ. къ тому же будь увѣрена, что ложь въ самомъ дѣлѣ никогда не можетъ быть по-

ле-

лезною: рано или поздо она открывается и безчеститъ вымыслившаго ее. Напротивъ того истина, пріобрѣтая намъ почтеніе и довѣренность людей, бываетъ намъ полезною даже въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ бы казалась она для насъ опасною и вредною. — Справедливое это примѣчаніе, сказала Г. Правосудова, приводитъ мнѣ на мысль очень любопытной Анекдотъ изъ Исторіи — Ахъ, бабушка! перервала рѣчь ея Катерина: естьли вы разскажете его послѣ ужина, такъ мнѣ ничего не слыхать. — Я разскажу его теперь, сказала бабушка.

Катерина бросилась ее обнимать; она взяла ее къ себѣ на колѣни, а Петръ съ Елисаветою подвинули къ нимъ свои стулья. Анекдотъ, которой вы знать хотите, начала говорить Г. Правосудова, читала я въ Арапской Исторіи (*). Гегіагъ, славной Арапской воинъ, но человѣкъ свирѣпой, осудилъ на смерть многихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ просилъ у Гегіага позволенія говорить и сказалъ ему слѣдующія слова: „Ты долженъ „освободить меня отъ казни: Абдарраманъ „нѣкогда поносилъ тебя, но я вступился „за

(*) Par M. L'Abbé de Marigny, tome II.

„за честь твою и сдѣлалъ его себѣ вра-
„гомъ.„ Гегіагъ требовалъ отъ него доказательства, что онъ говоритъ правду. Воинъ именовалъ ему свидѣтеля происшествію сему одного изъ осужденныхъ съ нимъ на смерть. Полководецъ велѣлъ призвать его, и услышавши отъ него подтвержденіе сказанному, простилъ плѣнника. Послѣ того спросилъ онъ у свидѣтеля, не вступался ли и онъ за него прошивъ Абдаррамана. Я не почиталъ этова за должность свою, отвѣчалъ ему другъ истины. Гегіагъ, не взирая на жестокосердіе свое, пораженъ былъ великостію его духа. Помолчавши нѣсколько, предложилъ онъ ему другой вопросъ: естьли я освобожу тебя отъ смерти и неводи, то все ли еще будешь ты врагомъ моимъ? Нѣтъ, отвѣчалъ плѣнникъ, не буду. „Довольно, сказалъ Гегіагъ: я полагаюсь на одно слово твое; я не могу сомнѣваться въ исполненіи обѣщанія твоего, потому что ты доказалъ уже отвращеніе свое отъ неправды. Пользуйся жизнію, которой предпочитаешь ты честь и истину, и пріими свободу какъ справедливую награду за такую добродѣтель.„

Видите, дѣти, продолжала Г. Правосудова, что правда, по словамъ вашей ма-

матери, бываетъ намъ полезною въ самыхъ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ бы она по видимому могла быть для насъ пагубною. Не думали ли вы, что въ разсказанномъ мною случаѣ должна была она умножить свирѣпство самовластнаго и кровожаждущаго Арапа? Однакожъ она столько хороша и трогательна, что не въ злобу пришла ширана, но усмирила и обезоружила его. — А доказавши одинъ разъ, сказала Катерина, что любишь правду, не надобно уже никогда подтверждать чѣмъ нибудь инымъ слова свои. ---- Безъ сомнѣнія: потому что тщетны бываютъ всѣ клятвенныя подтвержденія того человѣка, котораго честность еще не испытана; а кто доказалъ уже правдолюбіе свое, тому надобно сказать только *да*, или *нѣтъ*. Вы конечно вспомните теперь славной опытъ того почтенія, которое Аѳиняне имѣли къ Ксенократу (*). Этотъ Анекдотъ я вамъ

(*) Les annales de la vertu, tome premier, p. 350. — Мы показываемъ здѣсь французскія книги для того, что Читатели наши, вѣроятно, болѣе упражняются въ чтеніи на Французскомъ языкѣ, нежели на Россійскомъ. Чтеніе хорошихъ Французскихъ книгъ,

вамъ читала. Чтобы обладать такимъ драгоцѣннымъ свойствомъ, надобно быть истинно добродѣтельнымъ. Всѣ великіе люди вообще славились любовію къ истинѣ, а особливо Ксенократъ, великой Философъ, и Эпаминондъ, Герой добродѣтели, почитавшій всегда за правило *даже и въ шутку не говорить неправды* (*).

Сей разговоръ прерванъ былъ приходомъ Своемыслова, которой сказалъ Г. Добролюбовой, что крестьянской мальчикъ, о которомъ уже Петръ все разсказалъ ей, пришелъ съ своею матерью и дожидается приказанія ея войти къ нимъ. Г. Добролюбова отвѣчала, что она рада видѣть такого хорошаго мальчика. Студентъ въ ту же минуту привелъ Николая въ комнату и съ матерью, которая принесла Г. Добролюбовой блюдо свѣжихъ яицъ. Все семейство ласкало

книгъ, каковыя мы здѣсь показываемъ, для дѣтей похвально; однакожъ желательно бы было, чтобы они читали поболѣе и Россійскихъ книгъ, писанныхъ чистымъ и правильнымъ слогомъ. Выборъ такихъ книгъ могутъ они препоручить родителямъ своимъ.

(*) Discours sur l'hiſtoire univerſelle de M. Boſſuet.

скало мальчика. Г. Добролюбова провѣдала уже о всѣхъ обстоятельствахъ крестьянки, и узная, что она была бѣдна, и что мужъ ея едва только начиналъ выздоравливать отъ тяжелой болѣзни, по прозбѣ Петровой дала ей пять рублевъ, половину того числа денегъ, которыя назначены были на благодѣянія. Мальчику приказала она всякой день ходить къ Петру играть. „Прикажите ходить со мною и брату моему, съ поклономъ сказалъ Николай; а то будетъ ему безъ меня дома скучно.„ Всѣ похвалили любовь его къ брату, а на прозьбу его дано было согласіе.

Между тѣмъ приближался вечеръ. Петръ и Елисавета, видя, сколь тяжело сестрѣ ихъ, что она не будетъ слушать вечернюю повѣсть, рѣшились просить бабушку ничего не разсказывать по вечерамъ во все время Кашеринина наказанія; онѣ лучше хотѣли лишиться величайшаго своего удовольствія, нежели наслаждаться онымъ безъ сестры своей. Г. Правосудова похвалила ихъ, и дѣло было кончано.

Въ одинъ вечеръ, когда Г. Добролюбова разговаривала съ дѣтьми своими, предложила ей Елисавета вопросъ: „Вы не приказываете намъ имѣть никакого

обхожденія съ слугами, для того что они худо воспитаны: такъ для чего же позволяете намъ говорить со многими крестьянами, да и сами, кажется, любите разговаривать съ старикомъ Васильемъ, съ старушкою Варварою и съ Николаевою матерью? „Правда, отвѣчала Г. Добролюбова; однакожь я постараюсь растолковать тебѣ это мнимое противорѣчіе. Хотя слуги обыкновенно бываютъ худаго воспитанія, однакожь, наслышавшись многому отъ Господъ своихъ, говорятъ они не такимъ простымъ языкомъ, какъ крестьяне. Съ другой стороны языкъ ихъ не совершеннѣе: благоразумные люди находятъ ихъ выраженія подлыми, а мысли ребяческими, хотя слова употребляютъ они и хорошія. Не боюсь я, чтобы вы у мужиковъ переняли говорить: *асѣ, гожо, баялъ* и проч; такой языкъ столько отличенъ отъ вашего, что вы конечно никогда его не переймете. Напротивъ того не можете вы еще по малолѣтству своему чувствовать всю нескладность языка слугъ нашихъ, слѣдственно нечувствительнымъ образомъ можете такъ къ нему привыкнуть, что начнете и подражать ему. Къ тому же большая часть слугъ бываютъ люди со многими порока-

ми,

ми, которые по рабскому ихъ состоянію совсѣмъ почти для нихъ неизбѣжны. Естьли худо воспитанной человѣкъ не трудолюбивъ, лѣнивъ и ведетъ праздную жизнь, то трудно ему быть добродѣтельнымъ. Лакей, ѣздящій всякой день за каретою своего Господина, почти по неволѣ долженъ проводить жизнь въ праздности. Не находя ничего въ самомъ себѣ, не умѣя ни читать, ниже съ пріятностію разговаривать, дѣлается онъ либо пьяницею, или игрокомъ; нравъ его портится, и скоро лишается онъ почти всѣхъ добрыхъ свойствъ своихъ. Вотъ слѣдствіе невѣжества, праздности и скуки. Напротивъ того у крестьянина, всегда какою нибудь работою занимающагося, удаленнаго отъ городовъ и развратительныхъ примѣровъ, вкусъ бываетъ простой и неиспорченной, а нравъ доброй; въ немъ безпрепятственно возрастаютъ тѣ добродѣтели, которыхъ сѣмя отъ природы влагается въ сердца наши. Безъ сомнѣнія люблю я говорить съ крестьянами. Ихъ простота плѣняетъ меня; выраженія ихъ бываютъ часто смѣшны, однакожь не подлы. Они представляютъ мнѣ нѣкоторое подобіе того щастливаго состоянія рода человѣческаго, въ которомъ пи-

ща, одежда и кровъ составляли всѣ его потребности. Однимъ словомъ сказать, я люблю быть съ ними вмѣстѣ и разсматривать ихъ, для того что они трудолюбивы и добродѣтельны; я люблю слушать ихъ разговоры, для того что они правдивы и просты. Вчера Сергѣй, крестьянинъ нашъ, увидѣвши рѣзвившуюся Елисавету, съ радости закричалъ: *какая бѣлая голубушка!* Такое выраженіе материнскому моему самолюбію было пріятнѣе, нежели обыкновенная похвала въ большихъ городахъ: *она прекрасна.* Впрочемъ не забывайте того, дѣти мои, продолжала Г. Добролюбова, что я говорю вообще, и что всѣ такія сужденія подвержены изключеніямъ. Можно найти крестьянъ порочныхъ, а слугъ добродѣтельныхъ. Въ примѣръ можетъ служить вамъ Иванъ, слуга Петрушинъ. А черезъ нѣсколько дней разскажетъ вамъ бабушка чувствительную повѣсть, которая еще лучше докажетъ вамъ, что нѣтъ такого состоянія, въ которомъ бы не льзя было найти людей добродѣтельныхъ. Вы уже знаете, матушка, эту повѣсть? — Знаю, и мы вывѣдали даже всѣ ея подробности отъ одного пріятеля нашего, знавшаго коротко Героевъ ея. —

„Ахъ

„Ахъ какъ мнѣ хочется узнать эту повѣсть!„ --- И мнѣ! --- „И мнѣ!„ Черезъ четыре дня будете вы имѣть это удовольствіе. --- „Черезъ четыре дня? это еще долго.„

Наконецъ четыре дня прошли. Какую радость принесли дѣтямъ сумерьки! какимъ сладчайшимъ удовольствіемъ питало ихъ наступленіе ночи! — Въ половинѣ девятаго часа вся семья отужинала: всякой сѣлъ на свое мѣсто, а Г. Правосудова начала разсказывать слѣдующую повѣсть.

IV.

МѢДНИКЪ,

или

взаимная благодарность.

Іаковъ II, Король Англійской, принужденъ былъ оставить государство свое. Онъ удалился во Францію, и Лудвигъ XIV далъ ему убѣжище въ Сп. Жерменѣ. Нѣкоторые вѣрные подданные послѣдовали за Королемъ Іаковомъ и тамъ же поселились. Госпожа Вароннѣ, которой исто-

рію хочу я вамъ разсказывать, происходила отъ одной изъ сихъ Ирландскихъ фамилій. При жизни мужа своего содержала она домъ свой пристойнымъ образомъ; но ставши вдовою, безъ покровительства и безъ родственниковъ, не могла она получить и части изъ того жалованья, которымъ жилъ мужъ ея. Между тѣмъ писала она къ Министрамъ, и посылала множество прошеній. Ей отвѣчали, что *прозьбу ея предложили Королю.* Сею надеждою довольствовалась она почти два года. Наконецъ, пославши еще новое прошеніе, получила она формальной отказъ, такъ что уже не осталось ей никакого сомнѣнія въ разсужденіи ея судьбы. Положеніе ея было самое жалостное. Въ прошедшіе два года распродала она все свое серебро и всѣ домовые приборы: не оставалось уже ей никакихъ средствъ. Любовь ея къ уединенію, набожность и худое здоровье, всегда удаляли ее отъ общества; а послѣ смерши мужа ея она почти совсѣмъ никому не казалась. Такимъ образомъ была она безъ помощи, безъ друзей, безъ надежды и въ крайней бѣдности; а къ совершенію злополучія ея, была она угнѣтаема старостію и болѣзнями. Въ сей крайности прибѣгнула она

она къ истинному Источнику всякаго утѣшенія, ко всеобщему Отцу нашему; къ Тому, Которой могъ перемѣнить судьбу ея, или даровать ей силу терпѣливо сносить ея нещастіе. Она повергласъ на колѣни, молила Бога съ вѣрою, и скоро почувствовала въ душѣ своей спокойствіе, получивши силы и бодрость. Съ твердостію взирала она на ужасное свое состояніе. Естьли уже необходимо, размышляла она, надобно мнѣ лишиться сей бренной жизни, то не все ли одно, болѣзнь или голодъ прекратитъ ее? не все ли одно, подъ богатымъ ли балдахиномъ умереть, или на соломѣ? Не уже ли смерть моя будетъ отъ того мучительнѣе, что я ничего драгоцѣннаго на землѣ не оставлю? Нѣтъ: напротивъ того не будетъ мнѣ нужды ни въ какихъ земныхъ утѣшителяхъ; при смерти не надобно мнѣ будетъ приносить никакой жертвы. Оставленная цѣлымъ міромъ, буду я только помышлять о Томъ, Кто міромъ управляетъ; я увижу Его въ готовности принять духъ мой и наградить его: смерти буду я дожидаться какъ величайшаго Его благодѣянія.

„Какое мужество! воскликнула Елисавета; можно ли умирать безъ всякаго

сожалѣнія о жизни?„ —— Можно, но только одному добродѣтельному, отвѣчала Г. Правосудова; къ тому же у Госпожи Вороннѣ не было дѣтей . . . „Ни матери, ни супруга, примолвила дочь ея.„ —— Христіянской Законѣ, продолжала Г. Правосудова, дѣлаетъ насъ въ смерти Героями; а я уже сказала вамъ, что Госпожа Вороннѣ была истинно набожна (*). — Возвратимся къ нашей повѣсти.

Между тѣмъ, какъ она занималась такимъ размышленіемъ, вошелъ къ ней въ

(*) Извѣстно восклицаніе Французской Принцессы, супруги Регентовой, прославившейся многими добродѣтелями и великимъ благочестіемъ. Она умирала съ такимъ спокойствіемъ, которое удивило всѣхъ окружавшихъ ее. Причастившися Святыхъ Таинъ, и долгое уже время боровшися со смертію, вдругъ воскликнула она: „Ахъ какъ смерть сладостна!„ Это были послѣднія ея слова. Твердость духа можетъ насъ довести до того, что при смерти не покажемъ мы слабости; однако же смерть все еще не будетъ намъ пріятна: такое чувство можетъ намъ сообщить только непорочность совѣсти и твердая вѣра.

въ комнату слуга ея, Амвросій — однакожь мнѣ надобно его описать вамъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, и служилъ уже Госпожѣ Вароннѣ двацать лѣтъ. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать; отъ природы былъ сердитъ, не словоохотенъ, бранчивъ, и видъ имѣлъ всегда такой, какъ будто бы всѣхъ товарищей своихъ презиралъ, а съ Господами хотѣлъ браниться. Всегдашняя его холодность и грубость дѣлали услугу его не очень пріятною. Однакожь основательность его, хорошее поведеніе и вѣрность, награждали наружные недостатки, и его почитали всегда добрымъ слугою. При всемъ томъ знали его только со стороны природныхъ хорошихъ качествъ; но онъ обладалъ высокими добродѣтелями, и подъ грубою внѣшностію сокрывалъ чувствительную и великую душу.

Госпожа Вароннѣ послѣ смерти мужа своего распустила всѣхъ слугъ, оставивши у себя только одну кухарку, горничную, служанку и Амвросія. Наконецъ пришло такое время, въ которое надлежало отпустить и послѣднихъ. Амвросій, какъ я сказала вамъ, вошелъ къ ней въ комнату. Это было зимою; онъ принесъ беремя дровъ и хотѣлъ класть ихъ въ

каминѣ. „Послушай, Амвросій! сказала ему Госпожа: мнѣ надобно поговорить съ тобою.„ Чувствительной голосъ, которымъ она произнесла сіи слова, поразилъ его. Онъ бросилъ на полъ дрова, обернулся къ ней, и смотря ей прямо въ глаза, сказалъ: „Боже мой! что такое сдѣлалось, сударыня? — „Не знаешь ли ты, Амвросій, сколко я должна кухаркѣ?„ — Вы ничего не должны ни ей, ни мнѣ, ни Марьѣ: вы вчера за цѣлой мѣсяцъ заплатили. — „Я было позабыла; однакожь скажи, Амвросій, и кухаркѣ и Марьѣ, что онѣ уже мнѣ не надобны; да и самъ ты, другъ мой, поищи себѣ другаго мѣста.„ — Другаго мѣста? — . . . Что это значитъ? . . Этому не бывать: я умру вашимъ слугою; нѣтъ, сударыня, что бы такое ни было, а я отъ васъ не отойду. — „Ты не знаешь, Амвросій, обстоятельствъ моихъ.„ — А вы не знаете Амвросія. Естьли у васъ отнимаютъ столько изъ жалованья покойнаго Барина, что вамъ не чего будетъ платить кухаркѣ съ дѣвкою, такъ отошлите ихъ: а я, кажется, не заслужилъ еще того, чтобы меня со двора сгонять. У меня сердце не каменное, сударыня . . . , Да у меня ничего нѣтъ, Амвросій: нѣтъ ни од-

одной полушки. Я все уже продала, что имѣла, а мужнино жалованье у меня все отнимаютъ. „ --- Все? не правда; этому быть не льзя. --- „Однакожъ это такъ.„ --- Боже мой! --- „Надобно повиноваться Божіему опредѣленію безъ всякаго ропота. Я чувствую великое утѣшеніе въ своемъ нещастіи, чувствуя въ себѣ покорность къ волѣ Провидѣнія. Множество людей на шарѣ земномъ, множество добродѣтельныхъ семействъ въ одномъ со мною положеніи. По крайней мѣрѣ нѣтъ у меня дѣтей; страданіе мое не велико, потому что я страдаю одна. „ -- Нѣтъ, нѣтъ! закричалъ Амвросій, проливая слезы: нѣтъ! вы не будете страдать. У меня есть руки: я могу работать. — „Дражайшій другъ мой! перервала слова его тронутая Госпожа Баронъ: я никогда не сомнѣвалась въ твоемъ усердіи . . . однакожъ я не хочу употребить его во зло. Прошу у тебя только того, чтобы ты нанялъ мнѣ маленькую комнату въ пятомъ жильѣ. У меня есть еще нѣсколько денегъ, которыми могу я прожить два, или три мѣсяца. Я стану работать, стану вязать филе. Ищи мнѣ въ Ст. Жерменѣ работы: вотъ все, чего я отъ тебя требую, и

что

что ты для меня сдѣлать можешь.„ — Въ продолженіи сей рѣчи стоялъ Амвросій противъ Госпожи своей и въ молчаніи смотрѣлъ на нее; едва она говорить перестала, бросился онъ на колѣни и сказалъ: „Бѣдной Амвросій клянется служить вамъ до скончанія своей жизни; служить отъ всего сердца и съ такимъ почтеніемъ, съ какимъ еще не служилъ онъ вамъ никогда. Двацать лѣтъ вы меня поили, кормили и одѣвали; вами былъ я щастливъ. Часто употреблялъ я во зло милость вашу и ваше терпѣніе. Простите мнѣ, милостивая государыня, всѣ мѣ проступки, до которыхъ доводило меня мое злонравіе. Будьте увѣрены, что я ихъ заглажу; для этова только и прошу я Бога о продолженіи жизни моей.„ — Послѣ сихъ словъ Амвросій, все еще проливая слезы, всталъ и поспѣшно вышелъ вонъ, не дожидавшись отвѣта.

Не трудно представить себѣ, сколь живо было чувство признательности, исполнявшее сердце Госпожи Вароннъ. Она ощущала, что нѣтъ такого зла, котораго бы сладкое чувство сіе облегчить не могло. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ Амвросій возвратился; онъ принесъ

несъ маленькой кожаной мѣшокъ, и положивши его на каминъ, сказалъ: „Слава Богу, сударыня! . . . благодарю васъ и покойнаго Господина. Тутъ притцать луйдоровъ. Деньги получены отъ васъ; онѣ вамъ принадлежатъ. — „Боже мой! ты хочешь отдать то, что заслуживалъ двацать лѣтъ?„ --- Естьли бы у васъ были деньги, вы бы меня ссудили. У васъ ихъ нѣтъ, такъ я ихъ вамъ возвращаю. Для этова-то только деньги и хороши. Знаю, что такое малое число дянегъ не можетъ совершенно поправишь худыя ваши обстоятельства; однакожь послушайте, что я сдѣлать намѣренъ. Вы знаете, сударыня, что у меня отецъ былъ мѣдникъ, и что я еще не забылъ перваго ремесла своего; потому что въ праздное время ходилъ я иногда съ позволенія вашего къ мѣднику Никольту, земляку моему, и по охотѣ работалъ у него. Теперь возмусь я за работу поприлѣжнѣе и гораздо съ большимъ удовольствіемъ. --- „Этова уже слишкомъ много! закричала Госпожа Вароннъ. Человѣкъ добродѣтельной! въ какое недостойное души твоея состояніе судьба привела тебя!„ --- Я доволенъ, отвѣчалъ Амвросій, естьли вы при перемѣнѣ участи вашей будете спокой-

койны. --- „Усердіе твое, Амвросій, наградитъ меня за все. Но могу ли я быть покойна, видя, что ты за меня страдаешъ?„ — Да почему страдать? потому что работать стану? да есть-ли еще эта работа и вамъ будетъ приносить пользу? Нѣтъ, сударыня, нѣтъ! я буду очень щастливъ. Работать начну я съ завтрашняго дня. Никольтъ человѣкъ доброй и не заставитъ меня быть безъ работы. Онъ здѣсь въ славѣ; ему же теперь работникъ надобенъ. Сила въ плечахъ у меня есть: я заработаю за двухъ, и все дѣло будетъ въ порядкѣ. --- Госпожа Вароннъ, не находя словъ къ изъясненію чувствъ своихъ, подняла глаза къ небу и отвѣчала только однѣми слезами.

На другой день кухарка и горничная дѣвка получили отпускъ. Амвросій нанялъ въ Сп. Жерменѣ маленькую комнату, довольно чистую и свѣтлую, въ третіемъ жильѣ, и перенесъ въ нее остальные Госпожи своей домовые приборы. Послѣ того проводилъ онъ ее туда. Она нашла въ новой своей комнатѣ хорошую постелю, покойныя креслы, маленькой столикъ съ чернилицею и бумагою, надъ которымъ разставлены были въ порядкѣ

на

на пяти, или шести полкахъ книги ея, и большой сундукъ, въ которомъ лежало ея бѣлье, платье, нишки, серебряной столовой приборъ, потому что Амвросій не хотѣлъ заставить Госпожу свою ѣсть на оловѣ, и кожаной мѣшокъ съ тритцатью луйдорами. Въ углу комнаты, за перегородкою, стояла поваренная глиняная посуда. Вотъ, сударыня, сказалъ Амвросій, какую комнату могъ я приготовить вамъ за опредѣленныя вами для этова деньги. Хотя комната одна, однакожь будетъ здѣсь мѣсто спать дѣвкѣ безъ всякаго для васъ безпокойства; подъ вашею постелею лежитъ для нее кожаной тюфякъ. --- Дѣвка? съ удивленіемъ произнесла Госпожа Вароннѣ: о какой дѣвкѣ говоришь ты? --- „Да развѣ можно вамъ, сударыня, обойтися безъ дѣвки, которая бы варила кушанье, подавала вамъ, чего вы спросите, и раздѣвала васъ?„ --- Да послушай, Амвросій „ . . . О! эта служанка не дорого будетъ вамъ стоить; она дѣвушка лѣтъ тринатцати, денегъ съ васъ никакихъ не потребуетъ, а будетъ довольна тѣмъ, что ей послѣ васъ останется. А что до меня касается, такъ я уже во всемъ съ Никольтомъ уговорился. Я сказалъ ему, что вы, будучи

дучи принуждены уменьшить расходы свои, должны отпустить меня; что я не знаю, за что приняться, и наконецъ рѣшился итти въ работу. Землякъ мой Никольтъ, человѣкъ богатой и доброй, беретъ меня къ себѣ въ домъ, до котораго отсюда только нѣсколько шаговъ; онъ будетъ меня и поить и кормить, да всякой день станетъ мнѣ еще давать по ливру. Въ Ст. Жерменѣ все дешево; и такъ вы безъ всякой нужды будете жить такимъ доходомъ, имѣя еще въ запасѣ нѣсколько наличныхъ денегъ. Я не хотѣлъ вамъ этова говорить при Сусаннѣ, новой вашей служанкѣ. Теперь приведу я ее къ вамъ. --- Сказавши сіе, онъ ушелъ; но тотчасъ возвратился, приведши съ собою прекрасную дѣвушку. Онъ представилъ ее Госпожѣ своей, говоря: „Вотъ, сударыня, та дѣвушка, о которой я говорилъ вамъ. Отецъ и мать ея бѣдны, однако же они люди трудолюбивые. Дѣтей у нихъ шестеро, и вы сдѣлаете великое благодѣяніе, естьли дочь ихъ возмете къ себѣ въ служанки.„ --- Послѣ сего Амвросій увѣщавалъ Сусанну вести себя хорошо; наконецъ откланялся онъ Госпожѣ Вороннѣ, и пошелъ къ пріятелю своему Никольту.

Кто

Кто бы могъ описать все то, что происходило въ сердцѣ Госпожи Вороннѣ? Не столько наполняли ее благодарностію и удивленіемъ такіе поступки Амвросіевы, но не менѣе приводила ее въ изумленіе и скорая перемѣна во нравѣ и обхожденіи его. Сей человѣкъ, казавшійся всегда грубымъ и сердитымъ, совсѣмъ перемѣнился. Ставши благодѣтелемъ, сталъ онъ другимъ человѣкомъ: съ добрыми дѣлами своими соединялъ онъ почтеніе, съ великодушіемъ нѣжность, и сердце научило его въ одну минуту, какъ надобно щадить и уважать нещастныхъ. Онъ чувствовалъ, сколь священны тѣ должности, которыя налагаютъ на насъ самыя благодѣянія наши; чувствовалъ, что тотъ не истинно великодушенъ, кто, помогая бѣдному, приводитъ его въ смиреніе, или по крайней мѣрѣ въ недоумѣніе. На другой день, когда уже Госпожа Вороннѣ переселилась въ новое свое жилище, Амвросій ей на глаза не казался, для того что онъ работалъ; однакожъ вечеромъ пришелъ онъ къ ней на минуту. Онъ просилъ Госпожу Вороннѣ, чтобы она Сусанну за чемъ нибудь изъ комнаты выслала; а оставшись съ нею одинъ, вынулъ изъ кармана завернутой въ бумашкѣ луйдоръ, и поло-

живши его на столѣ, сказалѣ: *вотъ заработанныя мною въ день деньги.* Не дождавшись отвѣта, призвалѣ онѣ Сусанну и возвратился кѣ Никольту. --- Сколь покоенѣ долженѣ быть сонѣ, и сколь пріятно пробужденіе послѣ такого употребленія плода дневныхѣ трудовѣ! По тому, что мы чувствуемѣ послѣ какого нибудь добраго дѣла своего, можемѣ мы судить о томѣ несказанномѣ удовольствіи, которое производитѣ дѣло великодушное.

Амвросій, исполняя вѣрно наложенныя имѣ на себя высокія должности, всякой вечеръ приходилѣ кѣ Госпожѣ Вороннѣ и приносилѣ ей выработанное днемѣ. Въ исходѣ мѣсяца оставлялѣ онѣ у себя только нѣкоторое число денегѣ, которыя необходимо надобно было платить за мытье бѣлья и за нѣсколько бутылокѣ пива, которое пилѣ онѣ по Воскресеньямѣ и прочимѣ праздникамѣ. Но и сіе малое число денегѣ всегда выпрашивалѣ онѣ у Госпожи Вороннѣ, принимая то за подарокѣ отѣ нее. Напрасно увѣряла она, что ей прожить можно и гораздо меньшимѣ доходомѣ, видя съ прискорбіемѣ, что великодушной Амвросій единственно для нее трудится: въ такомѣ случаѣ онѣ

онѣ ее либо не слушалъ, или казался столько отъ того печальнымъ, что она бывала принуждена молчать.

Госпожа Вароннъ, надѣяся съ своей стороны сколько нибудь успокоить Амвросія, также почти беспрестанно работала и вязала филе. Сусанна помогала ей и ходила продавать работу. Но когда Госпожа Вароннъ сказывала Амвросію о той прибыли, которую доставляетъ ей небольшой торгъ ея, то онъ отвѣчалъ всегда одинаковыми словами: *тѣмъ лучше*, и въ ту же минуту начиналъ говорить о чемъ нибудь другомъ. Время никакъ не перемѣнило поступокъ его; въ теченіи четырехъ лѣтъ беспрерывно показывалъ онъ неограниченное усердіе къ Госпожѣ своей. Наконецъ пришло то время, въ которое ужаснѣйшему нещастію надлежало поразить сердце Госпожи Вароннъ. Въ одинъ вечеръ, когда она по обыкновенію дожидалась Амвросія, вошла къ ней въ комнату служанка Никольтова, съ увѣдомленіемъ, что Амвросій занемогъ и принужденъ былъ лечь на постелю. Послѣ сего печальнаго извѣстія Госпожа Вароннъ просила служанку проводить себя въ ту же минуту къ Никольпу, приказавши Сусаннѣ поскорѣе привести туда лѣкаря.

Приходомъ своимъ удивила она Никольша, которой ее отъ роду въ глаза не видалъ. Она просила его провести ее въ комнату къ Амвросію. — „Да какъ вамъ итти къ нему, сударыня! не льзя.„ — Почему? — „Къ нему надобно итти по лѣсницѣ.„ — По лѣсницѣ? . . . бѣдной Амвросій! . . проводите меня туда. — „Да вы, сударыня, можете переломить себѣ и ноги и руки; къ тому же лежитъ онъ въ такой конурѣ, что вамъ не льзя будетъ тамъ и стать прямо.„ — Сіи слова заставили Госпожу Вароннѣ пролить нѣсколько слезъ. Она приступала къ Никольшу вести себя туда. Онъ провелъ ее по узенькой лѣсницѣ въ темной чердакъ, въ углу котораго лежалъ Амвросій на соломѣ. Любезной Амвросій! закричала она увидя его: въ какомъ состояніи нахожу тебя! А ты всегда говорилъ, что жилищемъ своимъ доволенъ; что оно очень хорошо . . . Амвросій не въ состояніи былъ ей отвѣтствовать; около уже часа былъ онъ въ безпамятствѣ. Госпожа Вароннѣ, увидя сіе, поверглась въ великую печаль. Наконецъ пришла Сусанна съ лѣкаремъ, которой, взлѣзши на чердакъ, не мало удивился, увидя подлѣ мѣдникова работника, лежащаго

на соломѣ, хорошо одѣтую Госпожу благороднаго вида, которая казалась въ величайшемъ отчаяніи. Онъ подошелъ къ больному, прилѣжно разсматривалъ его, и сказалъ, что его уже поздо призвали. — Подумайте, дѣти, что почувствовала Госпожа Вароннъ, услышавши ужасное сіе рѣшеніе. — „Самому отъ себя, сказалъ Никольтъ. Дней уже съ восемь бѣднякъ былъ боленъ, а работать не переставалъ, сколько я ему о томъ ни говорилъ. Только еще нынѣ по утру легъ онъ, да и то съ трудомъ. Чтобы остаться у меня въ работникахъ, бралъ онъ на себя работы болѣе того, что человѣку сдѣлать можно; онъ уморилъ себя трудами.„ — Каждое слово было смертнымъ ударомъ сердцу Госпожи Вароннъ. Она обратилась къ лѣкарю, и со слезами просила его не оставлять Амвросія. Лѣкарь былъ человѣкъ доброй; сверьхъ того все видѣнное имъ возбуждало его любопытство. И такъ онъ безъ всякой отговорки согласился провести часть ночи подлѣ больнаго. Госпожа Вароннъ отправила къ себѣ домой за тюфякомъ, простынею и одѣяломъ, и постлала съ Сусанною постелю, на которую Никольтъ съ лѣкаремъ положили Амвросія. Послѣ

сего бросилась Госпожа Варонпѣ на деревянную скамью, и дала свободное теченіе слезамъ своимъ. Въ четыре часа утра лѣкарь ушелъ, пустивши прежде больному кровь, и обѣщавши опять притти въ полдень. — Госпожа Варонпѣ ни на минуту не отходила отъ Амвросія. Цѣлыя сутки провела она подлѣ постели его, не получая отъ лѣкаря никакой надежды. На третій день примѣтилъ онъ въ немъ перемѣну къ лучшему, а ввечеру ручался уже за его жизнь. —

Госпожа Добролюбова перервала тутъ повѣсть матери своей, бояся, чтобы долгое разсказываніе ее слишкомъ не утомило, хотя тогда не было еще и половины десятаго часа, и просила ее отложить окончаніе исторіи до слѣдующаго дня. Да теперь еще очень рано, сказала съ неудовольствіемъ Елисавета. А развѣ ты не примѣчаешь того, сказала Г. Добролюбова, что бабушка устала, и что она уже нѣсколько разъ кашляла? — „ Матушка! „ ...Чувствительному сердцу надобно имѣть болѣе примѣчанія; оно боится употребить во зло ту благосклонность, которую намъ оказываютъ. — „ Извините меня, матушка; я чувствую проступокъ свой. „ — И такъ я увѣрена, что

что ты уже его въ другой разъ не сдѣлаешь и не захочешь, чтобы для удовольствія твоего кто нибудь потерпѣлъ вредъ.„ — Послѣ сего краткаго наставленія пошли всѣ ложиться спать, а на другой день Г. Правосудова продолжала исторію свою слѣдующимъ образомъ:

Я не въ силахъ описать вамъ радость и восхищеніе Госпожи Вароннъ, видя Амвросія внѣ опасности. Она не хотѣла спать еще и слѣдующую ночь; однакожъ Амвросій, пришедшій уже въ себя, неотступно просилъ ее итти успокоиться. Она возвратилась домой въ величайшей усталости. На другой день пришелъ къ ней лѣкарь, принимавшій такое во всемъ участіе и попеченіемъ о Амвросіи вселившій въ нее такую къ себѣ благодарность, что она не могла отказаться отвѣчать на вопросы его. Она удовлетворила его любопытству и разсказала ему всю свою исторію. Черезъ три дня послѣ того долженъ былъ лѣкарь возвратиться въ Парижъ, потому что обыкновенное его жилище было не въ Сп. Жерменѣ. Отъѣздъ его былъ очень поспѣшенъ; Госпожу Вароннъ оставилъ онъ въ добромъ здоровьѣ, а Амвросія въ великомъ облегченіи.

Между тѣмъ Госпожа Баронъ была въ самыхъ жалкихъ обстоятельствахъ. Въ восемь дней издержала она для Амвросія почти всѣ свои деньги: осталкомъ могла она еще прожить пять, или шесть дней; однакожъ и чрезъ сіе время Амвросій не могъ еще работать, и она трепетала, помышляя, что нужда можетъ его заставить опять взяться за работу, и что отъ этова онъ опять занемочь можетъ. Тутъ почувствовала она нещастное свое положеніе. Она упрекала себя за то, что принимала помощь отъ великодушнаго Амвросія. Безъ меня бы, говорила она, былъ онъ щастливъ: работа доставила бы ему честное содержаніе. Усердіе ко мнѣ лишило его и спокойствія и щастія. Оно можетъ лишить его и жизни. А я, я умру безъ заплаты ему ... Безъ заплаты? ... ахъ! естьли бы и весь міръ былъ въ волѣ моей, и тогда не могла бы я заплатить ему; одинъ только Богъ заплатитъ ему за святое его дѣло: только Онъ одинъ можетъ наградить такую добродѣтель!

Въ одинъ вечеръ, когда Госпожа Баронъ погружена была въ сихъ печальныхъ размышленіяхъ, Сусанна совсѣмъ безъ души вбѣжала къ ней, сказывая, что

что какая-то прекрасная Госпожа хочетъ ее видѣть. Она конечно ошибается, отвѣчала Госпожа Вороннъ. Нѣтъ, нѣтъ, сказала Сусанна: я сама ее видѣла; она сказала: *Госпожа Вороннъ, которая живетъ здѣсь у Г. Давіста, въ третьемъ жильѣ на дворъ.* Она сказала это изъ своей кареты, въ которой впряжены шесть хорошихъ лошадей. Я была у воротъ; *она здѣсь живетъ, сударыня*, сказала я ей. Она отвѣчала: *потрудись сказать Госпожѣ Вороннъ, чтобы она позволила мнѣ на минуту съ нею видѣться.* Я ударилась бѣжать,, . . . Тутъ услышала Госпожа Вороннъ, что у дверей тихо стучатся. Она встала въ великомъ движеніи, отворила двери и увидѣла въ самомъ дѣлѣ прекрасную собою Госпожу, которая подходила къ ней съ робкимъ и нѣжнымъ видомъ. Госпожа Вороинъ выслала Сусанну вонъ. Незнакомая, оставшись съ нею одна, сказала ей: съ радостію имѣю щастіе увѣдомить васъ, милостивая Государыня, что Королю извѣстны уже обстоятельства ваши, и что милость его извлекаетъ васъ изъ вашего нещастія. . . . О Амвросій! вскричала Госпожа Вороннъ, сжавши руки и поднявши глаза на небо съ видомъ живѣйшей

радости и признательности. Въ сію минуту незнакомая не могла отъ слезъ удержаться. Съ горячностію схватила она ее за руку, сказавши ей: поѣдемте, сударыня, поѣдемте въ приготовленное для васъ жилище! . . . Ахъ, сударыня! перервала ея рѣчь Госпожа Вороннъ: какъ могу я вамъ изъяснить . . . Но естьли мнѣ позволится . . . прошу . . . у меня есть, сударыня, благодѣтель: позвольте мнѣ его о всемъ увѣдомить. — Вы можете дѣлать все, что вамъ угодно, отвѣчала незнакомая; а чтобы не заставить васъ въ чемъ нибудь принуждать себя, не поѣду я съ вами въ домъ вашъ. Позвольте мнѣ только проводить васъ до кареты вашей, которая стоитъ у воротъ. —„ Карета моя!„ — Такъ, сударыня; пойдемте поскорѣе. — Незнакомая повела Госпожу Вороннъ, которая насилу могла передвигать ноги. Когда онѣ сошли съ крыльца, незнакомая сказала слугѣ, дожидавшемуся ее тутъ: *пошли людей Госпожи Вороннъ.* Послѣдняя не вѣрила ни глазамъ, ни слуху своему, почитая все за сновидѣніе. Удивленіе ея еще увеличилось, какъ подбѣжалъ къ ней лакей въ дикой ливреѣ, говоря: *карета, сударыня, готова.* Карета была небогатая,

одна-

однакожъ очень хорошая. Незнакомая велѣла отворить дверь, и посадя Госпожу Варонну, ее оставила, пошедши садиться въ свою карету. Новой лакей Госпожи Варонны спросилъ ее, куда она прикажетъ ѣхать? Къ мѣднику Никольшу, отвѣчала она дрожащимъ голосомъ. -- Легко можете представить себѣ, дѣти мои, какое движеніе и какой трепетъ въ сердцѣ ея произвелъ видъ этова дома. Она дернула за шнурокъ: карета остановилась; отворивши сама дверь, оперлась она о плечо лакея и пошла къ Никольшу въ лавку. Первой предметъ, представившійся тамъ глазамъ ея, былъ самъ Амвросій въ работномъ своемъ платьѣ; онъ едва только могъ встать съ постели, однакожъ, не взирая на слабость свою, принялся уже за работу. Госпожа Варонну, увидя его въ трудахъ, почувствовала сладчайшее удовольствіе въ душѣ своей. Онъ трудился для нее, а она пріѣхала освободить его навсегда отъ тяжкой работы, бѣдности и изнеможенія. Въ полной мѣрѣ наслаждалась она тѣмъ щастіемъ, которое глубочайшая и истинная благодарность можетъ доставить душѣ чистой. Дражайшій Амвросій! воскликнула она съ восхищеніемъ: поди, поди

за

за мною . . . оставь эту работу, за которую уже тебѣ никогда не будетъ нужды приниматься; участь твоя перемѣнилась . . . Поди, не медли вкусить благополучіе наше. --- Амвросій, приведенной въ изумленіе, тщетно просилъ изъясненія; напрасно просилъ онъ подождать хотя столько, чтобы успѣть переодѣться и надѣть на себя праздничной свой кафтанъ. Госпожа Вароннъ не могла его ни слушать, ни отвѣчать на воспросы его. Она схватила его за руку, потащила съ собою и принудила его сѣсть въ карету. Слуга спросилъ ее, не въ новой ли свой домъ она ѣхать прикажетъ. Да, другъ мой! отвѣчала она съ неописанною радостію, смотря на Амвросія: прикажи везти насъ *домой*.

Въ каретѣ Госпожа Вароннъ увѣдомила Амвросія о посѣщеніи неизвѣстной благовѣстницы: такъ называла она ее. Амвросій слушалъ ее съ радостію, смѣшенною со страхомъ и сомнѣніемъ; едва вѣрилъ онъ такому чрезвычайному и нечаянному щастію. Наконецъ карета остановилась у воротъ хорошаго низенькаго домика въ Сп. Жерменской рощѣ. Госпожа Вароннъ и Амвросій вышли. Они вошли въ залу, въ которой дожидалась ихъ не-

зна-

знакомая Госпожа. Подошедши къ Госпожѣ Вароннѣ, и подавая ей бумагу, сказала она: Король приказалъ мнѣ вручить вамъ эту бумагу: это указъ о выдачѣ вамъ ежегодно десяти тысячь ливровъ; а онъ предоставляетъ вамъ еще волю назначить половину этова жалованья такому человѣку, какому вы сами за благо разсудите. Какое благодѣяніе! воскликнула Госпожа Вароннъ. Вотъ, сударыня, тотъ человѣкъ; вотъ человѣкъ добродѣтельной, достойной вашего покровительства и милости Его Величества. — Амвросій, стоявъ за Госпожею своею, пришелъ еще въ большее смятеніе; съ видомъ стыдливымъ отступилъ онъ нѣсколько шаговъ назадъ, снявши съ головы своей колпакъ, и не взирая на чрезвычайную свою радость, былъ онъ въ мучительномъ замѣшательствѣ, слушая такую себѣ похвалу. Сверьхъ того ему непріятно было показаться Госпожѣ на первой разъ безъ парика, въ кожаномъ передникѣ и въ замаранномъ камзолѣ; онъ сожалѣлъ тогда о праздничномъ своемъ кафтанѣ. — Незнакомая приближилась къ нему. Постой, Амвросій, говорила она ему, постой; позволь мнѣ хотя на минуту посмотрѣть на себя. Да что такое, суда-

дарыня? сказалъ Амвросій, переворачивая въ рукахъ колпакъ свой: я не сдѣлалъ еще ничего чрезвычайнаго; тутъ не чему удивляться. Госпожа Вароннъ перервала слова его, и начала съ жаромъ и поспѣшностію разсказывать всѣ его въ разсужденіи ея одолженія. Послѣ сего повѣствованія незнакомая вздохнула, будучи сердечно тронута; подняла глаза на небо и сказала: наконецъ наслаждаюсь я удовольствіемъ видѣть два истинно чувствительныя и благодарныя сердца, видѣвши прежде такое множество неблагодарныхъ! . . . Простите сударыня! этотъ домъ со всѣми приборами принадлежитъ вамъ, и вы тотчасъ получите жалованье за первую треть. Сказавши сіе, незнакомая пошла къ дверямъ. Госпожа Вароннъ бросилась за нею, и обливаяся слезами, упала на колѣни. Незнакомая ее подняла, обняла съ горячностію и вышла вонъ. Едва только успѣла она затворить за собою двери, какъ онѣ опять отворились, и Госпожа Вароннъ увидѣла того лѣкаря, которой спасъ Амвросію жизнь. . . .

„Такъ я и не ошибся! закричалъ Петръ: я думалъ, что не кому было разсказать незнакомой Госпожѣ всего этова дѣла, кромѣ добродушнаго лѣкаря.„

Пра-

Правда, что ты не ошибся, отвѣчала ему бабушка; и какъ скоро Госпожа Варонна увидѣла его, такъ скоро и догадалась. Оказавши ему всю свою признательность, разспрашивала она у него о всемъ, и узнала, что незнакомая называлась Госпожею П. * * * что она жила всегда въ Версаліи и была при Дворѣ въ силѣ. Два года уже, продолжалъ онъ, я въ домѣ у нее лѣкаремъ, и знаю ея благотворительность; я увѣренъ былъ, что она войдетъ въ ваши обстоятельства, естьли узнаетъ вашу исторію. Да и въ самомъ дѣлѣ, только что разсказалъ я ей о вашемъ положеніи, купила она этотъ маленькой домикъ и выпросила у Короля то жалованье, о выдачѣ котораго отдала она вамъ указъ.

Тутъ вошелъ слуга и сказалъ Госпожѣ Варонна, что кушанье на столѣ поставлено. Она просила лѣкаря у нее отужинать. Пришедши въ столовую, сажала она Амвросія подлѣ себя, но онъ не соглашался, говоря, что непристойно ему сидѣть съ Госпожею. Какъ! сказала она: развѣ другъ и благодѣтель мой не равенъ со мною? --- Скромной и великодушной Амвросій повиновался, а госпожа Варонна, сидѣвшая между имъ и лѣкаремъ,

масла-

наслаждалась полнымъ удовольствіемъ, которое нѣжному сердцу можетъ доставить признательность и щастливая возможность изъяснять чувства свои.

На другой день Госпожа Вароннъ купила Амвросію хорошее платье, и наилучшимъ образомъ прибрала комнаты его. Во всю свою жизнь она съ нимъ все раздѣляла, и получая деньги, съ нѣжностію всегда воспоминала о томъ времени, въ которое вѣрной Амвросій носилъ ей по ливру, говоря: *вотъ заработанныя мною въ день деньги.* —

V.

Эта исторія, дѣти мои, продолжала Г. Правосудова, доказываетъ, какъ-то сказала мать ваша, что нѣтъ такого званія, нѣтъ такого состоянія, въ которомъ бы не было добродѣтельныхъ. Она доказываетъ еще и то, что намъ надлежитъ быть всегда добродѣтельными, естьли мы точно знаемъ выгоды свои. Рѣдко остается доброе дѣло въ тайнѣ; не возможно, чтобы геройской поступокъ пребылъ неизвѣстенъ и не получилъ славной награды. Амвросій, жертвуя собою Госпожѣ своей, спрашивалъ совѣта у

одного

одного только сердца своего. Но положимъ, что имъ правили единственно разумъ и честолюбіе: даже и въ такомъ случаѣ не могъ бы онъ лучше расположить поступки свои для содѣланія себя щастливымъ. Тогда бы онъ такъ размышлять сталъ: „Я намѣренъ вознестись „выше состоянія своего: какъ же мнѣ вести себя? Я бѣденъ, неизвѣстенъ: чѣмъ „могу я привлечь къ себѣ вниманіе и „благоволеніе тѣхъ, которые могутъ перемѣнить судьбу мою? Какія суть самыя „вѣрнѣйшія средства для возбужденія къ „себѣ въ другихъ людяхъ постояннаго „вниманія, и для принужденія ихъ взять „самое живое участіе въ обстоятельствахъ „моихъ? . . . Дарованія? да у меня ихъ „нѣтъ. Но хотя бы обладалъ я и великими „способностями, однакожь между множествомъ другихъ могъ бы я быть и не„примѣченъ. Сверьхъ того даровонія ма„гутъ нравиться только нѣкоторымъ лю„дямъ. Не многіе познаютъ достоинство ихъ, и въ холодномъ удивленіи, „ими возбуждаемомъ, никогда сердце не „участвуетъ.

„Какоежъ достоинство нравится во„обще всѣмъ людямъ? Одна только добро„дѣтель имѣетъ такую силу. Одною

„честностію не могу я прославиться; „хотя она и производитъ въ другихъ лю„дяхъ къ нимъ почтеніе, однакожь не „раждаетъ удивленія. — Судьба предла„гаетъ мнѣ теперь случай къ достиже„нію цѣли моея. Госпожа Вороннѣ по„гибаетъ подъ бременемъ бѣдности: и „такъ надобно мнѣ спасти ее. Благодар„ность ея рано или поздно найдетъ сред„ства прославить доброе мое дѣло. Ме„жду тѣмъ буду я молчать; ибо естьли „добродѣтель моя сдѣлается извѣстною „только черезъ меня одного, то поте„ряетъ она всю свою цѣну. . . .„

Это самая правда, перервалъ Петръ: собственная польза могла бы заставить Амвросія сдѣлать то, что сдѣлалъ онъ по добродѣтели. Безъ сомнѣнія, сказала Госпожа Добролюбова: эта удивительная связь находится между всѣми людьми и во всѣхъ случаяхъ жизни. Собственныя выгоды, кто имѣетъ о нихъ справедливое понятіе, должны заставить насъ быть искренними, честными, справедливыми и великодушными. Одинъ славной Писатель говоритъ (*): *Одна глупость дѣла-*

(*) M. Gaillard, Hiſtoire de Charlemagne, tom. 1. pag. 179.

дѣлаетъ людей злыми; одна глупость заставляетъ людей обманывать: а по большой еще глупости, привязываютъ къ понятію о силѣ и величествѣ безстыдной порокъ, къ понятію о разумѣ и дарованіяхъ обманъ и коварство.

Какъ, матушка! закричала Елисавета: не уже ли есть такіе люди, которые находятъ величество въ порокѣ? Къ нещастію, отвѣчала Г. Добролюбова, Исторія покажетъ вамъ многіе тому примѣры. Многіе Историки называютъ великими такихъ людей, такихъ Владѣтелей, которые прославились только несправедливостію и грабительствомъ. Въ примѣръ можно поставить завоевателей міра. — „Такъ по этому можно прославиться и безъ добродѣтели?„ — Конечно; однакожь при всей славѣ будешь нещастливъ и ненавидимъ. Для прославленія себя надобно только сдѣлать что нибудь чрезвычайное, но для пріобрѣтенія истинной славы надобно быть добродѣтельнымъ. — „Я понимаю, что по недостатку въ размышленіи можно иногда удивляться завоевателямъ міра, потому что храбрость извиняла у нихъ несправедливость; но какъ можно почитать коварство за знакъ разума?„ — Одни

только глупцы такъ думаютъ; но какъ ихъ очень много, то и найдешь ты много привязанныхъ къ таковому мнѣнію. Тотъ же Писатель, изъ котораго теперь сказывала я вамъ одно мѣсто, говоритъ еще: всякой злой человѣкъ (*) *существенно не имѣетъ никакихъ способностей, всегда удаляется отъ цѣли своей, и рано или поздно необходимо будетъ жертвою коварства своего: ибо не льзя совсѣмъ укрыться отъ глазъ другихъ людей, или по крайней мѣрѣ отъ подозрѣнія, а всякой человѣкъ придетъ противъ того въ злобу, кто откроетъ худую его сторону.* — Симъ кончилось пятое вечернее повѣствованіе. Госпожа Добролюбова встала, и всѣ пошли спать, будучи восхищены исторіею Госпожи Варонны и добродѣтелію Амвросіевою.

Тогда было двацать пятое Февраля. Холодъ былъ чрезвычайно великъ. Однакожь Г. Добролюбова обѣщалася Петру на другой день поутру съ нимъ прогуливаться. Петръ звалъ мать свою въ березовую рощу: она согласилась. Елисавета и Катерина не могли имъ сопутствовать, для

(*) Hiſtoire de Charlemagne, tom. 2. pag. 460.

для того что онѣ кашляли. Въ десять часовъ пошли Г. Добролюбова съ сыномъ своимъ прогуливаться, а за собою приказали ѣхать каретѣ, потому что до рощи было около четырехъ верстъ: половину дороги надобно было ѣхать, чтобы незаставить себя дожидаться къ обѣду, которой былъ всегда въ двѣнатцать часовъ. Во всю зиму не было еще такого холода. Сперва Петръ пожимался, но черезъ четверть часа увѣрялъ, что холодъ уже не такъ великъ. Холодъ не уменьшился, сказала Г. Добролюбова: ты зябнешь менѣе отъ того, что нѣсколько уже къ нему привыкъ. Таково всякое Физическое зло: естьли оно не смертельно, то къ нему привыкнешь. Привычка знакомитъ насъ съ такими предметами, которые казались намъ самыми страшными и опасными. Она знакомитъ даже и съ самыми болѣзнями, или лучше сказать, она уменьшаетъ ихъ и дѣлаетъ менѣе чувствительными. Весьма хорошо будетъ, естьли мы увѣримся въ этой истинѣ, чтобы съ бодростію и спокойствіемъ встрѣчать всѣ страданія, сопряженныя съ жизнію человѣческою. —— Да вить есть, матушка, такіе люди, сказалъ Петръ, которые по природной нѣжности не мо-

гутЪ привыкнуть ни кЪ какимЪ непріятностямЪ. Вы сами сказывали, что Госпожа Б * * *, лишася по тяжбѣ большой части имѣнія своего, никогда не могла привыкнуть кЪ бѣдности и деревенской жизни. —— „Правда, однакожь такіе примѣры рѣдки; ихЪ надобно почитать за изключеніе, кЪ которому подаютЪ поводЪ только самые слабые люди. ВпрочемЪ такая слабость не есть слабость естественная: она бываетЪ только плодомЪ нравственнаго развращенія, происходящаго отЪ худаго воспитанія.„ —— По этому многіе люди, которые намЪ очень нещастными кажутся, въ самомЪ дѣлѣ нещастны менѣе? —— „Они страдаютЪ менѣе, нежели мы думаемЪ; по тому-то самому и достойны они нашей помощи. Нещастной, сносящій терпѣливо судьбу свою, безЪ всякаго сомнѣнія имѣетЪ право на почтеніе наше. Надобно имѣть очень жестокое сердце, чтобы не сожалѣть о злощастномЪ, которой отЪ многаго страданія сдѣлался нечувствителенЪ кЪ скорби своей. Такое добродѣтельное терпѣніе достойно нашего удивленія, —— нѣжнаго и дѣятельнаго соболѣзнованія. -- Мы можемЪ проливать слезы о участи страдающаго, хотя бы мы на его мѣстѣ и не почли

участь

участь свою ужасною. Такое возвышенное чувство свойственно всѣмъ благороднымъ сердцамъ; ежедневно видимъ мы удивительные тому примѣры. Напр. когда мнѣ пускаютъ изъ одной руки кровь, я сама могу въ другой рукѣ держать свѣчу; но я не могу безъ сердечнаго содроганія смотрѣть, когда пускаютъ кровь другому. Когда отецъ вашъ вывихнулъ себѣ руку, и когда ему опять ее вправляли, сносилъ онъ боль съ удивительною твердостію; но онъ едва не упалъ въ обморокъ, когда то же самое случилось съ камердинеромъ вашего дяди.„ — Это я и самъ испыталъ: я падаю, ушибаюсь и обрѣзываю себѣ руки безъ слезъ, а не могу видѣть безъ страха кровь на комъ нибудь другомъ. —„ И такъ видишь, что человѣкъ по природѣ не всегда себя другимъ предпочитаетъ, и что тотъ, которой все къ себѣ относитъ, которой только къ одному себѣ чувствителенъ, есть человѣкъ унизившійся и развращенной.„ —

Разговаривая такимъ образомъ, пришли они къ пространному и глубокимъ снѣгомъ покрытому лугу, мимо котораго текла рѣка, сверьху обледенѣвшая. Петръ захотѣлъ прокатиться по льду и побѣжалъ къ кустамъ, которые покрывали

одинъ берегъ рѣки; онъ забѣжалъ за нихъ, и Г. Добролюбова потеряла его изъ глазъ. Черезъ минуту онъ опять оттуда выскочилъ, и бѣжавши къ ней, кричалъ во весь голосъ: подите поскорѣе, подите! можетъ быть они еще живы! — Что ты говоришь? спрашивала Г. Добролюбова: что ты видѣлъ? — „Ахъ, матушка! тамъ лежатъ два замерзшіе мальчика.„ — Госпожа Добролюбова удвоила шаги свои. Петръ, исполненной горести, привелъ ее къ одному кусту, подлѣ котораго лежали мальчики внизъ лицемъ. Г. Добролюбова подошла къ нимъ и увидѣла, что старшій мальчикъ былъ въ одной рубашкѣ и лежалъ на младшемъ. Боже мой! закричала она: вѣрно это братья, и одинъ снялъ съ себя изъ великодушія платье свое, чтобы одѣть другаго. Какая добродѣтель! . . . дай Богъ, чтобы мы уже прищли сюда не поздно! — Она приказала людямъ своимъ поднять мальчиковъ и отнести ихъ въ карету. Петръ снялъ съ себя верхнюю шубу и одѣлъ ею старшаго мальчика; а Иванъ, слуга его, взявши его къ себѣ на руки, сказалъ, что едва ли уже онъ жить можетъ. Между тѣмъ поворотилъ онъ мальчика вверьхъ лицемъ. Ахъ,

Боже

Боже мой! закричалъ Петръ, взглянувши на него: это нашъ Николай съ братомъ своимъ. Онъ не обманулся. Въ одну минуту покатились у него изъ глазъ слезы. Родительница его, взявши еще болѣе участія въ судьбѣ нещастныхъ мальчиковъ, смѣшала слезы свои съ его слезами. Она ощущала тоску, видя изображеніе смерти на лицѣ великодушнаго Николая, и представляя себѣ то отчаяніе, въ которое приведетъ нещастную мать потеря такого сына. Между тѣмъ Иванъ съ другимъ слугою держали обоихъ мальчиковъ на рукахъ, думая, что они уже умерли. Положите ихъ въ карету, сказала Г. Добролюбова: ты, Иванъ, поѣзжай съ ними, старайся ихъ по немногу отогрѣвать и какъ можно скорѣе привезти домой. Яковъ останется съ нами; мы придемъ пѣшкомъ. Иванъ немедленно исполнилъ повелѣніе Госпожи своей: положилъ ребятъ въ карету и самъ сѣлъ съ ними же. Въ одну минуту кареты стало не видно. Мать съ сыномъ по всей возможности торопились и пришли домой въ великой усталости, а болѣе еще въ безпокойствѣ о судьбѣ Николаевой и брата его. У дверей встрѣтили ихъ Своемысловъ, Елисавета и Катерина. Они живы,

живы! закричали послѣднія, бросившись къ матери своей. Петръ заплакалъ отъ радости и кинулся обнимать сестеръ. Гж. Добролюбова со всѣми дѣтьми спѣшила въ ту комнату, въ которой положили Николая съ братомъ. Оживленіе ихъ было примѣтно, однакожь они были безъ чувствъ. Гжа. Добролюбова послала за матерью, которая и пришла въ самое то время, какъ Андрей, потерпѣвши отъ холода менѣе брата, раскрылъ глаза и началъ нѣсколько говорить. Черезъ часъ сталъ уже и Николай приходить въ память. Онъ узналъ мать, и назвалъ именемъ брата своего. Къ вечеру пріѣхалъ лѣкарь, за которымъ посылали въ сосѣдственной городъ. Онъ сказалъ, что мальчики будутъ живы, хотя были они еще въ мучительномъ состояніи. Мать ихъ, нѣсколько успокоенная, разсказала Гжѣ. Добролюбовой, что они по утру пошли за дровами, но зашли гораздо далѣе обыкновеннаго. А какъ уже пришло время имъ возвратиться, а ихъ еще не было, то послала она за ними мужа своего. Но его обманули слѣды другихъ ребятъ, и онъ пошелъ по той тропѣ, которая привела его въ другіе кусты, а не въ тѣ, гдѣ отъ безсилія и холода упали дѣти ихъ.

Во

Во весь вечеръ занимались Петръ и сестры его Николаемъ; цѣлой домъ показывалъ великую любовь къ сему мальчику. Чтобы увидѣть дѣйствіе лѣкарства, которое ему дали, никто не хотѣлъ лечь спать прежде полуночи; а нѣкоторые изъ слугъ и всю ночь не отходили отъ Николая. Лишь только еще свѣтать начинало, Петръ уже былъ у дверей той комнаты, въ которой онъ лежалъ. Съ величайшею радостію узналъ онъ, что обоимъ братьямъ стало гораздо легче; что они говорили и были въ совершенной памяти. Послѣ обѣда Николай всталъ. Петръ получилъ позволеніе войти къ нему въ комнату. Онъ обнималъ его съ несказаннымъ удовольствіемъ. На другой день могъ уже Николай самъ разсказать всѣ подробности своего произшествія.

Все семейство окружило Николая, которой цѣлой вечеръ занималъ вниманіе слушателей своимъ повѣствованіемъ, будучи посаженъ между матерью и маленькимъ братомъ. Въ самыхъ пріятныхъ выраженіяхъ разсказывалъ онъ, какъ братъ его, вмѣсто того, чтобы набирать дрова, *усѣлся* на снѣгу и такъ прозябъ, что лишился всѣхъ чувствъ; что онъ напрасно согрѣвалъ его платьемъ своимъ и теръ у

него

него руки; что наконецъ, увидя его *совсѣмъ посинѣвшаго* и недвижимаго, началъ онъ кричать; что онъ нѣсколько разъ кликалъ на помощь къ себѣ отца, но не слыша никакого *отзыва*, началъ *горько плакать*. Что слезы его текли на лице къ брату и въ ту же минуту *замерзали*, *отъ чего онъ еще болѣе плакалъ*; что онъ, не взирая ни начто, не лишился бодрости и хотѣлъ поднять брата на плеча къ себѣ, но *окостѣневши отъ стужи*, ослабѣлъ и упалъ подлѣ него; что въ сей крайности вздумалъ онъ прибѣгнуть къ послѣднему средству для спасенія Андреевой жизни, скинулъ съ себя все платье и одѣлъ его; что въ ту минуту открылъ Андрей глаза, посмотрѣлъ прямо на него и *отолкнулъ отъ себя* платье, какъ будто бы хотѣлъ заставить его опять одѣться. Послѣ этова, продолжалъ Николай, *стало мнѣ, самъ не знаю что. Я какъ бы засыпать сталъ, совсѣмъ позабылся и упалъ на братишку. Болѣе, право, ни чего не знаю.*

Петръ вдругъ вскочилъ со стула и бросился къ Николаю на шею. Николай пришелъ въ изумленіе: ибо поступокъ свой почиталъ онъ столь естественнымъ и обыкновеннымъ, что никакъ не могъ понять,

понять, чему тутъ удивляться. Послѣ сего повела его мать домой. Когда они ушли, Гжа. Добролюбова начала говорить о добродѣтели мальчиковой. Великодушное его дѣйствіе доказываетъ истинну того, что я тебѣ на сихъ дняхъ говорила, сказала она Петру: то есть, что предпочитать себя другимъ не столь естественно, какъ многіе думаютъ. Николай скинулъ съ себя все платье; потому что собственное страданіе было ему легче страданія брата своего. Какое же возвышенное чувство есть сожалѣніе, производя такія святыя дѣла! Оно не ослабляетъ душу, но возвышаетъ ее; заставляетъ забывать опасности, презирать смерть и скорби. Не противься никогда такому добродѣтельному побужденію. Храни тщательно въ сердцѣ своемъ то дѣятельное и нѣжное соболѣзнованіе, которое столь естественно сердцу человѣческому, и которое изчезаетъ только при развращеніи. — Послѣ сего Гжа. Добролюбова хотѣла итти спать, но Петръ удержалъ ее, изъявляя ей желаніе свое никогда не разставаться съ Николаемъ. Хорошо, отвѣчала она, желаніе твое можно исполнить: я возьму Николая къ себѣ въ домъ и буду его съ то-

тобою вмѣстѣ воспитывать. Петръ вспрыгнулъ отъ радости: я научу его всему, что самъ знаю! закричалъ онъ. Да хорошо ли будетъ, сказала Катерина, отнять у отца и матери такого сына? Я возьму его для того, отвѣчала Г. Добролюбова, чтобы сдѣлать его благополучнымъ; отецъ и мать безъ всякаго сомнѣнія не захотятъ пожертвовать выгодами сына собственному своему удовольствію: кого мы истинно любимъ, того желаемъ видѣть щастливымъ, хотя бы для этова намъ съ нимъ и навсегда разлучиться надлежало. —

На другой день спросила Г. Добролюбова у родителей Николаевыхъ, хотятъ ли они добровольно отдать ей на воспитаніе сына своего. Такое милостивое предложеніе заставило ихъ пролить радостныя слезы; принимая оное съ восхищеніемъ, приносили они Госпожѣ въ чувствительнѣйшихъ выраженіяхъ свою благодарность. Николай заплакалъ, услышавши, что ему надобно разлучиться съ родителями и братомъ. Однакожъ онъ очень тронутъ былъ тою любовію, которую оказывалъ ему Петръ, и весьма желалъ научиться всему тому, что онъ зналъ.

Дѣти

Дѣти Гжи. Добролюбовой дни четыре столько занимались Николаемъ, что позабыли и вечернія повѣсти; но наконецъ напомнили они матери, что она должна имъ по обѣщанію своему разсказать исторію. Вы по справедливости удивлялись тонкости и добродѣтели Амвросіевой, сказала она имъ: вы безъ сомнѣнія думаете, что не льзя уже показать болѣе великодушія, любви и величества души, но я разскажу вамъ такую исторію, въ которой найдете вы примѣръ гораздо возвышеннѣйшихъ чувствъ. Я нѣсколько разъ остерегала васъ отъ коротказо обхожденія съ служанками; потому что въ самомъ дѣлѣ бываютъ онѣ по большой части развращеннаго нрава. Однакожь будьте увѣрены, что и изъ нихъ бываютъ нѣкоторыя разумны и добродѣтельны; въ примѣръ чего и выслушайте исторію, которая почти въ моихъ глазахъ случилась, когда я была во Франціи. —

VI.

Великодушіе дружбы.

Въ одной изъ сѣверныхъ Провинцій Франціи находится такая частица земли, въ которой честь и добродѣтель занимаютъ мѣсто законовъ и доставляютъ щастливымъ жителямъ страны сея надежное спокойствіе . . . „Ахъ, какая завидная земля! Какъ она называется?„ — Она называется С * * * —„ Были ли вы тамъ, матушка?„ — Будучи во Франціи, имѣла я удовольствіе видѣть эту страну и удивляться благополучному ея состоянію. Въ жителяхъ нашла я тамъ неописанное простодушіе и трудолюбіе; самой языкъ ихъ отличенъ отъ грубости языка прочихъ Французскихъ крестьянъ. Матери тамъ нѣжны, дѣти благодарны и послушны, а дѣвушки скромны. Порочное сладострастіе и зависть тамъ неизвѣстны. Увидишь тамъ пріятное равенство, согласіе, непорочные нравы и всѣ добродѣтели, составлявшія щастіе людей въ первыхъ вѣкахъ міра. Владѣтель сей землицы имѣлъ такую супругу, которая достойна была

была жить въ семъ благополучномъ мѣстѣ. Госпожа С * * * соединяла съ просвѣщеннымъ разумомъ благодѣтельную душу. Она любила чтеніе и рукодѣлье: она вышивала ковры и сажала цвѣты. Въ саду было у ней нѣсколько ульевъ пчелъ (*); она смотрѣла за ними, и воспитывала еще шелковыхъ червячковъ. Будучи хорошею хозяйкою, пеклася она о домашнемъ устройствѣ, и старалась исполнять всѣ тѣ должности, которыхъ уже само исполненіе бываетъ пріятно, а особливо въ деревенской жизни. Съ великимъ удовольствіемъ ходила она на птичной дворъ и въ погребъ, въ которомъ стояли съ молокомъ кринки, и въ таковыхъ упражне-

(*) Пчелы суть родъ мухъ, которыя производятъ сладкую клейкую матерію, называемую медомъ. Нынѣ разводятся онѣ по большей части только въ домахъ, а прежде были дики и наполняли лѣса въ Россіи, въ Польшѣ и въ другихъ сѣверныхъ земляхъ, и жили въ трещинахъ на деревахъ и на камняхъ. Когда пчелы займутъ улей, то стараются сперва всѣ диры и трещины замазать нѣкоторою смоляною матерією, которая сначала бываетъ

ніяхъ находила для себя утѣшеніе, средства къ наученію и достаточной жизни при умѣренныхъ доходахъ —— „Къ наученію? перервала повѣствованіе ея Елисавета: къ какому же наученію?„ —— Къ наученію самому существенному, отвѣчала Г. Добролюбова. Вы уже знаете, что Натуральная Исторія есть наука очень обширная. Она имѣетъ множество частей, равно полезныхъ, равно достойныхъ любопытства нашего, которыя весьма просто и безъ всякаго труда можно узнать въ деревенской жизни, занимаясь хозяйствомъ. Опыты и предметы научаютъ лучше книгъ. Отъ чтенія книгъ часто остаются въ головѣ только слова; но опыты раждаютъ въ ней понятія и впеча-

---

ваетъ мягка, а послѣ становится жесткою. Сія матерія совсѣмъ отлична отъ меда и воску; она есть родъ смолы и ее употребляютъ въ Медицинѣ. Исключая обыкновенныхъ пчелъ, находится еще множество другихъ родовъ, которыя называются осами, шмелями и проч.

Гвадалупскія пчелы производятъ темновіолетовой воскъ, котораго цвѣтъ никакъ перемѣнить не льзя; онъ столько мягкъ, что сотамъ быть изъ него не можно.

впечатлѣваютъ незагладимое воспоминаніе. Я знала въ Москвѣ одну женщину, которая, прочитавши множество Физическихъ книгъ, не умѣла отличить листья яблони отъ листьевъ вишни. Не живши никогда въ деревнѣ, во многихъ отношеніяхъ будешь смѣшнымъ невѣждою. Какъ можно въ городѣ узнать различныя чудеса природы? Плоды видимы только на рынкѣ, или на столахъ, а цвѣты въ стаканахъ. Не льзя имѣть никакого понятія о работахъ поселянъ, о деревенскихъ забавахъ, о невинныхъ удовольствіяхъ, презираемыхъ только тѣми, которые ими никогда не наслаждались. Одинъ изъ знаменитыхъ писателей нынѣшнихъ временъ, Г. Бюффонъ, говоритъ: *Все желаемое нами сверьхъ того, что сама природа предлагаетъ, стоитъ намъ великаго труда, и удовольствіе доставляетъ единственно то, что она намъ предлагаетъ.* — „Да вить есть такія люди, матушка, сказала Катерина, которые страстно любятъ Москву и большія собранія: надобно, чтобы они находили въ томъ великое удовольствіе.„ —— Такія люди, отвѣчала она, живутъ въ безпрестанномъ безпокойствѣ, въ такомъ шумѣ, которой не только отнимаетъ у нихъ возможность

думать, но лишаетъ ихъ возможности и чувствовать; а въ такомъ состояніи не льзя наслаждаться никакимъ щастіемъ; воображеніе наше бываетъ тогда въ безпорядкѣ, и отдаетъ сердце наше въ добычу страстямъ и необузданнымъ вожделѣніямъ. — „А что такое страсть, матушка?„ — Чрезвычайная склонность къ какому нибудь предмету: такая склонность, которая противна разуму. — „Да вить есть, матушка, и непротивныя разуму страсти?„ — Не всякая чрезмѣрность непростительна, однакожь она всегда есть плодъ легкомыслія. На примѣръ, женщина, любящая страстно своего мужа. - . . „Не уже ли можно ее назвать безразсудною?„ — Конечно; она очень нещастлива, потому что безъ разсудка нѣтъ щастія. — „Да вить женѣ надобно любить мужа своего отъ всего сердца?„ — Конечно. — „Такъ, какъ вы батюшку любите„ — Безъ сомнѣнія. — „Не предпочитаете ли вы батюшку всему?„ — Что разумѣешь ты подъ словами *всему предпочитать*? Развѣ предпочтеніе есть та *чрезвычайная* склонность, о которой я теперь говорила? — „Однакожь разговаривать съ нимъ вы любите лучше, нежели играть на

на клавесинѣ, читать, или прогуливаться.„ — Правда, что разговоръ съ нимъ, или одно удовольствіе его видѣть, предпочту я всѣмъ забавамъ въ мірѣ; скажу еще и то, что его щастіе для меня дороже моего. — „И это все не страсть, матушка?„ — Нѣтъ. — „Да что же еще можетъ произвести страсть?„ — Чрезвычайности. Знаешь ли ты Гжу. Слабомыслову? — „Ту, которой мужъ за годъ передъ симъ для увеселенія своего ѣздилъ въ Парижъ, которая съ печали отъ того занемогла, и которую вы ѣздили утѣшать?„ — Да. Она можетъ служить вамъ примѣромъ страсти. Страсть отнимаетъ бодрость и силу сносить страданіе. — „Да вить не льзя отвратить лихорадку, естьли она къ кому придетъ?„ — Не льзя; но когда страсть нами не владѣетъ, то отсутствіе не нанесетъ намъ никакой болѣзни; здравой разумъ научитъ сносить съ терпѣніемъ участь свою. Гжа. Слабомыслова имѣетъ къ мужу своему совершенную страсть; сообщество съ нимъ не только она предпочитаетъ всякому другому, но и никакое сообщество не можетъ ей безъ него нравиться. Удовольствіемъ смотрѣть на него не пожертвуетъ она должности за-

ниматься воспитаніемъ дѣтей. — „О нѣтъ, матушка! вы не таковы; однакожь вы любите батюшку не менѣе того, какъ Гжа. Слабомыслова любитъ своего мужа, потому что батюшкино щастіе предпочитаете вы своему. Гжа. Слабомыслова любитъ сильнѣе, а вы лучше. Этотъ примѣръ доказываетъ мнѣ, что и самая позволенная страсть можетъ ввести въ худое; не щипая болѣзни, производитъ она безпечность въ разсужденіи дѣтей, а послѣ. . . . Все это никуда не годится.„ — Всякая страсть ослѣпляетъ нашъ разсудокъ, и смотря по обстоятельствамъ, приводитъ насъ въ большее или меньшее заблужденіе. — „Можно ли, матушка, не давать страстямъ воли?„ — Конечно, потому болѣе, что мы сами въ себѣ воспитываемъ ихъ; а какъ онѣ возрастаютъ только постепенно, то и легко ихъ заморить можно. Почувствовавши, что какая нибудь склонность слишкомъ въ насъ усиливается, надобно стараться ее угнѣтать и . . . „Да почему узнаешь, когда начнется страсть?„ — Признакомъ начала ея будетъ то, что мы почувствуемъ въ себѣ возможность пожертвовать нѣкоторыми своими должностями какому нибудь предмету, увеселенію, вкусу. . .

„Ахъ,

„Ахъ, Боже мой! закричала Катерина: такъ и во мнѣ есть страсти! потому что я часто бы жертвовала книгою прогулкѣ, шашкамъ, своему чижику, своей бѣлкѣ, да и сама не знаю, чему, естьли бы все было въ моей власти.„ — Это доказываетъ, что книги тебѣ бываютъ иногда скучны: чувство, обыкновенное въ твоихъ лѣтахъ! Но при другихъ удовольствіяхъ не будешь ты жалѣть ни о чижикѣ, ни о бѣлкѣ; ты не отдаешь имъ точнаго предпочтенія, слѣдственно и нѣтъ въ тебѣ страсти. Тебя можно назвать только легкомысленною, неосновательною и лѣнивою. — „А! теперь разумѣю. Въ страсти начнешь сперва отдавать чему нибудь передъ прочимъ преимущество, а послѣ не захочется уже исполнять того, что намъ дѣлать бы должно было.„ — Правда. — „Естьли бы, матушка, случилось мнѣ сдѣлаться такою прилѣжною, чтобы всѣмъ прочимъ удовольствіямъ предпочла я ученіе, то надобно ли бы мнѣ было стараться истреблять прилѣжность свою?„ — Нѣтъ, потому что такое предпочтеніе было бы основательно. — „Такъ по этому есть страсти и хорошія, матушка?„ — Нѣтъ, одно предпочтеніе не

составляетъ еще страсти. Естьли бы охота къ ученію мѣшала исполнять тѣ должности, которыя налагаетъ на насъ общежитіе, то оно было бы тогда порочно. Всякая чрезмѣрность, называемая страстію, производитъ худые плоды. Страсть насъ ослѣпляетъ, вводитъ въ слабости и заставляетъ быть во многомъ несправедливыми. — „Мнѣ это очень прискорбно. Когда вы говорите, матушка: *я люблю страстно Катиньку свою*, такъ это только одно обыкновенное выраженіе?„ — Естьли бы я сказала, что *люблю тебя до безумія*, то пожелала ли бы ты, чтобы я сказала правду? — „О нѣтъ, матушка! я не хочу видѣть въ васъ никакихъ слабостей.„ — Не уже ли послѣ всего теперешняго разговора нашего ты еще не понимаешь, что страсть и разсудокъ никогда между собою согласны быть не могутъ; что всякая страсть сопряжена съ нѣкоторою степенію безумія? *Люблю до безумія*, *люблю страстно*, суть въ самомъ дѣлѣ употребительныя только выраженія. Впрочемъ не милосердо бы было съ твоей стороны хотѣть того, чтобы я любила тебя страстно: я впала бы въ порокъ, а ты въ истинномъ смыслѣ ничего бы не выиграла. Естьли бы

бы надобно было для спасенія вашей жизни пожертвовать мнѣ своею, то я охотно бы ею пожертвовала. Для васъ сдѣлаю я всякое героическое дѣло, какое только страсть вдохнуть можетъ; но не преступлю для васъ ни одной изъ должностей моихъ, то есть, любовь можетъ возвысить душу мою, а не привесть меня въ заблужденіе, или унизить. Не уже ли хочешь ты, Катерина, чтобы я имѣла другія чувства? — Ахъ, нѣтъ, матушка! закричали всѣ дѣти, бросившись обнимать мать, которая съ нѣжностію прижимала ихъ къ груди своей и не могла удержаться отъ слезъ, чувствуя, что слезы Катеринины лились къ ней на руку. Послѣ минутнаго молчанія, нѣжностію произведеннаго, начался опять разговоръ. Послушайте, матушка, сказалъ Петръ: мнѣ еще хочется предложить вамъ одинъ вопросъ о страстяхъ. Естьли по нещастію овладѣетъ кѣмъ нибудь сильная страсть, то можно ли опять отъ нее освободиться? — „Безъ сомнѣнія можно; ибо мы во всемъ себя побѣдить можемъ, естьли только захотимъ. Но въ томъ случаѣ, о которомъ ты говоришь, бываетъ это усиліе очень мучительно. Легко предохранить себя отъ страстей, но побѣдить ихъ очень

трудно.„ — Да какъ же можно предохранить себя отъ нихъ? — „Надобно заблаговременно пріучиться во всемъ требовать совѣта у разума, и побѣждать себя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые его оскорбляютъ; надобно помнить, что мы всегда въ глазахъ вашняго премудраго Существа, которому всякая чрезмѣрность неугодна. Можно всегда быть въ безопасности отъ сильныхъ страстей помощію Религіи, господства надъ самимъ собою и прилѣжнаго упражненія въ трудахъ.„ — Естьли всякаго рода чрезмѣрность порочна, то надлежитъ ли удивляться поступку Господина Лагаре, этова чрезвычайнаго Француза, о которомъ сказывалъ намъ Г. Своемысловъ, что онъ отказался отъ міра, изъ замка своего сдѣлалъ больницу для бѣдныхъ и во всю жизнь занимался надзираніемъ надъ ними? — „Безъ сомнѣнія надлежитъ этому поступку удивляться и почитать его за примѣръ добродѣтели.„ — Однакожь Г. Лагаре любилъ *страстно* человѣчество, — „Страстями называютъ обыкновенно только такія ощущенія, которыя основываются на личномъ нашемъ удовольствіи и влекутъ насъ къ нѣкоторымъ предметамъ; или привязанность къ нѣкоторому

насла-

наслажденію (*); или любовь къ различнымъ увеселеніямъ (**); или разные пороки, которыхъ несобственно назвали страстями, на прим. гнѣвъ. Но человѣколюбіе есть самое безкорыстнѣйшее ощущеніе; чѣмъ оно пространнѣе, тѣмъ почтеннѣе. Лишить себя всего имѣнія для любимаго своего предмета, есть дѣло благородное и похвальное, ибо такая жертва подлинно велика; но отдать все нещастнымъ, къ которымъ не привязываетъ насъ никакая особенная склонность, исключая сожалѣнія, посвятить имъ всю свою жизнь, отказаться для нихъ отъ тысячи пріятностей и поступать съ ними какъ съ любезными дѣтьми, единственно для того, что они нещастливы: вотъ дѣйствіе истинно героической добродѣтели! Такая благодѣтелькость въ самомъ дѣлѣ можетъ быть названа страстію; но эта страсть совсѣмъ отлична отъ другихъ страстей, потому что она совершенно безкорыстна, производитъ только доброе, и есть, такъ сказать, вдох-

---

(*) Какъ то скупость, увеселяющаяся стяжаніемъ богатства.

(**) Такова есть страсть къ игрѣ.

вдохновеніе Самаго Божества: ибо безъ Религіи никакъ не возможно достигнуть такой степени въ добродѣтели. , — А естьли бы, матушка, у Г. Лагаре были дѣти, такъ отдалъ ли бы онъ все имѣніе свое бѣднымъ? — „Конечно бы не отдалъ; ибо сперва надобно исполнить тѣ должности, которыя наложены на насъ природою. Г. Лагаре могъ бы тогда удѣлять бѣднымъ только отъ излишества своего, и будучи обязанъ воспитывать своихъ дѣтей, не былъ бы онъ въ состояніи посвятить себя услугѣ бѣднымъ.„

Вы уже, матушка, по милости своей отвѣчали на всѣ наши вопросы: я надѣюсь, что вы теперь будете разсказывать исторію Госпожи С * * *. Съ охотою, отвѣчала Гжа. Добролюбова: да у меня уже изъ памяти вонъ вышло, гдѣ я остановилась. — „Вы намъ сказали, что Гжа. С * * * была щастлива, для того что она была благодѣтельна, любила деревню, садила цвѣты, читала, трудилась, имѣла пчелъ, червячковъ — вы тутъ остановились.„ — И такъ, продолжала Госпожа Добролюбова, будучи довольна своею участію, вела она пріятную и невинную жизнь. Она не могла помогать бѣднымъ

день-

деньгами, потому что супругъ ея былъ весьма небогатъ; однакожь при всемъ томъ не пропускала она ни одного дня безъ оказанія благодѣяній. Въ деревнѣ у нее не было ни Доктора, ни лѣкаря; она разумѣла нѣсколько Ботанику, со вниманіемъ читала *исторію лѣкарственныхъ травъ*, сочиненную Господиномъ Шомелемъ, и знала наизусть Тиссотово *воззваніе къ народу*, твореніе весьма полезное, воспаляющее сердце чувствительнаго читателя чистѣйшимъ огнемъ человѣколюбія. (*) Госпожа С * * * при всѣхъ знаніяхъ своихъ

(*) Желательно бы было, чтобы какой нибудь ученой и человѣкслюбивой мужъ восхотѣлъ и на нашемъ языкѣ сочинить такую книгу, которая бы имѣла предметомъ Физическое и нравственное благо поселянъ нашихъ; можно почти ручаться за великое удовольствіе, съ каковымъ принято будетъ такое твореніе отъ всѣхъ Патріотовъ. Во всѣхъ земляхъ такого рода книги увѣнчаны одобреніемъ. Въ прошедшемъ году въ Германіи разобрали на подписку 18098 экзем. книги, названной: Noth- und Hülfsbüchlein für den Landmann, то есть нужная и полезная книга для поселянина.

ихъ не думала отправлять должность подлиннаго Медика; ибо никакой благоразумной человѣкъ не возмется за лѣченіе, естьли онъ не учился врачебной наукѣ. Однакожь она посѣщала больныхъ и не допускала ихъ употреблять опасныя лѣкарства, предписывая имъ такія, которыя никакихъ худыхъ слѣдствій имѣть не могли; она присылала къ нимъ здоровыя похлебки, вино, бѣлье, и своими посѣщеніями, утѣшеніемъ и человѣколюбіемъ ободряла ихъ; она доказывала, что при самомъ небольшомъ достаткѣ можно быть благодѣтельнымъ, и что дѣлая возможное добро, насладишься полнымъ удовольствіемъ, которое можетъ доставить благодѣтельность.

У Госпожи С * * * была служанка, называвшаяся Маріанною, которая служила ей двѣнатцать лѣтъ. Она показала во многихъ случаяхъ совершенную свою честность, безкорыстіе и любовь къ Гжѣ. своей, которой добродѣтелями она обладала, подражая примѣрной ея жизни. Надобно сказать, что она никогда не была въ Парижѣ, и ничто не могло испортить, ниже перемѣнить природныхъ ея щастливыхъ свойствъ. Госпожа С * * * нѣжно ее любила, и попеченіе о ея

щасти

щастіи составляло для нее одно изъ самыхъ пріятнѣйшихъ удовольствій, Маріанна, будучи немного старѣе Госпожи С * * *, надѣялась умереть въ услугахъ у нее; однакожь Провидѣнію угодно было иное. Госпожа С * * * занемогла такою болѣзнію, которая въ началѣ казалась очень неопасною, но могла сдѣлаться смертельною при самомъ малѣйшемъ небреженіи. На смерть взирала она не только безъ ужаса, но еще и съ кроткимъ веселіемъ, свойственнымъ добродѣтельной и истинно Христіянскихъ исполненной душѣ. Всѣ окружавшіе Госпожу С * * * предавались справедливой скорби, страшася ее лишиться; но сама она показывала непоколебимую твердость. Строгое воздержаніе продолжило на нѣсколько мѣсяцевъ ея жизнь. Бодрость давала ей силы: она не лежала на постелѣ, ходила, читала, по обыкновенію призывала къ себѣ многихъ деревенскихъ дѣвушекъ, учила ихъ, давала имъ работу и занималась разговорами съ вѣрною своею Маріанною: къ ней часто приходилъ приходской Священникъ, и кротость съ равнодушіемъ никогда ее не оставляли.

Въ одно утро пріятныхъ дней Майскихъ встала она на самомъ еще разсвѣтѣ,

свѣтѣ, и съ Маріаною пошла въ поле прогуливаться. Она взошла на холмъ, съ котораго открывались въ восхитительномъ видѣ отдаленные предметы; она легла на траву, а Маріанна сѣла у ногъ ея. Черезъ нѣсколько минутъ Госпожа С*** встала, оперлась о плечо Маріанны, и сказала: какъ пріятно для меня это мѣсто! какая прекрасная картина! Посмотри, Маріанна, на этотъ лугъ, по которому мы столько разъ гуляли. Однажды нашли мы ту знакомую свою старушку, Дору, изнемогшую отъ несеннаго ею кузова съ кормомъ; въ рукѣ у ней было еще тяжелое ведро съ яблоками: ты сняла съ нее кузовъ, а я, не смотря на ея сопротивленіе, взяла ведро, и такимъ образомъ проводили мы ее до хижины. Помнишь ли, какъ мы радовались дорогою, пришедши къ ней въ хижину, и за завтракомъ, которымъ угостила насъ благодарная старушка? Посмотри направо: видишь ли тамъ зеленыя тропы вокругъ пруда, въ которомъ мы часто удили рыбу во время нашей молодости? Въ этомъ же самомъ мѣстѣ плели мы съ Марѳою и Бабетою маленькія корзинки, и наполняли ихъ фіалками и лѣсными орѣхами. Видишь ли тамъ внизу хижину нашей Марьи?

Марьи? Помнишь ли, что ты ей въ два дни сшила свадебное платье, которое я подарила ей? — Немного подалѣе влѣво, вижу ту рощу, въ которую ходила я въ праздничные дни по пріятнымъ лѣтнимъ вечерамъ съ ученицами своими. Какъ сладостны были для меня тѣ минуты, которыя проводила я тамъ, будучи окружена невинными деревенскими дѣвушками! Ты конечно помнишь еще долгія и забавныя исторіи, которыя разсказывала намъ Маргарета, и тѣ веселыя пѣсни, которыя пріятнымъ и стройнымъ голосомъ пѣла намъ Гонорина. — Всякой предметъ возбуждаетъ здѣсь во мнѣ какое нибудь воспоминаніе. . . . Какъ сладостно оно въ теперешнемъ моемъ состояніи! —

Когда Госпожа С * * * перестала говорить, Маріанна отворотилась отъ нее, чтобы сокрыть слезы, которыхъ уже она удержать не могла. — Послѣ минутнаго молчанія Госпожа С * * * подняла руки къ небу, произнося сіи слова: Существо высочайшее, Которое, кажется, зрю я сквозь оныя блистающія облака, небо украшающія! Богъ мой, внимающій мнѣ и читающій въ душѣ моей! благодарю Тебя, Творца и Благодѣтеля моего, за щастливое мое состояніе, въ которомъ

безопасна я отъ гоненій злобы, отъ злословія зависти, отъ заразительной язвы злыхъ примѣровъ и обмана хитрыхъ козней. Ничто не могло ослѣпить разума моего и развратить сердца. Я не знала ни Двора, ни города; я знала, что есть льстецы, честолюбивые, ложные мудрецы и такія люди, которыя коварствомъ унижаются и развращаютъ себя гордостію: я воздыхала о ихъ заблужденіи, и такое чувство часто разрушало пріятность сна моего. Я сожалѣла о злыхъ, но жила всегда отъ нихъ въ отдаленіи. Будучи свободна отъ жестокихъ страстей и удалена отъ шумныхъ и обольстительныхъ забавъ, жизнь моя протекла въ щастливой неизвѣстности. Щастіе мое было тѣмъ совершеннѣе, что оно не возбуждало никого противъ меня къ зависти; невинность и спокойствіе, вѣрная дружба и нѣжныя ощущенія человѣколюбія, услаждали всѣ часы жизни моей: я обладала всѣми истинными благами! . . И въ самую сію страшную минуту, въ которую память прошедшаго мучитъ порочнаго человѣка, представляются воображенію моему пріятнѣйшія воспоминанія. . . . Съ восхищеніемъ помышляю, что только одной добродѣтели обязана я тѣмъ великимъ щастіемъ,

емъ, которымъ я наслаждалася. — Боже мой! коль безконечна благость Твоя! Повелѣвая убѣгать зла, показываешь Ты намъ единое средство быть на землѣ щастливыми, обѣщая еще по ту страну сей тлѣнной жизни безсмертную награду. —

Тутъ упала она въ объятія къ Маріаннѣ. Жаръ, съ которымъ она говорила, истощилъ ея силы. Маріанна посмотрѣла ей въ лице, и увидя ее блѣдну, неподвижну и закрывшую глаза, подняла великой вопль. Госпожа С * * * взглянула, и пожавши съ нѣжностію у Маріанны руку, сказала ей съ кроткою усмѣшкою: что ты, Маріанна? не уже ли ты, будучи истинно благочестива, не ко всему еще готова? не уже ли ты медлишь еще съ вѣрою принести жертву? . . . Мы опять соединимся, сердечной другъ мой, соединимся неразлучно. . . . Утѣшайся моимъ спокойствіемъ. . . . Надѣюсь, что въ замкѣ С * * * будешь ты имѣть всегда свободное жилище. . . . Ахъ! какъ бы желала я сдѣлать тебя гораздо щастливѣйшею! . . . Признаюсь, что мнѣ хотѣлось бы еще исполнить одно желаніе — Тутъ Маріанна устремила глаза на свою Госпожу, и вниманіе, съ которымъ приготовлялась она слушать ее, удержало ея слезы.

Ты знаешь, продолжала Госпожа С * * *, что здѣсь есть учительница, которая дѣтей крестьянскихъ учитъ читать. Всѣ почти поселяне могутъ платить ей, однакожь есть и такіе, которые по великой своей бѣдности никакой платы за дѣтей своихъ давать не въ состояніи, хотя учительница и беретъ самую малую. Естьли бы я прожила еще нѣсколько лѣтъ, то накопила бы, можетъ быть, столько денегъ изъ доходовъ своихъ, чтобы могла опредѣлить учительницѣ ежегодную плату, за которую бы она стала учить бѣдныхъ крестьянскихъ дѣвушекъ даромъ; для этова довольно бы было двацати луйдоровъ. Но какъ Богу не угодно позволить мнѣ насладиться такимъ удовольствіемъ, то я и покаряюсь волѣ Его безъ роптанія. —— Маріанна схватила руку у Госпожи С * * *, воскликнувши: о святая душа! — Она не могла сказать ничего болѣе; рыданіе не давало ей говорить. Госпожа С * * * встала, оперлась о плечо ея, и пошла назадъ въ замокъ.

Послѣ сего разговора прожила Госпожа С * * * еще нѣсколько дней. Слабость принудила ее слечь въ постелю. Маріанна, угнѣтенная сердечною печалію, ни

ни на минуту отъ нее не отходила. Весь домъ былъ въ слезахъ. Дворъ наполненъ былъ жителями, которые попеременно приходили навѣдываться о состояніи *милостивой госпожи* своей, всеобщей ихъ благодѣтельницы, и которые уходили изъ замка только для того, чтобы итти въ церковь молиться о продолженіи драгоцѣнной ея жизни. Наконецъ почувствовала Госпожа С * * * приближеніе послѣдняго часа съ такою твердостію, которая извѣстна только однимъ истиннымъ Христіянамъ. На рукахъ у Маріанны испустила она послѣднее дыханіе... „Ахъ, Боже мой! закричала Катерина: что будетъ съ бѣдною Маріанною?„

Долгое время не спавши, пришла она въ изнеможеніе; а внутренняя скорбь еще болѣе ослабила ея здоровье, и она опасно занемогла. Но едва только пришедши опять въ состояніе встать съ постели, рѣшилась она оставить С * * *, собрала небогатое свое имущество, пошла въ церковь, гдѣ была погребена ея Госпожа, омочила слезами гробъ ея, и отправилась въ Шарлевиль, отчизну свою, къ сожалѣнію Священника и всѣхъ жителей. Два года ничего о ней было не слышно. Наконецъ Священникъ получилъ отъ нее

кошелекъ съ двацатью луйдорами и письмо слѣдующаго содержанія:

Шарлевиль, 24 Сентября, 1775.

ПОЧТЕННОЙ ОТЕЦЪ!

„Посылаю къ вамъ двацать луй„доровъ, то число денегъ, которое, какъ „вамъ извѣстно, покойная моя Госпожа „и благодѣтельница желала имѣть пе„редъ смертію. Слава Богу, что послѣ„дняя ея воля исполнится, и совершится „то доброе дѣло, которое занимало ея „мысли! Естьли бы у меня было болѣе „денегъ, то бы я самолично вручила „вамъ посылаемые при семъ двацать „луйдоровъ; но у меня нѣтъ и столько, „чтобы заплатить за половину дороги. „При всемъ томъ сердце мое спокойно, „хотя всегдашнее воспоминаніе покой„ной Госпожи и заставляетъ меня проли„вать слезы; а теперь уже сложила я съ „себя то бремя, которое тяготило меня „день и ночь. Покорнѣйше васъ прошу „раздать деньги взаймы надежнымъ „людямъ, чтобы учительница могла „ежегодно получать отъ нихъ прибыль. „Я почту себѣ за великое утѣшеніе,

„естьли

„естьли она впредь крестьянскихъ бѣд-
„ныхъ дѣвушекъ будетъ учить даромъ,
„и естьли всѣ матери въ деревнѣ вашей,
„даже и въ сосѣдствѣ, которыя не могутъ
„давать никакой платы, станутъ при-
„сылать къ ней своихъ дѣтей. Надѣюсь,
„что невинныя дѣти и родители ихъ
„будутъ всегда молиться за благодѣ-
„тельницу свою, и что вы скажете имъ,
„кому они благодарностію обязаны. Между
„тѣмъ прошу я Бога только объ одной
„милости, а именно о томъ, чтобы Онъ
„подалъ мнѣ средство когда нибудь воз-
„вратиться въ С * * *. Когда увижу я
„собственными глазами училище, заве-
„денное благотвореніемъ покойницы,
„тогда уже ничего болѣе въ мірѣ не по-
„желаю.„

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю
честь быть

Вашею
Покорною услужницею
Маріанна Рамбуръ.

Священникъ пришелъ въ величайшее удивленіе, читая сіе письмо; душа его удобна была ощущать всю великость такого дѣйствія. На другой день послѣ

обѣдни прочиталъ онъ всенародно письмо отъ Маріанны. Всѣ поселяне рыдали, и самъ Священникъ, не могши удерживать слезъ, часто долженъ былъ останавливаться. . . .

„Я такъ и думалъ, сказалъ Петръ: сколько бы у меня выкатилось слезъ, естьли бы я тамъ былъ! Да состоялась ли школа?„

Конечно. Священникъ отдалъ въ ростъ дватцать луйдоровъ. Сіе число денегъ, плодъ двулѣтняго труда добродѣтельной Маріанны, приносило учительницѣ столько прибыли, что она могла учить даромъ всѣхъ бѣдныхъ дѣтей въ С * * *.

Теперь скажите мнѣ, дѣти, не надобно ли въ разсужденіи добродѣтели отдать Маріаннѣ преимущество передъ Амвросіемъ? — „Ахъ, матушка! она еще гораздо лучше его сдѣлала: ничего не мудрено, что сожалѣніе заставило Амвросія усердно работать для Госпожи Вароннъ, за что благодарность ея послѣ его и наградила.„ — Амвросіева добродѣтель все будетъ добродѣтелію, однакожь Маріаннѣ необходимо надобно отдать преимущество:

ство: одно почтеніе къ памяти Госпожи заставило ее принесть всѣ тѣ жертвы, которыя принесъ онъ для сохраненія жизни своей Госпожи. Поступокъ Амвросія достоинъ удивленія, но поступокъ Маріанны превышаетъ всякую похвилу. По тому, что сдѣлала Маріанна для умершей Госпожи своей, судите, что бы она сдѣлала для спасенія жизни ея. — Не уже ли думаете вы, дѣти, что исторія Маріанны кончилась? — „Да какъ же, машушка?„ — Развѣ не чувствуете вы, что нѣтъ еще развязки? Не говорили ли мы, что великодушному дѣлу не льзя, рано или поздно, не получить награды? — „Ахъ! тѣмъ лучше, машушка! и такъ Маріанна будетъ награждена, и вечерняя повѣсть еще не окончана? Какая же радость! — Такъ что же будетъ далѣе, машушка?„ — Маріанна, отдавши все то, что имѣла, начала снова работать, хотя уже и не съ такимъ напряженіемъ силъ, ибо работала она только для содержанія своего. Въ сіе время умеръ одинъ изъ родственниковъ ея, которой, будучи тронутъ ея добродѣтелію, оставилъ ей ежегоднаго дохода двѣсти шестьдесятъ ливровъ. Получивши такое небольшое наслѣдство и безпрестанно работая, Ма-

ріанна почитала себя богатою; къ тому же городъ Шарлевиль, въ которомъ она жила, свободенъ отъ всякой подати (*) и въ изобиліи производитъ все нужное для жизни. Однакожь она издерживала для себя только самое необходимое, чтобы имѣть возможность подавать нѣкоторую помощь бѣднымъ.

„И такъ все Маріаннино награжденіе состояло въ двухъ стахъ шестидесяти ливрахъ! сказала съ печальнымъ видомъ Елисавета: на нашихъ деньгахъ будетъ это не болѣе семидесяти рублевъ.„ — Знай, отвѣчала Гжа. Добролюбова, что Маріанна съ 260 ливрами, живучи въ Шарлевилѣ и будучи трудолюбива, по состоянію своему была богатѣе придворной Французской Госпожи, имѣющей ежегоднаго дохода двацать пять тысячь ливровъ. Вообще можно сказать, что богатство, возносящее насъ выше нашего состоянія, не есть для насъ щастіе. —

(*) Шарлевиль, лежащій въ двацати пяти миляхъ отъ Парижа въ Шампаніи, не платитъ Коронѣ никакого рода податей.

А по чему, матушка? спросилъ Петръ. — Положимъ, отвѣчала Гжа. Добролюбова, чтобы Иванъ, слуга твой, получилъ завтра въ руки пять сотъ тысячь рублевъ. — „Иванъ бы совершенно былъ щастливъ; у него доброе сердце, и онъ бы сдѣлалъ много добра.„ — Положимъ, что такое щастіе и не вскружило бы ему головы, не сдѣлало бы его тщеславнымъ, гордымъ и безсмысленнымъ: однакожъ при всемъ томъ былъ бы онъ жалокъ. Иванъ умѣетъ читать и писать, хорошо мыслитъ, и въ теперешнемъ своемъ состояніи онъ человѣкъ завидной: но что бы такое былъ онъ въ *большомъ свѣтѣ*? Не былъ ли бы онъ подверженъ всякаго рода насмѣшкамъ? какъ бы сохранилъ онъ честь дома своего? каковы бы были его разговоры и внѣшніе поступки? могъ ли бы онъ владѣть своимъ имѣніемъ и судить, честенъ ли его управитель, или нѣтъ? Онъ бы захотѣлъ жениться: конечно не женится уже онъ тогда на какой нибудь мѣщанкѣ, но захочетъ взять жену благородную и хорошо воспитанную, которая пойдетъ за него только для однихъ денегъ, а послѣ будетъ мучить его жизнь; по чему Иванъ нашъ при богатствѣ своемъ могъ бы быть и нещастливъ и смѣшенъ.

Но

Но положимъ, чтобы къ нему пришло теперь въ руки только пять тысячь рублевъ: будучи свободнымъ человѣкомъ, могъ бы онъ насъ по волѣ оставить и жениться на какой нибудь купеческой дочери, которая принесла бы ему за собою въ приданое также тысячь пять, или шесть; имѣя достоинства и знанія, не совсѣмъ обыкновенныя по состоянію его, былъ бы онъ всѣми любимъ, могъ бы войти въ торгъ и быть щастливымъ человѣкомъ. — „Правда, матушка; но естьли бы Иванъ и получивши пять сотъ тысячь рублей остался въ прежнемъ своемъ состояніи, не захотѣлъ жить въ городѣ, купилъ бы себѣ землю, нанялъ работниковъ, женился на деревенской дѣвушкѣ и всѣ бы оставшіяся деньги употребилъ на благодѣянія: то не уже ли бы надъ нимъ смѣяться стали и онъ бы не былъ щастливъ? — Иванъ очень честной человѣкъ, но ты хочешь уже его сдѣлать Философомъ и Героемъ; а я ни того, ни другаго за возможное не почитаю. Къ тому же надобно еще, чтобы жена его была такая же Героиня, и чтобы всѣ дѣти ихъ были Философами; а безъ того жена не согласится большею частію богатства своего подѣлиться съ бѣдными,

да

да и дѣти также станутъ думать, и бѣдной Иванъ безпрестанно долженъ будетъ отъ всего семейства своего слушать упреки. — „Такъ ему жениться не надобно„ — А естьли ему жениться захочется? — „Да положимъ, что ему не захочется этова никогда.„ — Такъ у него дѣтей не будетъ: какого же великаго удовольствія ты его лишаешь! — „Ахъ, матушка! пусть будетъ у него хорошая мать, такъ онъ ничего не потеряетъ!„ — Другъ мой! ... Но пусть будетъ все такъ, какъ ты хочешь. Я кладу, что Иванъ имѣетъ нѣжную мать, которая будетъ жить съ нимъ въ сельскомъ его домикѣ; онъ станетъ жить весьма умѣренно и знатное число денегъ ежегодно будетъ употреблять на помощь бѣднымъ: но не уже ли думаешь ты, что богатство не навлечетъ на него множества хлопотъ? — „Да какихъ же, матушка?„ — Иванъ не знаетъ сердца человѣческаго; коварныя люди войдутъ къ нему въ довѣренность, показывая, будто хотятъ научать его всему доброму и споспѣшествовать благодѣтельности его. Думая дѣлать добро, будетъ онъ ими обманутъ, обкраденъ, раззоренъ, и, вмѣсто всякаго добра, обогатитъ обманщиковъ и злодѣевъ.

дѣевѣ. — „Но естьли будетѣ онѣ имѣть довѣренность кѣ однимѣ умнымѣ и честнымѣ людямѣ?„ — Кѣ нещастію, людей сѣ пропивными свойствами гораздо болѣе. И такѣ прошу васѣ замѣтить, сколько надобно дѣлать чрезвычайныхѣ и почти невозможныхѣ предположеній, чтобы Иванѣ могѣ быть благополученѣ, естьли бы завтра отѣ руки щастія получилѣ онѣ пять сотѣ тысячь рублевѣ. — „Вѣ правду говорите, матушка. Теперь чувствую, что для благодѣяній не довольно одного добраго сердца: надобно имѣть еще и просвѣщенной разумѣ. Понимаю и то, что нещастливѣ человѣкѣ, естьли изѣ природнаго своего состоянія переходитѣ онѣ вѣ вышшее.„ — То есть такой человѣкѣ, какѣ Иванѣ и добродѣтельная Маріанна, и человѣкѣ безѣ воспитанія; ибо люди добродѣтельныя, просвѣщенныя и знающія хорошо сердце человѣческое, могутѣ быть щастливы во всякомѣ состояніи: по крайней мѣрѣ ни вѣ какомѣ состояніи не могутѣ они быть не на своемѣ мѣстѣ. — „Хорошее воспитаніе очень важно.„ — Конечно; оно дѣлаетѣ насѣ ко всему способными, открываетѣ намѣ тысячу средствѣ кѣ поправленію худыхѣ обстоятельствѣ, предохраняетѣ насѣ отѣ

отъ глупой гордости, которою весьма часто надуваетъ щастіе, или, по крайней мѣрѣ, оно научитъ насъ скрывать ее. Оно облегчаетъ чувство неравенства, нудитъ людей любить насъ и доставляетъ намъ сладчайшія удовольствія. Оно дѣлаетъ для насъ уединеніе пріятнымъ, а въ мірѣ показываетъ насъ всѣмъ съ хорошей стороны; оно доводитъ до совершенства разумъ, удобряетъ сердце и развертываетъ душевныя способности. Судите же, любезныя дѣти, какою благодарностію обязанъ хорошо воспитанной человѣкъ всякому, бравшему какое нибудь участіе въ воспитаніи его. ---- „А особливо родителямъ своимъ„ ---- Безъ сомнѣнія; и кто чувствуетъ, такъ какъ вы, всѣ свои къ нимъ обязанности, тотъ сердечно любитъ и почитаетъ и учителей своихъ, равно какъ и прочихъ приставниковъ, которымъ удѣлили они нѣкоторыя свои права. — Послѣ сего Гжа. Добролюбова встала, обняла дѣтей и послала ихъ ложиться спать.

На другой день разговаривали дѣти по обыкновенію о вчерашней повѣсти. Онѣ не переставали хвалить добродѣтельной Маріанны Рамбуръ, но не взирая на все то, что имъ говорила Гжа. Добролюбова,

любова, не могли онѣ увѣриться, чтобы Маріанна была по достоинству щастлива. Двумя стами шестидесятью ливрами годоваго дохода она сама сѣ нуждою прожить можетѣ, сказала Катерина; а что бы помогать бѣднымѣ, ей надобно безпрестанно работать, издерживая для себя, какѣ говоришѣ матушка, только самое необходимое: это мнѣ очень прискорбно. Я желала бы, чтобы она по крайней мѣрѣ могла помогать бѣднымѣ безѣ всякаго для себя отягощенія.

Я все слышала, сказала Катеринѣ послѣ ужина Гжа. Добролюбова, что ты говорила о Маріаннѣ. Да отѣ чего же ты краснѣешь? — „Матушка„ . . . Естьли тебѣ досадно, что я подслушивала разговоры твои сѣ братомѣ и сестрою, такѣ впередѣ за десять шаговѣ отѣ меня громко не говори. — „Ахѣ, матушка! мнѣ отѣ васѣ таить нечего.„ — Такѣ отѣ чего же краснѣешь? отвѣчай мнѣ. — „Отѣ того, что, не смотря на вчерашнее ваше разсужденіе, я утверждала, будто бы добродѣтель Маріаннина получила очень несовершенное награжденіе; а теперь чувствую, что я очень виновата, думая различно сѣ моею матушкою.„ — Будь увѣрена, что мнѣніе твое несправедливо, естьли

естьли оно съ моимъ не согласно. Когда доказательства мои тебя не убѣждаютъ, такъ предлагай мнѣ свои сомнѣнія: я всегда готова тебя слушать и отвѣчать тебѣ. И такъ естьли ты различнаго со мною мнѣнія, то, кажется, надобно тебѣ въ томъ чистосердечно передо мною признаваться: я даже отъ тебя и требую этова. Но говоря о томъ съ другими, проступаешься ты противъ того почтенія, которое ты обязана имѣть ко мнѣ. Сверьхъ того, естьли ты несправедливо поняла меня, то не возможно мнѣ будетъ вывесть тебя изъ заблужденія, естьли ты мнѣніе мое не при мнѣ *критиковать* станешь. — „Критиковать? Ахъ, матушка! что это за слово!„ — Можетъ быть сказала я уже слишкомъ сильно. Однакожь не говорила ли ты, что Маріанна по твоему мнѣнію недовольно награждена, и что ты со мною въ этомъ несогласна? . . . Хочешь ли ты выслушать доказательства мои? — „Ахъ, матушка! съ величайшею радостію; я буду стараться понимать васъ, чтобы согласно съ вами думать.„ — Вить ты недовольна тѣмъ, что Маріанна по мнѣнію твоему не совершенно щастлива? — „Да, матушка.„ — А что можетъ сдѣлать

совершенно щастливымъ человѣка честнаго, простаго, трудолюбиваго и въ великодушіи до вышшей степени дошедшаго? ... Не уже ли деньги? ... Ты конечно этова не думаешь. — „Но естьли денегъ желаешь на доброе, такъ вить онѣ могутъ еще щастіе наше увеличить.„ — И такъ благодѣтельность можетъ по твоему мнѣнію дѣлать людей честолюбивыми, а этому быть не льзя. Богатства желаютъ всегда либо по гордости, или по корыстолюбію. Естьли къ благодѣяніямъ побуждаетъ человѣка не суетность, такъ онъ бываетъ совершенно доволенъ тѣмъ, что помогаетъ бѣднымъ по своей возможности.' Богатой благодѣтель подаетъ съ большимъ шумомъ, а бѣдной съ большимъ удовольствіемъ. — „По чему же, матушка?„ — Понять не трудно: чѣмъ дѣйствіе наше лучше, тѣмъ болѣе доставляетъ оно намъ удовольствія. — „Это совершенная правда.„ — Дѣйствіе бываетъ тѣмъ лучше, чѣмъ дороже оно стоитъ. Человѣкъ, имѣющій двацать тысячь рублевъ годоваго дохода, и проживающій только десять, чтобы остатокъ отдавать бѣднымъ, дѣлаетъ конечно доброе дѣло, и, по нещастію, весьма рѣдкое. Однакожь чего онъ лиша-

лишаетъ себя? Нѣкоторыхъ блестящихъ бездѣлокъ, нѣкоторыхъ брилліантовъ, нѣкоторыхъ излишнихъ украшеній. Удерживая у себя ежегодно десять тысячь, можетъ онъ имѣть всѣ невинныя пріятности въ жизни, которыя доставляетъ щастіе. Онъ отказался отъ однѣхъ суетныхъ излишностей; такая жертва не важна, а очень блестяща: она прославляетъ его и возбуждаетъ къ нему во всѣхъ почтеніе. Онъ безъ сомнѣнія щастливъ и достоинъ быть таковымъ. Но щастіе бѣднаго благотворителя стократно болѣе его щастія. Представь себѣ Маріанну съ двумя стами шестидесятью ливрами ежегоднаго дохода; представь, что она дѣлаетъ добро только для Бога и совѣсти своей; вообрази ее себѣ цѣлой день работающую для того, чтобы вечеромъ отнести тихонько какому нибудь больному, или бѣдной матери небольшое число денегъ, накормить ослабѣвшаго мясною похлебкою, либо троимъ или четверымъ ребятамъ доставить хлѣбъ. Послѣ этова поди за нею мысленно домой, и ты увидишь ее возвращающуюся съ заплаканными глазами, еще тѣми сладостными слезами омоченными, которыя она пролила. Она вхо-

дитъ въ маленькую свою комнату, и ужинъ ея, можетъ статься, будетъ состоять только въ одномъ салатѣ; но она скажетъ сама въ себѣ: кушанье, отъ котораго мнѣ на нынѣшній день отказаться надобно, насыщаетъ четверыхъ нещастныхъ. — Такая мысль наполняетъ ея сердце сладостнымъ удовольствіемъ. Она воспоминаетъ благодарность бѣдной матери; еще, кажется ей, слышитъ она слова ея и видитъ дѣтей съ жадностію бросающихся на хлѣбъ, котораго онѣ тщетно уже два дни просили. — Не должно ли такое воспоминаніе усладить бѣдной ея ужинъ? Съ какимъ удовольствіемъ, съ какою вѣрою, вставая изъ за стола, помолится она Богу, сказавшему: *Внемлите милостыни вашея не творити предъ человѣки, да видими будете ими: аще ли же ни, мзды не имате отъ Отца вашего, иже есть на небесехъ* (*). Маріанна не имѣла щастія и славы извлечь изъ бѣдности множества нещастныхъ; не завела она ни училищъ, ни больницъ, однакожъ подавала она милостыню тайно, да и подавала то, что для нее самой было весьма нужно. Она не искала ни похвалъ, ни

(*) Еванг. Матѳ. гл. 6. ст. 1.

ни одобренія другихъ людей: одна Религія и любовь къ человѣчеству управляла ею. Въ размышленіяхъ своихъ, въ своемъ сердцѣ и въ воспоминаніяхъ дѣлъ своихъ, а особливо въ принесенныхъ ею жертвахъ, находитъ она неистощимой источникъ благополучія; коротко сказать, она еще въ здѣшней жизни вкушаетъ часть безсмертнаго Ангельскаго блаженства, будучи довольна сама собою и увѣрена въ милости Божіей. — Теперь, надѣюсь, ты уже поймешь, что Маріанна, будучи богатѣе и помогая бѣднымъ безъ отнятія у себя нужнаго, не могла бы столько утѣшаться своею милостынею, потому что она не столько бы для нее дорога была. Это знаешь ты по себѣ. Тебѣ прислали кузовъ съ яблоками: ты раздѣлила ихъ съ братомъ и сестрою. Прасковья принесла тебѣ ягненка: сестра попросила его, а ты отдала. Скажи теперь, которое изъ этихъ двухъ дѣйствій принесло тебѣ болѣе удовольствія? — „Отдавши сестрицѣ бѣленькаго ягненка, я болѣе радовалась.„ — А вить тебѣ жаль было съ нимъ разстаться? — „Жаль, матушка; однакожь это самое и заставило меня почувствовать то великое удовольствіе, ко-

торое сдѣлаетъ онъ сестрицѣ. Я думала, что сестрица будетъ въ восхищеніи, естьли я подарю ей ягненка; я представляла себѣ ея удивленіе и радость, и думала, что подаривши его, болѣе буду радоваться, нежели играя имъ сама. Я взяла у няни розовую ленточку, повязала ее на шею ягненка и побѣжала искать сестрицу. Сердце у меня очень билось — однакожь отъ радости. Я была въ восхищеніи.„ — Принося великодушно какую нибудь жертву, всегда бываемъ мы въ такой радости: чѣмъ болѣе жертва, тѣмъ мы довольнѣе собою. По радости, которую ты ощущала, воображая радость сестрину, когда бы она ягненка въ подарокъ получила, можешь ты судить о той, которую чувствовать должно, подавши помощь нещастному семейству, бывшему въ опасности умереть отъ голода и бѣдности. — „Ахъ, машушка! безъ всякаго труда могу я себѣ это представить. Но когда позволите вы намъ имѣть то величайшее удовольствіе, чтобы помогать нещастнымъ?„ — Въ слѣдующую зиму, возвратяся въ Москву, естьли вы во все это время будете себя вести хорошо. — „Это будетъ самое лучшее для насъ награжденіе.

Но

Но когда, матушка, и здѣсь нѣтъ очень нещастливыхъ людей, то какъ же быть имъ въ Москвѣ, въ такомъ хорошемъ городѣ, въ которомъ живетъ множество людей богатыхъ?„ — Нещастныхъ найдешь во всякомъ городѣ; а что касается до богачей, то они еще менѣе другихъ помогаютъ бѣднымъ. Чѣмъ многочисленнѣе городъ, тѣмъ болѣе въ немъ нищихъ: роскошь, владычествующая въ большихъ городахъ, бываетъ обыкновенною тому причиною. — „Одно это можетъ отвратить человѣка отъ городской жизни, а деревню напротивъ того сдѣлать пріятною. Да какъ же, матушка, найти тѣхъ нещастныхъ, о которыхъ вы говорите? Я знаю, что тѣ еще не самые злощастные, которые просятъ милостыню. Больные, не имѣющіе силы выйти и на улицу„ . . . Такихъ-то бываетъ множество въ большихъ городахъ; не бываетъ въ нихъ почти ни одной улицы, въ которой бы не льзя было найти такого человѣка. — „Боже мой! и мимо домовъ ихъ безпрестанно ходятъ? и сосѣди ихъ не заботятся о нихъ? . . Такъ вы думаете, матушка, что и на нашей улицѣ въ Москвѣ есть такіе бѣдные? У меня бы отъ этова глазъ съ глазомъ во всю

ночь не сошелся. Какъ можно спать покойно, когда подумаешь, что за сто шаговъ, можетъ быть, живетъ отъ тебя бѣдной больной человѣкъ, валяющійся на соломѣ!„ — Сохрани навсегда такое чувство человѣколюбія, любезная дочь; когда же будутъ у тебя деньги, и тебѣ захочется накупить какихъ нибудь безполезныхъ бездѣлокъ, то вспомни эту мысль и скажи сама себѣ: деньгами, которыя заплачу я за эту игрушку, могшую бы мнѣ въ два дни наскучить, могу я спасти жизнь умирающаго младенца и безутѣшной матери. — „Ахъ! я никогда не стану покупать лишнихъ бездѣлицъ.„ — Не говори этова: потому что по всей вѣроятности не можешь сдержать своего обѣщанія. Довольствоваться только необходимымъ, а прочее отдавать бѣднымъ, есть дѣйствіе такой добродѣтели, которой не льзя ожидать отъ дѣтей. Хорошо, естьли увѣришься и въ томъ, что эта добродѣтель существуетъ, и что только она одна можетъ человѣка сдѣлать на землѣ щастливымъ. Пріучайтеся съ нынѣшняго еще времени размышлять о тѣхъ малостяхъ и бездѣлкахъ, которыя часто бываютъ предметомъ вашихъ желаній. Подумайте,

что

что онѣ доставляютъ только преходящія удовольствія, забавы суетныя и мечтательныя; подумайте также напротивъ того, что и одно повѣствованіе о добромъ дѣлѣ васъ трогаетъ, восхищаетъ и заставляетъ проливать слезы — Что бы вышло, естьли бы такое дѣло вы сами сдѣлали? — Приводите себѣ иногда на мысль множество нещастныхъ, томящихся голодомъ тогда, когда вы хлѣбъ бросаете; они дрожатъ отъ холода, не имѣя одежды, а вы рѣжете свое платье для наряда куколъ. Такія размышленія сдѣлаютъ васъ человѣколюбивыми и бережливыми; потому что безъ бережливости не льзя быть щедрымъ. И такъ привыкайте ничего не бросать даромъ, налагайте сами на себя небольшія жертвы, и старайтеся управлять собою. Не забывайте никогда, что посредствомъ одной добродѣтели можно сдѣлаться почтеннымъ, любимымъ и щастливымъ; не забывайте и нашихъ разговоровъ и вечернихъ повѣстей. Душа ваша мало помалу будетъ возвышаться, а разумъ просвѣтится: вы будете истинными благодѣтелями, услажденіемъ и славою вашей матери. — „Мнѣ бы теперь же хотѣлось сдѣлать васъ щастливою, машушка. Развѣ совсѣмъ не льзя

въ моихъ лѣтахъ имѣть такого добраго сердца, чтобы для бѣдныхъ отказаться отъ бездѣлокъ?„ — Въ лѣтахъ твоихъ не возможно имѣть основательнаго разсудка, чтобы достигнуть того совершенства, о которомъ ты говоришь. Ты еще ничего не видала, все для тебя ново, все тебя прельщаетъ; но когда научишься судить основательно, тогда множество малостей, которыя теперь нравятся тебѣ и привлекаютъ къ себѣ твои глаза, покажутся тебѣ пустыми, и ты станешь уважать единственно то, что трогаетъ сердце: но ничто совершенно его не довольствуетъ, кромѣ благодѣянія. Впрочемъ никто не обязанъ отдавать всего излишка своего бѣднымъ. Евангеліе предписываетъ намъ давать милостыню (*), но оно не повелѣваетъ намъ для выгоды другихъ людей лишаться всего. Хотя бы тотъ, кто совершенно одушевленъ духомъ Евангелія, и отдалъ нищимъ все свое имущество: однакожь Христіянской законъ не требуетъ того, чтобы мы всѣми житейскими удовольствіями жертво-

(*) Просящему у тебе дай: и хотящаго отъ тебе заяти не отвращи. Матѳ. гл. 5. ст. 42.

твовали человѣколюбію; онъ требуетъ только, чтобы мы воздерживались отъ исполненія прихотей, для заглажденія многихъ пороковъ нашихъ благотвореніемъ. —— „Все это для меня понятно. Кто посредственно хорошъ, тотъ отдаетъ небольшую часть своего излишка; кто очень хорошъ и набоженъ, тотъ отдаетъ болѣе половины; а кто совершенно хорошъ, тотъ отдаетъ все.„ — Роспись твоя очень справедлива. —— „Да вы только теперь сказали, матушка, что не льзя быть щедрымъ безъ бережливости?„ —— Конечно. Что ты потеряешь и промотаешь, то украдешь у нищихъ. Небережливость порочна еще болѣе по тому, что она не доставляетъ намъ никакого удовольствія. На прим. кажется, у меня въ карманѣ записка тѣмъ вещамъ, которыя ты, Катерина, нынѣшнимъ годомъ потеряла; няня твоя отдала мнѣ ее. .. Вотъ она. Ты потеряла черную тафтяную манишелью, шесть носовыхъ платковъ, четыре пары перчатокъ, два наперстка, три игольника и ножницы. Все это надобно было покупать снова и заплатить за то рублевъ десять. Естьли бы ты была осторожнѣе, такъ бы десять рублей осталось у меня въ карманѣ, и

я мо́гла бы употребить ихъ либо на какое нибудь для тебя удовольствіе, или на благодѣяніе. Буде ты не постараешься освободиться отъ этова порока, такъ онъ съ возрастомъ твоимъ будетъ мнѣ становиться дороже; потому что, пришедши въ лѣта, будешь ты имѣть у себя много дорогихъ вещей. Завтра разскажу я тебѣ такую исторію, которая въ разсужденіи небережливости, надѣюсь, можетъ сдѣлать въ тебѣ впечатлѣніе. — „Да для чего же не теперь, машушка? Теперь еще очень рано.„ — Для того, что я еще не кончила вчерашней повѣсти. — Какъ! закричали всѣ дѣти: исторія Маріанны Рамбуръ еще не кончана!„ — Я вамъ не сказывала, что она вся. Вы меня безпрестанно останавливали, и вопросы ваши не дали мнѣ времени продолжать повѣсти. Я старалась доказать вамъ, что худо воспитанныя люди вообще бываютъ достойны сожалѣнія, когда непредвидимая судьба выводитъ ихъ изъ того состоянія, въ которомъ они родились. Я увѣрила, естьли не ошибаюсь, Катерину, что Маріанна Рамбуръ съ 260 ливрами ежегоднаго дохода могла быть щастлива; однакожь я не сказала, чтобы это не

боль-

большое наслѣдство составляло все награжденіе, которымъ Небо увѣнчало добродѣтель ея. Я вспомнила вамъ положеніе, что *великодушное дѣйствіе и въ самомъ эдѣшнемъ мірѣ никогда безъ награжденія не остается.* Послѣ этова вы всѣ закричали, что 260 ливровъ въ годъ дохода очень не много, не узная, подлинно ли все награжденіе ея въ этомъ состояло. — „Вижу теперь, что не надобно торопиться дѣлать заключенія, и что прежде рѣшенія надобно все узнать точно. Мы заслуживали, чтобы вы въ наказаніе намъ не досказывали конца Маріанниной исторіи; однакожь бы это было для насъ очень прискорбно.„ — До этова прискорбія и довести я васъ не намѣрена. Довольно для меня и того, что вы впередъ обѣщаетесь судить и заключать не слишкомъ поспѣшно.

Возвратимся къ Маріаннѣ. Въ уединеніи своемъ услышала она, что Священникъ въ С * * * читалъ письмо ея всенародно; ей было это очень непріятно. Она писала о семъ къ Священнику такъ: „ „Мнѣ очень жаль, что вы разгласили та- „кое дѣло, котораго бы никому знать не „надобно, кромѣ Бога и васъ.„ Хотя такое сожалѣніе было очень искренно, однакожь

кожь скоро весь Шарлевиль узналъ исторію Маріанны. Первыя люди въ городѣ старались ее увидѣть и познакомиться съ нею. Многія даже изъ нихъ употребляли всѣ возможныя средства принудить ее принять помощь, въ которой ея положеніе, казалось, имѣло нужду. Но Маріанна никакъ на то не соглашалась, отвѣчая всегда, что она ни въ чемъ нужды не имѣетъ, и что она совершенно довольна своею участію. Наконецъ Священникъ деревни С * * * по обстоятельствамъ своимъ долженъ былъ ѣхать въ Парижъ. Пріѣхавши туда, при всякомъ случаѣ разсказывалъ онъ поступокъ своей Героини. Между прочимъ разсказалъ онъ трогательную сію исторію одной Госпожѣ, вручивши ей нѣкоторыя Маріаннины письма и описаніе заведенной ею школы. Сія Госпожа отдала бумаги сіи одному ученому своему пріятелю, чтобы онъ помѣстилъ ихъ въ своемъ сочиненіи, которое онъ тогда готовился отдать въ печать (*) — „Какъ! жизнь Маріанны напечатана? Я этому очень рада; Маріанна уже прославилась.„

(*) Подъ названіемъ: la Fete de la Roſe, напечатанная при романѣ, наименованномъ: les Amours de Pierre le Long.

вилась.„ —— Не смотря на скромность свою, сшала она извѣстною. Но послушайте, чѣмъ все кончилось. —— „Такъ вотъ еще развязка! Сердце у меня бьется. Что же, матушка?„ — Одинъ молодой Принцъ, которой былъ тогда въ твои лѣта, Петруша — Надобно сказать, что онъ подавалъ и въ дѣтствѣ, подаетъ и теперь надежду, что величіе добродѣтели его не уступитъ величію того званія, къ которому его Провидѣніе назначило —— Сей Принцъ, такъ какъ и вы, любезныя дѣти, любилъ слушать трогательныя повѣсти: онѣ возбуждали все вниманіе его, производили сильное впечатлѣніе въ его сердцѣ и начертывались у него въ памяти. Особа, участвовавшая въ его воспитаніи, разсказала ему однажды исторію Маріанны Рамбуръ. При концѣ повѣсти молодой Принцъ, заливаяся слезами, воскликнулъ: *какъ жаль, что я еще ребенокъ*! —— Для чего, милостивой государь? спросили у него. —— „Я наградилъ бы эту добродѣтельную дѣвицу.„ — *У* васъ есть нѣжной родитель. — „Могу ли я попросить его?„ — Безъ всякаго сомнѣнія; прозьба ваша очень его обрадуетъ. — Принцъ, внѣ себя отъ радости, вскочилъ, бросился вонъ изъ ком-

комнаты, пробѣжалъ черезъ коридоръ въ третій этажъ, вбѣжалъ въ билліартную комнату, въ которой было человѣкъ десять постороннихъ. Но Принцъ не видалъ никого, кромѣ своего родителя. Не взирая на природную свою застѣнчивость, бросился онъ въ его объятія, и рыдая, сказалъ ему: *Батюшка! я хочу просить васъ объ одной милости.* Отведя его въ другую комнату, предложилъ онъ ему прозьбу свою такимъ образомъ, что родитель пролилъ слезы. Онъ обнялъ сына своего, радуяся его чувствительности, и прижимая его къ своему сердцу, сказалъ: теперь же твоимъ именемъ пошлю повелѣніе о ежегодной выдачѣ Маріаннѣ Рамбуръ шести сотъ ливровъ. — „Теперь, матушка, перервала Катерина, я совершенно довольна. . . . Какой добродушной Принцъ! Какъ же, думаю, былъ онъ веселъ! . . . Вѣрно онъ самъ захотѣлъ писать къ Маріаннѣ, чтобы увѣдомить ее о такой новости„ — Самъ, и письмо написалъ такое:

С. Л. 2 Авг. 1782.

„Я очень щастливъ, что меня увѣ-
„домили о поступкѣ, которой былъ дѣй-
„ствіемъ вашей дружбы къ Госпожѣ С * * *
„ибо

„ибо сіе подаетъ мнѣ случай сказать „вамъ, какъ я тронутъ имъ. Мнѣ хотѣли „доказать, сколь хороша добродѣтель, „и сколь достойна она любви; и для „того разсказали мнѣ вашу исторію.

„Я обязанъ вамъ урокомъ, которой „у меня никогда изъ памяти не выдетъ, „и которой я всегда съ чувствительно„стію воспоминаю. Примите, сударыня, „о выдачѣ вамъ ежегодно по шести сотъ „ливровъ указъ, къ вамъ посылаемой, въ „знакъ моего удивленія и живѣйшаго уча„стія, которое я во всю жизнь мою буду „брать въ судьбѣ вашей.

„При семъ же письмѣ прилагаю по„велѣніе выдать вамъ за первую чет„верть года полтораста ливровъ, щитая „съ перваго числа прошедшаго Іюля.„

Представьте себѣ, любезныя дѣти, какое дѣйствіе произвело это письмо въ чувствительной душѣ Маріанны; болѣе по тому, что приложенной указъ наполненъ былъ самыми уважительными и трогательными выраженіями. — И такъ Маріанна по состоянію своему, а болѣе по мѣсту своего жилища, сдѣлалась очень богатою, будучи почитаема всѣми почитателями добродѣтели.

VII.

„Ахъ, матушка! какая прекрасная исторія! — Какъ полюбила я маленькаго добродѣтельнаго Принца!„ — Я надѣюсь, что завтрашняя повѣсть вамъ не менѣе полюбится. Но теперь уже поздно, и намъ пора разойтися. — „Послушайте, матушка! какая будетъ та исторія, которую вы намъ завтра по милости своей разсказывать намѣрены?„ — Я разскажу вамъ исторію Эглантины, отъ лѣности исправленной. — „Эглантина! . . . Какое прекрасное имя! . . . И она была лѣнива?„ — Этотъ порокъ еще не самой страшной, но вы увидите, какія можетъ онъ произвести непріятности. Между тѣмъ пойдемъ ложиться спать. — Сіи слова возбудили великое любопытство въ дѣтяхъ, и онѣ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали назначеннаго для повѣстей времени, въ которое мать ихъ и начала разсказывать исторію свою, которую увидимъ въ слѣдующей Части.

ВЕСНА.

Наступаетъ весна и гонитъ къ сѣверу жестокую зиму. Вездѣ является пріятная перемѣна. Солнце возвышается, низпосылаетъ лучи свои на землю гораздо прямѣе, жаромъ своимъ растопляетъ снѣжныя громады и превращаетъ ихъ въ мутную воду, а горы воздымаютъ къ небесамъ зеленѣющіяся главы свои.

Часто еще возвращается зима съ бурями своими и налагаетъ цѣпи мраза на блѣдное утро; устрашаетъ водныхъ птицъ, прилетѣвшихъ изъ жаркихъ странъ Юга, и нудитъ ихъ искать въ частомъ тростникѣ убѣжища отъ хлада. Но скоро уже мразъ не будетъ сжимать воздухъ; скоро уже истребятся всѣ признаки зимы, и сѣверные вѣтры заключатся въ мрачныхъ своихъ пещерахъ.

Наконецъ весна побѣждаетъ. Зима надолго долженствуетъ удалиться отъ предѣловъ нашихъ со всѣми своими бурями и мразами. Теплота солнечная, проницая въ сокъ растеній, одѣваетъ ихъ зеленію, сею всеобщею одеждою юной Природы, въ которой тѣнь со свѣтомъ соединяется. Зефиромъ ведомая, спѣшитъ зелень сія отъ влажнаго луга къ сухому пригорку. Древа распускаются, и готовятъ густыя сѣни для прохлажденія утомленнаго человѣка.

Южной вѣтрЪ навѣваетЪ на лазуревое небо тяжелыя облака, исполненныя дождя весенняго. Сперва являются онѣ въ видѣ небольшихЪ пятенЪ; но густой парЪ, отЪ земли подъемлющійся, быстро мчится на высоту и густою тмою небо покрываетЪ. ВдругЪ повергается зефирЪ въ совершенную тишину. Никакое дыханіе не трепещетЪ въ лѣсахЪ дремучихЪ, и не колеблетЪ блистающихЪ листочковЪ осинника. Разливающіяся рѣки, широко простирая воды свои, забыли, кажется, свое теченіе. Все пребываетЪ въ молчаніи и пріятномЪ ожиданіи.

Отверзаются облака: сперва, опуская тихія капли, производятЪ оныя едва примѣтную зыбь на поверхности водЪ, но потомЪ въ изобиліи проливаютЪ на жаждущую землю сокровищи свои. Гуляющіе среди рощей, помраченныхЪ множествомЪ листьевЪ, едва слышатЪ низпаденіе дождя. Но возможно ли тогда въ тѣни остаться, когда благое небо сыплетЪ въ лоно Природы травы и цвѣты съ плодами? Все оживляется. Веселіе видно во взорахЪ животныхЪ; самыя горы, долины и лѣса, благодаряТЪ, кажется, всеобщаго Творца. Величественной человѣкЪ, шествуя среди радостнаго творенія, чувствомЪ живѣйшей благодарности восхваляетЪ высочайшую Благость.

КЪ вамЪ, отроки! обращаюсь я; кЪ вамЪ, чувствительныя и нѣжныя души, могущія

гущія живѣе ощущать красоты Природы! Ядъ развращенія не столь еще сильно дѣйствуетъ во внутренности вашей; природной вкусъ не совсѣмъ погибъ въ васъ, и вы еще можете быть друзьями моими. Идите за мною, юные человѣки! разсматривайте тѣ картины, которыя буду я писать въ глазахъ вашихъ; вы увидите въ нихъ кисть Природы, ибо она учила меня живописи.

Цѣлой день изливаютъ облака питательной запасъ свой, и удожденная земля исполняется растительной жизни. Наконецъ на западномъ небѣ проглядываетъ солнце изъ отверзтія красящихся облаковъ, пріятно измѣняющихся передъ лучами онаго. Быстрое озареніе мгновенно освѣщаетъ гору, проницаетъ сквозь лѣсъ и трепещетъ на водахъ. Между тѣмъ является великая эѳирная дуга, отсвѣчаемая восточнымъ облакомъ; испещренная различными цвѣтами, отъ краснаго простирается она до віолетоваго, сливающагося съ цвѣтомъ неба и изчезающаго. Для глазъ мудраго распускаютъ тутъ облака различную нить свѣта, а юной пастухъ видитъ на небѣ распростершуюся дугу, и бѣжитъ къ тому мѣсту, гдѣ, по мнѣнію его, надобно ей землѣ коснуться; но съ удивленіемъ примѣчаетъ, что играющая дуга отъ него удаляется, а наконецъ и совсѣмъ пропадаетъ. — Наступаетъ тихая нощь, и насыщенная земля ожидаетъ утренняго луча,

чтобы явить бальзамическія сокровищи, дождемъ на нее изліянныя.

Покрываютъ землю зеленыя травы, которыхъ роды и самой искуснѣйшій Ботаникъ изчислить не можетъ. Природа щедрою рукою на всѣ стороны разметала сѣмяна свои, разнесла ихъ въ вѣтрахъ и перемѣшала съ дождемъ. Но кому изъяснить силы ея? Кто чистымъ взоромъ проницаетъ въ сіе таинственное сокровище здравія, жизни и радости; въ сію пищу человѣка, когда онъ еще жилъ въ невинности и простотѣ, и, не зная болѣзней, былъ не тираномъ міра, но повелителемъ его?

Оку моему открывается пространная долина, среди коей чистѣйшіе ручьи извиваются. Тутъ лилія піетъ росу, блестящую на зелени. Западной вѣтерокъ со всѣхъ сторонъ несетъ ко мнѣ благоволніе; сама Аравія не можетъ похвалиться пріятнѣйшимъ: оно вливается во всѣ чувства, проницаетъ въ душу и приводитъ ее въ сладостнѣйшее восхищеніе. Достоинъ воззрѣнія и сей лугъ, усѣянной разновидными цвѣтами, гдѣ Природа является въ прекрасной будничной одеждѣ. Разсматривающее око видитъ безпредѣльныя красоты, необезображенныя подражательнымъ искусствомъ. Тутъ милліоны трудолюбивыхъ пчелъ перелетываютъ съ мѣста на мѣсто, садятся на цвѣточные головки и

малень-

маленькимъ своимъ насосомъ вытягиваютъ изъ нихъ чистѣйшую сущность, эѳирную душу.

Когда духъ любви, возбужденной оживляющимъ воздухомъ, овладѣетъ сердцемъ, тогда совокупляются птицы въ хоры и начинаютъ воспѣвать пѣсни, бывши долгое время въ молчаніи. Пѣніе ихъ бываетъ сперва тихо, но нѣжное вліяніе усиливается, и пѣсни ихъ становятся громогласнѣе. Жаворонокъ, вѣстникъ утра, воспаряетъ со звучнымъ пѣніемъ; еще прежде, нежели изчезаютъ тѣни, поетъ онъ на воздушныхъ высотахъ подъ облаками сѣдѣющагося дня, и вызываетъ изъ гнѣздъ многочисленные роды пѣвцевъ. Всѣ рощи, всѣ кусты исполняются сладкогласія. Между тѣмъ соловей отлагаетъ пѣніе свое до наступленія ночи; онъ молчитъ и внимаетъ пѣснямъ другихъ птичекъ. Всѣ прочія поютъ; самыя тѣ птицы, которыхъ пѣніе называемъ мы карканіемъ и чиликаніемъ, присоединяя гласы свои ко гласамъ другихъ птицъ, увеличиваютъ пріятность всеобщаго концерта.

Любовь поетъ въ птичкахъ; сладкопѣніе, раздающееся по дубравамъ, кусточкамъ, пустынямъ, полямъ, лугамъ, есть гласъ любви. Любовь могущественная! ты правишь подсолнечною! ты хранишь роды тварей, обитая въ сердцѣ каждаго существа. Тебя обожала Древность; тебѣ Египтяне подъ именемъ Аторы сооружали храмы, именуя тебя

Венерою, приносила тебѣ Грецiя чистѣйшiя жертвы. Буди благословенна, всеобщая Любовь!

Наконецъ каждая чета летитъ туда, куда влечетъ ее или удовольствiе, или безопасность. Онѣ удаляются въ дремучiе лѣса и шамъ гнѣздятся. Иныя вѣряютъ плодъ свой колкой защитѣ терновника, иныя густотѣ малиновыхъ кустовъ; иныхъ укрываетъ вѣтьвистое дерево, давая имъ насѣкомыхъ своихъ на пищу, а мохъ на гнѣзды. Нѣкоторыя отлетаютъ на удаленныя долины и въ дикiя пустыни. Но большая часть птичекъ любятъ лѣсное уединенiе, въ коемъ увеселяетъ ихъ тихое журчанiе источниковъ. Онѣ сносятъ сухiя вѣтьви, и съ неподражаемымъ искусствомъ строятъ себѣ домики, обмазывая ихъ иломъ. Часто прилетаютъ онѣ ко многочисленнымъ стадамъ овецъ и воловъ, и подбираютъ шерсть ихъ, по правѣ вѣпромъ развѣваемую; иногда же тихонько уносятъ съ гумна соломенки, пока жилище ихъ еще несовершенно.

Когда терпѣливая самка прилѣжно сидитъ на гнѣздѣ своемъ, не отвлекаема отъ яичекъ своихъ ни голодомъ, ни любовiю къ гулянiю: тогда нѣжной ея супругъ сидитъ противъ нее и неутомимо услаждаетъ скуку ея пѣснями своими; или заступаетъ иногда ея мѣсто, когда она сходитъ съ гнѣзда для вкушенiя принесенной имъ для нее пищи.

Когда

Когда же время исполнится, и птенцы получатъ совершенную жизнь, тогда самка разбиваетъ носкомъ своимъ тѣсную темницу ихъ, и выходитъ на свѣтъ слабое семейство, безпрестаннымъ крикомъ требующее корма. Какія страсти, какія жаркія ощущенія любовнаго попеченія чувствуютъ тогда новыя родители! Онѣ летятъ и немедленно приносятъ имъ пищу; едва успѣютъ раздѣлить ее на равныя части, уже снова летятъ за нею. Такъ поступаетъ чета вѣрныхъ супруговъ, поверженныхъ въ злополучіе, и живущихъ въ уединенной хижинѣ среди дремучихъ лѣсовъ, но исполненныхъ благородныхъ чувствъ и увеселяющихся попеченіями, надѣяся на покровительство Неба; такъ забываютъ они собственной свой голодъ, взирая на дѣтей своихъ, и отдаютъ имъ все.

Не только презираютъ птицы сіи всякой трудъ, но любовь, вдыхаемая великимъ Отцемъ весны, вселяетъ въ нихъ и удивительную хитрость. Когда хищная лиса приближается ко гнѣзду ихъ, тогда укрываются онѣ съ птенцами своими въ густотѣ ближайшихъ суковъ; когда же хищной человѣкъ хочетъ въ гнѣздѣ изловить ихъ, тогда вылетаютъ онѣ, и, паря у него надъ головою, отвлекаютъ его отъ птенцовъ. Сколь жалки вы, пѣвцы лѣсные, когда человѣкъ лишаетъ васъ свободы и заключаетъ въ тѣсную клѣтку! головки ваши бываютъ тогда отягчены печалію,

чалію, перья ломаются и теряютъ прежній блескъ свой; пѣніе ваше лишается тогда почти всей прежней пріятности. Пощадите, друзья любви и лѣснаго сладкогласія, пощадите сихъ нѣжныхъ тварей! не заставляйте соловья сокрушаться о тщетныхъ заботахъ. Возвращаяся съ пищею, часто съ ужасомъ находитъ самка гнѣздо свое пустое; не видя тѣхъ, для которыхъ принесла кормъ, роняетъ она его на землю. Крылышки ея трепещутъ, и едва долетаетъ печальная до густой сѣни вѣтьвистой ивы, тутъ, предавшися отчаянію, всю ночь воспѣваетъ она страданія свои.

Между тѣмъ младыя птички оперяются и по внутрекнему побужденію стремятся изъ гнѣзда на чистой воздухъ. Въ часы тихаго и пріятнаго вечера, въ которой лѣса, одѣянные златымъ сіяніемъ, исполняются бальзамическаго запаха, новые сіи граждане посѣщаютъ воздушныя пространства. Прыгая на вѣтьвяхъ, удаляются онѣ еще отъ края, страшася ввѣрить себя пустотѣ. Наконецъ родители и вожди ихъ летятъ передъ ними и нудятъ ихъ слѣдовать своему примѣру: имѣя къ нимъ безпредѣльную довѣренность, бросаются онѣ за ними внизъ съ вѣтьвей; воздухъ пріемлетъ ихъ въ нѣдра свои, и онѣ летятъ, будучи научены тому самою Природою. —

Воз-

Возвожу взоръ на зеленые пригорки, и вижу пастуха, сидящаго на свѣжей муравѣ и покойно разсматривающаго заходящее солнце. Вокругъ его разсыпаются бляющія стада; исполнены веселія, прыгаютъ агнцы. Почувствуя жажду, всѣ стада спѣшатъ къ чистому источнику, уже нѣсколько столѣтій кроткихъ овецъ напоявшему. Утоливши жажду, разсыпаются онѣ по кустамъ, пригорки окружающимъ. —

Не уже ли человѣкъ не присоединитъ улыбку свою ко всеобщей улыбкѣ Природы, когда и небо и земля стараются купно возвысить существо его и увеселить его душу? Не уже ли и въ сіе время свирѣпыя страсти будутъ палить грудь его, въ то время, когда каждое дуновеніе вѣтерка разноситъ миръ по творенію? Бѣгите въ свѣтлыя темницы свои, недостойные сыны земли! не дерзайте ходить по весеннему ковру, вы, пребывающіе нечувствительными къ страданію ближняго! Но васъ, благомыслящія души, въ которыхъ Творческая благость сіяетъ яснѣе, нежели во всѣхъ иныхъ тваряхъ, васъ призываетъ весна къ пиршеству своему; вы составляете вышшую красоту Природы. Подобно тихо дѣйствующему небу, часто нечаяннымъ благодѣяніемъ приводите вы въ изумленіе нещастнаго, въ уединеніи живущаго. Для васъ развѣваютъ Зефиры благости весеннія; для васъ изливаются въ обиліи на

землю

вемлю питательные дожди; для васъ свѣтитъ солнце, для васъ, цвѣтъ человѣчества! Радуйтеся, имѣя причину радоваться! Всѣ времена года васъ благопривѣтствуютъ; теперь весна сплетаетъ для васъ особенно вѣнокъ изъ пышныхъ розъ своихъ и вѣнчаетъ имъ главы ваши. Послѣ долгаго весенняго дня жизни наступитъ ясной вечеръ, и вы заснете сномъ сладчайшимъ; освобождены отъ тѣлесности, души ваши возлетятъ къ новымъ явленіямъ, гдѣ любовь и блаженство вѣчно царствуютъ. —

Ты всемъ управляешь, небесной Отецъ нашъ! вездѣ видна рука Твоя. Изліяніе Духа Твоего есть душа творенія; безъ него все бы погибло и возвратилось въ первое ничтожество, которое могущественнымъ Словомъ Своимъ Ты въ бытіе превратилъ. Тебѣ покланяется Природа со всѣми тварями. Зефиры тихимъ вѣяніемъ хвалятъ Тебя. Тебя возвѣщаютъ мрачныя пустыни, гдѣ древніе дубы густыми сѣнями своими вселяли въ душу мою благоговѣніе къ Тебѣ. Стремительные вихри, потрясая устрашенной міръ, проповѣдываютъ Твое могущество. Ручьи прославляютъ Тебя журчаніемъ своимъ; Тебя прославляютъ и быстрыя рѣки своимъ шумомъ. Величественной океанъ, таинственной міръ чудесъ, мчитъ отъ предѣловъ къ предѣламъ звукъ славы Твоея. И травы и цвѣты и плоды благовоніемъ своимъ превозносятъ Твою щедрость. Хоры птичекъ Тебя величаютъ.

чаютъ. Источникъ дня, огненное солнце, изливая на весь міръ свѣтъ, говоритъ мнѣ: не думай, чтобы свѣтъ сей, надѣляющій жизненною теплотою тебя и всѣхъ тварей, собственно изъ меня изходилъ; нѣтъ, онъ сообщенъ мнѣ Отцемъ свѣтовъ, и Ему только обязанъ ты благодареніемъ. Луна и звѣзды то же говорятъ мнѣ. Громы гремятъ въ хвалу Твою; молнія блистаетъ въ Твою честь. — Восхвали же, о человѣкъ! восхвали и ты Бога. Ты глава, ты сердце, ты языкъ всего творенія. Естьли бы судьба повелѣла мнѣ жить на краю міра, въ отдаленныхъ странахъ Аравіи; тамъ, гдѣ восходящее солнце позлащаетъ сперва Индійскія горы, или гдѣ заходящіе лучи его озаряютъ Атлантическіе острова: и тамъ бы равно ощущалъ я бытіе Бога, вездѣ присутствующаго, и тамъ бы радовался. Великъ Господь въ дѣлахъ Своихъ, великъ!

КОНЕЦЪ IX ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Содержащихся въ сей Части повѣстей.

	Стран.
Вступленіе. - - - -	3
Дельфина, или щастливое исцѣленіе. -	20
Мѣдникъ, или взаимная благодарность.	101
Великодушіе дружбы. - -	144
Весна. - - -	195

Въ Университетской книжной лавкѣ въ Москвѣ, продаются слѣдующія книги; также можно всѣ оныя получить, по тѣмъ же цѣнамъ, чрезъ всѣ Почтовыя Конторы.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ:

1) Достопамятности Натуры, 1779. въ 8. Москва, 60 к. бум. 65 к. пер. 85 к.

2) Дѣтская книга, или общія мнѣнія и изъясненія вещей, коимъ дѣтей обучать должно, изданіе второе, 1780. въ 8. Москва, 25 к. бум. 30 к.

3) Дѣтская Философія, или нравоучительные разговоры между одною Госпожею и ея дѣтьми, сочиненныя для поспѣшествованія истинной пользѣ молодыхъ людей 2 Части, 1776 и 1779. въ 12. Москва, 120 к. бум. 130 к. 170 к.

4) Дѣтское чтеніе для сердца и разума, 8 Частей 1785 и 1786. въ 8. Москва, 5 руб. бум. 540. к. пер. 600 к.

5) Золотой прутъ, восточная повѣсть, 1782. въ 8. Москва, на бѣлой бумагѣ 80 к. бум. 85 к. пер. 105 к.

6) Карманная, или памятная книжка, для молодыхъ лѣтъ содержащая въ себѣ наставленіе прекрасному полу, съ показаніемъ, въ чѣмъ должны состоять упражненія ихъ, 1784. въ 8 Москва, 25 к. бум. 30 к.

7) Книга премудрости и добродѣтели, или состояніе человѣческой жизни, Индѣйское нравоученіе, 3 Части, 1786. на бѣлой бумагѣ, въ 8. Москва, 70 к. бум. 75 к. пер. 1 руб.

8) Наставленіе отъ отца дочерямъ, 1784. въ 8. Москва, 35 к. бум. 40 к.

9) Описаніе краткое образа жизни, нравовъ и обрядовъ въ разныхъ Народахъ, 1782. въ 8. Москва, 55 к. бум. 60 к. пер. 80 к.

10) Основанія начальныя дѣятельнаго Христіянства, по вопросамъ и отвѣтамъ расположенныя, которыя большею частію изображены

словами самаго Священнаго Писанія для Дѣтскаго чтенія, 1786. на бѣлой бумагѣ, въ 8, Москва, 30. к. бум. 35 к.

11) Островъ надежды, иносказаніе для дѣтскаго чтенія, 1785. въ 8. Москва, на бѣлой бумагѣ 35 к. бум. 40 к.

12). Письма нѣкоторой духовной особы и его дочери, писанныя изъ деревни къ его сыну, находящемуся въ Лондонѣ, 1784. въ 8. Москва, 60 к. бум. 65 к. пер. 85 к.

13) Правила истинныя Христіянскаго воспитанія дѣтей, предложенныя въ писмѣ, въ которомъ содержатся такъ же начальныя основанія Христіянской Религіи и жизни для людей всякаго состоянія, 1785. въ 8. Москва, 40 к. бум. 45 к.

14) Путеводитель юношества, или наставленія отца къ сыну, съ пріобщеніемъ краткаго сочиненія подъ заглавіемъ: Чувствительность, 1786. въ 8. Москва, на бѣлой бумагѣ 40 к. бум. 45 к.

15) Путешествіе добродѣтели, или странствованіе по свѣту юнаго Китайскаго Царевича съ Философомъ, предводительствовавшимъ и научавшимъ онаго, въ новѣйшія времена случившееся, 2 Части, Москва, 1782 въ 8. на бѣлой бумагѣ 90 к. бум. 100 к. пер. 115 к.

16) Театръ для пользы Юношества, на голландской бумагѣ, Москва, 1779 въ 8. 130 к. бум. 140 к. пер. 160 к.

Онъ же на Россійскомъ и Французскомъ, 255 к. пер. 285 к.

17) Училище юныхъ дѣвицъ, или разговоры матери съ дочерью, подающіе ясныя понятія, и нужныя познанія для юности, служащія продолженіемъ и дополненіемъ Дѣтскаго Училища, 1784. въ 8. Москва, 90 к. бум. 100 к. пер. 115 к.

18) Примѣры мудрости и добродѣтели, выбранные изъ исторіи, съ наставленіями для дѣтей, И. Ф. Феддерсеномъ 2 Части, для Дѣтскаго чтенія въ 8, 1787, М. 125 коп. бум. 135 коп. пер. 150 коп.